

Рудольф Штайнер

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Двенадцать лекций в Гамбурге

с 18 по 31 мая 1908 года

Библиотечный № 103

<http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=1>

Первая Лекция

Гамбург, 18 мая 1908 г.

Наши лекции о Евангелии от Иоанна будут иметь двойную цель. Во-первых, углубить и расширить в различных направлениях теософические понятия сами по себе, во-вторых, с помощью полученных таким образом теософических представлений приблизиться к великому памятнику Евангелию от Иоанна. Я прошу Вас хорошенько заметить, что лекции предполагаются в этих двух направлениях. Дело идет не только об истолковании Евангелия от Иоанна, но, руководясь им, мы проникаем в глубокие тайны бытия; и мы хотим установить сущность теософического анализа в связи с тем или иным великим историческим документом, дошедшим до нас от различных религий. Можно было бы предположить, что, говоря о Евангелии от Иоанна, теософ делает это обычным способом, т.е., опираясь на подобный источник, он черпает из него определенные истины, которые затем подтверждает религиозным авторитетом. Но это никак не может быть задачей теософического мирозерцания. Здесь задача совершенно иная. Если теософия хочет выполнить свою истинную задачу по отношению к современному человеческому духу, то она должна показать, что если человек научится употреблять свои внутренние силы и способности, — силы и способность духовного восприятия, — то, применяя их, он сможет проникнуть в тайны бытия, в то, что скрыто в духовных мирах за чувственным миром. И тот факт, что путем своих внутренних способностей человек может достичь до тайн бытия, что через свое собственное познание он может коснуться творческих сил и существ вселенной, — этот факт должен все больше входить в сознание современного человечества. Итак, мы должны сказать, что скрытый смысл Евангелия от Иоанна может быть достигнут человеком **независимо от какого-либо предания или исторического памятника**. Для полной ясности поясним это (крайним) примером. Предположим, что вследствие какого-нибудь события человек потерял бы решительно все свои религиозные памятники и сохранил бы только свои настоящие способности, в таком случае он все же должен был бы с одними этими способностями проникнуть в тайны бытия, он должен был бы достичь до божественно-духовных творческих сил и существ, скрытых за физическим миром. И теософия должна строить именно на этих источниках познания, независимых от всяких памятников. И лишь затем, после такого независимого исследования божественно-духовных тайн мира, мы обращаемся к религиозным памятникам. Лишь тогда познаем мы их истинную ценность, ибо мы становимся известным образом свободными и независимыми от них. В них мы находим тогда то, что до этого нами было найдено независимо от них, и о человеке, который следует подобному методу относительно религиозных памятников, можно с уверенностью сказать, что эти памятники никогда не утратят для него своей ценности, он будет всегда относиться к ним с должным благоговением и уважением. Поясним это еще одним примером: древний геометр Эвклид первый дал нам ту геометрию, которую в соответствующем классе изучает каждый школьник; но разве сама наука геометрия непременно связана с книгой Эвклида? Какое множество людей изучает элементарную геометрию, не подозревая о первой книге, в которой Эвклид изложил элементарные понятия

геометрии, и делает это в силу того, что *геометрия проистекает из известной способности человеческого духа*. Лишь после того, как изучив геометрию, мы наталкиваемся на старую книгу Эвклида, научаемся мы правильно ценить ее: ибо мы находим в ней наше собственное знание и оцениваем *ту форму*, в какой это знание было дано впервые. И так же мы можем теперь найти те великие мировые события, о которых говорит Евангелие от Иоанна, путем дремлющих в нас сил, не зная ничего о Евангелии от Иоанна, подобно тому, как ученик изучает геометрию, не зная ничего о книге Эвклида.

Иногда же, вооруженные знанием о высших мирах, мы подходим к Евангелию от Иоанна и спрашиваем себя: что заключается в этой истории человеческого духа, то мы видим, что глубочайшие тайны духовных миров таинственно сокрыты и даны человечеству в этой книге, и так как мы уже знаем, что это истины божественно-духовных миров, то лишь теперь познаем мы духовность и божественность Евангелия от Иоанна в его истинном значении, и справедливо признаем его божественность. Это верный способ приблизиться к памятникам, говорящим о вещах духовных. Как относится теософ к исследователям, которые подходят к таким памятникам, говорящим о духовных вещах, с прекрасным знанием языка, на котором написан этот памятник, например, Евангелие от Иоанна, т.е., к обыкновенным филологам (ибо даже теологи известного рода являются, собственно, лишь филологами в отношении содержания таких книг)? Возьмем еще раз, для сравнения, геометрию Эвклида. Кто правильнее изложит ее: тот ли, кто сумеет хорошо, в известном роде, перевести ее словами, но не имеет ни малейшего понятия о геометрии? Получится нечто странное, если за геометрию Эвклида примется человек, ничего до этих пор не смысливший в геометрии. Но пусть переводчик будет даже неважным филологом, — если только он сведущ в геометрии, он сможет правильным образом оценить ее. Так относится теософ к другим исследователям Евангелия от Иоанна. Обычно оно получается теперь так, как филологами толковалась бы геометрия Эвклида. Но *теософия сама по себе дает знание духовных миров*, описанных в Евангелии от Иоанна. По отношению к Евангелию от Иоанна теософия находится в том же положении, как геометр по отношению к Эвклиду, — то, что заключено в Евангелии от Иоанна, он несет уже в себе. Не стоит останавливаться на часто делаемом упреке, что таким образом мы привносим в памяти то, чего в них нет. Мы скоро увидим, что понимающий содержание Евангелия от Иоанна, не вкладывает в него ничего, кроме того, что в нем есть. Понимающий способы теософического изложения не будет особенно останавливаться на этом упреке. Как и другие памятники ничего не теряют в своей значимости и ценности, когда понято их истинное содержание, также и Евангелие от Иоанна. Для проникшего в тайны мира оно является одним из значительнейших документов в духовной жизни человека.

Вдаваясь глубже в содержание Евангелия от Иоанна, мы можем тогда задать вопрос: откуда же произошел тот факт, что Евангелие от Иоанна, которое является столь важным памятником для духоиспытания, все больше и больше отодвигается на задний план именно теологами, призванными, казалось бы, к его истолкованию, и заслоняется остальными тремя Евангелиями? Этот вопрос должен быть затронут прежде, чем мы приступим к самому Евангелию от Иоанна. Вам всем известно, что в этом отношении утвердились удивительные представления и мнения. В старые времена это Евангелие почиталось, как один из наиболее глубоких и значительных памятников о сущности и смысле деяний Христа Иисуса на Земле, и в древнехристианскую эпоху никому бы не пришло в голову смотреть на это Евангелие иначе, как на важный исторический документ палестинских событий. В новейшее время дело обстоит иначе, и как раз те, которые считают себя наиболее твердо стоящими на почве исторического исследования, наиболее подорвали прежнее воззрение на Евангелие от Иоанна. С некоторого времени, исчисляемого уже веками, начали обращать внимание на те противоречия, которые встречаются в Евангелиях. После многих колебаний, среди теологов установилось следующее мнение. Они сказали: в Евангелиях много противоречий, и совершенно нельзя понять, почему палестинские события с четырех сторон совершенно различным образом рассказаны четырьмя евангелистами. Если мы возьмем повествования Матфея, Марка, Луки и Иоанна, то они дают столько различных данных о том или ином факте, что невозможно себе представить, что все эти данные совпадают с историческими событиями. Такое мнение постепенно установилось среди исследователей Евангелий. Но вот в последнее время образовалось воззрение, что в трех первых Евангелиях еще можно установить известное согласование относительно изложения палестинских событий, но что

Евангелие от Иоанна слишком сильно уклоняется от того, о чем повествуют три первые Евангелия, и потому трем первым Евангелиям следует приписать большую историческую достоверность, чем последнему. И мало-помалу пришли к тому заключению, что Евангелие от Иоанна возникло с иной целью, чем три первых. Эти Евангелия просто хотели рассказать о том, что произошло; автор Евангелия от Иоанна имел совершенно иное намерение, и по многим причинам теологи склонялись к тому мнению, что Евангелие от Иоанна вообще было написано сравнительно поздно. Мы еще будем говорить об этом. Значительная часть исследователей полагает, что Евангелие от Иоанна было написано в третьем или четвертом десятилетии второго христианского века, может быть, даже и во второй половине второго века и, следовательно, — так говорили они себе, — оно возникло в ту эпоху, когда христианство уже распространилось в определенной форме и, может быть, уже имело противников. Те или иные противники выступали против христианства, и сторонники этого мнения говорили: в авторе Евангелия от Иоанна мы имеем человека, который главным образом стремился дать поучение, нечто вроде апофеоза, нечто вроде апологии христианства против враждебных ему течений. Автор Евангелия от Иоанна не имел в виду точно передать исторические события, но изобразить свое собственное отношение к Христу. Таким образом, многие видят в этом Евангелии не что иное, как своего рода религиозную поэму, написанную под влиянием религиозно-лирического настроения автора в его отношении к Христу с целью привлечь к нему и других. Может быть это положение не везде высказано столь крайним образом, но если вы рассмотрите литературу по этому вопросу, то вы увидите, что такое мнение весьма распространено, приходясь по душе и отвечая убеждениям многих наших современников. За последние несколько столетий в человечестве, все более склонявшемся к материализму, возникло известного рода отвращение от такого понимания исторического становления вообще, какие даны нам уже в первых словах Евангелия от Иоанна. Подумайте только, что эти первые слова не допускают никакого иного объяснения, как то, что в Иисусе из Назарета, жившем в начале нашей эры, было воплощено существо высшего духовного порядка. Автор Евангелия от Иоанна, по всему своему существу, говоря об Иисусе, не мог начать иначе, как тем, что он называет *«Словом»* или *«Логосом»*, и он не мог сказать иначе, как: *«Это Слово было в начале и все начало быть через Слово или через Логос»*. Примем это слово в полном его значении, и мы увидим, что автор Евангелия от Иоанна вынужден (был) обозначить как «Логос» то мировое начало, то высшее, до чего может подняться человек, и он должен признать, что все создано этим Логосом — первоосновой всех вещей. Продолжая дальше, он говорит: *«И Слово стало плотью и обитало с нами»*, т.е., мы видели Его, живущим среди нас, и вы поймете Его, если примете, что в нем жило то же начало, коим созданы растения и животные, и люди, и все, что вокруг нас. И если мы не хотим привнести искусственное истолкование, то должны признать, что по смыслу этого Евангелия *высшее начало было однажды воплощено в теле*. Сравним же требования, какие предъявляются сердцу человека подобными представлениями, с тем, что говорят некоторые из современных теологов. В настоящее время вы можете прочесть в богословских сочинениях и услышать на различных лекциях: мы не апеллируем больше к какому-либо сверхчувственному началу, нам ближе всего тот Иисус, которого изображают три первых Евангелия, — *«простой человек из Назарета»*.

Вот что стало до известной степени идеалом многих теологов, а люди постоянно стремятся к низведению по возможности исторических событий на ступень обычных человеческих событий. Их смущает появление столь высокого существа, как Христос Евангелия от Иоанна. Поэтому они говорят об апофеозе Иисуса — «простого человека из Назарета», нравящегося им так потому, что о нем они могут сказать: «ведь у нас был Сократ и другие великие люди, он (не) отличается от этих других, и, говоря о «простом человеке из Назарета», они прилагают к нему масштаб обычного банального человека». Эти разговоры о «простом человеке из Назарета», встречаемые теперь в многочисленных богословских сочинениях, также в богословско-академических трудах так называемой «просвещенной» (или рациональной) теологии, стоят в связи с тем материалистическим образом мыслей, который развился в Европе за последние столетия и который допускает существование лишь физически-чувственного мира или лишь последнему придает реальное значение. В ту эпоху человеческого развития, когда взгляд человека еще устремлялся к сверхчувственному, человек мог сказать: «конечно, во внешнем мире, во внешних явлениях то или иное историческое лицо можно сравнить с простым человеком из Назарета, но в своем духовном, в своем невидимом Иисус из Назарета был Единственным». Когда же было утрачено прозрение и виденье в сверхчувственный и

невидимый мир, то был утрачен и масштаб для всего, что поднималось над обычным уровнем человечества, и особенно ясно это выразилось в религиозных представлениях. В религиозную жизнь стал проникать материализм. Он гораздо менее опасен для духовного развития человечества в области естественнонаучных фактов, чем когда затрагивает религиозные представления и тайны. Нам придется говорить, например, об истинном духовном понимании Тайной Вечери, о претворении хлеба и вина в тело и кровь, и мы увидим, что *такое* духовное понимание Тайной Вечери совершенно не умаляет ее ценности и значения, но это будет именно духовным пониманием, какое существовало у первых христиан и еще в первой половине средних веков, когда сознание человечества было более духовным. Тогда еще многие понимали слова «*Сие есть тело Мое! Сия есть кровь Моя!*» так, как мы научимся понимать их. Но в течение веков такое понимание должно быть утрачено по причинам, которые мы узнаем впоследствии. Тогда, в средние века, существовало одно удивительное направление, вошедшее глубже, чем вы это можете думать, в умы человечества. Из современной истории вы очень мало можете узнать о том, как постепенно развивались души, и что они переживали. В середине средних веков в христианских умах Европы обнаружилось глубоко идущее течение, которое духовный смысл учения о Тайной Вечере истолковало материалистически. При словах: «Сие есть тело Мое, сие есть кровь Моя!» люди могли лишь представлять себе материальный процесс превращения хлеба и вина в тело и кровь. То, что раньше представлялось духовным, начали представлять себе в грубо материальном смысле. Материализм проскальзывает в религиозную жизнь задолго до того, как он овладевает естествознанием. Не менее ярким примером. В средние века ни одному из теологов, пояснения которого имели вес, не могло придти в голову принимать 6 дней творения в книге Бытия за наши дни, состоящие из 24-х часов. Ибо понимали, что стоит в источниках и умели раскрывать смысл библейских слов. Что значит день? Днем называется нечто, что обусловлено положением Земли относительно Солнца. Можно говорить о днях в современном смысле лишь тогда, когда соотношение Солнца и Земли и их движение представляются такими, как сейчас. Но о подобном взаимоотношении Неба и Земли в книге Бытия говорится лишь с «четвертого» дня творения. До тех пор было бы бессмысленно представлять себе наши дни, ибо лишь с четвертого «дня» появилась возможность дня и ночи, до этого не могло быть и речи о днях в современном смысле. Но наступило время, когда люди перестали понимать, что здесь разумеются день и ночь в их духовном значении, когда время стало мыслиться только как представление физических дней. Таким образом, для материалистически мыслящего человека, и даже для теолога, день творения стал «днем» в нашем смысле, ибо он не знает другого. А вот вам пример того, как об этих вещах говорили старые теологи. Прежде всего, они говорили себе, что в древних религиозных источниках не стоит ничего, что не имело бы значения, и что в важных местах нет ничего лишнего. Как пример, возьмем одно место. В книге Бытия (Быт 2, 21) сказано: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон, и он уснул». Старые толкователи придавали этому месту совершенно особое значение. Те, которые уже знакомы немного с развитием духовных сил и способностей человека, знают о существовании разных видов сознания, и что называемое нами «сном» у обыкновенного человека есть лишь преходящее состояние сознания, которое в будущем (как сейчас, например, уже у посвященного) превратится в такое состояние, в котором человек, освобожденный от тела, будет прозревать в духовный мир. Потому старый теолог говорил: «Бог навел на Адама глубокий сон, в котором он мог воспринимать то, чего не мог воспринимать своими чувственными органами». Здесь подразумевается ясновидческий сон и рассказывается о том, что познается в высшем состоянии сознания, потому Адам и впадает в сон. Таково было старое толкование, при котором говорили себе, что в религиозном памятнике не было бы упомянуто, что Бог навел на человека глубокий сон, если бы он погружался в сон и до этого момента. Таким образом, здесь указано, что этот сон был первым, и что до тех пор человек находился в таком состоянии сознания, в котором он воспринимал духовные вещи непрерывно. Вот что говорили народу. Итак, вы видите, что когда-то существовало духовное объяснение библейских памятников, но когда появился материализм, то он приписал Библии то, что ныне в ней оспаривается образованными людьми. Вы видите, как материализм проник в человечество и как, вследствие этого, было утеряно истинное, подлинное, действительное понимание религиозных памятников. Когда Теософия выполнит свою задачу и покажет людям, какие тайны скрывает за собой физический мир, тогда будет показано, как эти тайны излагаются в религиозных памятниках. Внешний грубый материализм, который в наши дни считается столь опасным, есть лишь последняя фаза того материализма, о котором я рассказывал

вам. Прежде всего, появилось материалистическое толкование Библии. Если бы человек никогда не дал материалистического истолкования Библии, то и во внешней науке не могло бы появиться материалистическое объяснение природы Геккеля; и то, что в 14 и 15 веке было положено как основание в религиозном отношении, в 19-м веке взошло, как плод, в естествознании. Это привело к невозможности понять Евангелие от Иоанна, если не проникнуть к духовным первопричинам, и только не понимая Евангелия от Иоанна, можно его обесценивать. И т.к. те, которые его не поняли, были заражены материалистическим направлением, то оно и представилось им в вышеизложенном свете. Простое сравнение уяснит вам, как Евангелие от Иоанна отклоняется от трех остальных: Представьте себе гору; на этой горе на известных высотах стоят различные люди, и эти люди, — скажем, их трое, — срисовывают то, что видят внизу: каждый из них будет рисовать различно, смотря по месту, на котором стоит, но, конечно, каждый из этих трех рисунков будет верным для соответствующей точки: у стоящего уж на вершине горы и рисующего то, что под ним, кругозор опять-таки получится иной. Таков кругозор трех евангелистов синоптиков — Матфея, Марка и Луки — по отношению к Иоанну, который описывает те же вещи, только с иной точки зрения. И чего только не придумали ученые критики для пояснения Евангелия от Иоанна. Иногда можно, правда, удивляться, чего только не говорят ученые исследователи, что легко можно было бы разглядеть, если бы наше время не было временем наибольшей веры в авторитет. Вера в непогрешимую науку дошла ныне до наивысшего предела. Так, уже о вступлении Евангелия от Иоанна мы должны сказать, что оно представляет большие трудности для затронутых материализмом теологов. Учение о Логосе или Слове принесло людям большие затруднения. Они говорят себе: «Нам так хотелось бы, чтобы все было просто, несложно и немудрено, — а тут является Евангелие от Иоанна и говорит о высоких, философских вещах, о Логосе, жизни, свете». Филолог привык всегда спрашивать, откуда происходит то или это; с новыми произведениями иначе и не поступают. Прочтите сочинения, написанные по поводу Гетевского «Фауста». Вы найдете повсюду указания, откуда происходит тот или другой мотив. Перерываются, например, все книги за целые столетия, чтобы уяснить, откуда взял Гете слово *Wurm* (червь), которое он употребляет, и также спрашивают, откуда взял Иоанн понятие «Логоса»? Другие евангелисты, говорившие к простому, несложному человеческому рассудку, не выражаются так лично, как Иоанн. И дальше говорили, что автор Евангелия от Иоанна был человек с греческим образованием, и указывали на тот факт, что Филон Александрийский, бывший греческим писателем, тоже говорит о Логосе. Следовательно, когда в высших образованных греческих кругах желали говорить о высоком, то говорили о Логосе, — отсюда и взял его Иоанн. И это было принято опять-таки за доказательство того, что он находился под влиянием греческой цивилизации и в соответствии с этим перечекал факты. И именно начальные слова Евангелия от Иоанна: «**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог**» — показывают, что философское понятие «Логоса» проникло в ум автора Евангелия от Иоанна и повлияло на его изложение. Таким людям следовало бы показать начало Евангелия от Луки. Там сказано: «Как уже многие начали составлять повествование о совершенно известных между ними событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами о служителями **СЛОВА**, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил,...» (Лк 1, 1-3). Здесь как раз, в самом начале стоит, что то, о чем он хочет рассказать, передано теми, кто были «**очевидцами и служителями СЛОВА**». Замечательно, что Иоанн, который в этом исходил, якобы, из греческого образования, и Лука, который, однако, согласно их взгляду, принадлежал к простым людям, равно говорят о Логосе. Подобные вещи должны были бы обратить внимание даже верящих в авторитет людей, что к таким результатам могут приводить не точные основания, а предрассудки, это воззрение на Евангелие от Иоанна, на его особое положение по отношению к другим Евангелиям, — обусловлено материалистическим воззрением. Отсюда мы легко можем заключить, что и в Евангелии от Луки речь идет о том же, и что сказанное свидетелями и служителями Логоса означает, что в прежние времена о Логосе говорили как о чем-то, что люди знали, и что было обычным для них. Это мы должны особенно заметить себе теперь, дабы глубже проникнуть в первые положения Евангелия от Иоанна. О чем говорит употребляющий слово «Логос» или «Слово» в нашем смысле? О чем говорит он?

Вы не можете прийти к представлению Логоса ни путем теоретического объяснения, ни абстрактным анализом понятий, но вы должны своей душой перенестись в жизнь чувств тех людей, которые таким образом говорили о Логосе. И эти люди тоже видели вещи вокруг себя, но

недостаточно для человека только смотреть на окружающее его, все дело в том, как относятся к этому ощущению его сердца и души, как он оценивает то или иное, в зависимости от того, что он в них видит. Вы все смотрите на окружающие нас царства природы, на минералы, растения, животных и людей. Вы именуете человека совершеннейшим, минерал — несовершеннейшим творением. И в этих царствах природы опять-таки различают выше- и нижестоящие существа. В различные эпохи люди воспринимали все это совершенно различно. Те, кто говорили в духе Евангелия от Луки, прежде всего воспринимали, как исключительно важное, следующее: исследователь смотрел в низшее животное царство, затем поднимался до человека, и в этой линии развития преследовал нечто совершенно определенное. И последователь учения о Логосе говорил себе тогда: есть одно, что глубочайшим образом являет нам превосходство высших существ над низшими: это способность выражать в слове то, что живет в душе, сообщать в слове мысль окружающему миру. Подобный исследователь учения о Логосе сказал бы: посмотри на низшее животное, оно немое, оно не выражает ни своего страдания, ни своего удовольствия. Возьмите низших животных: они скрипят, или издают другие звуки и т.д., но это лишь внешний скрип и трение физических органов, которые тогда производят звук, как может произвести его, например, и молоток.

Чем выше мы поднимаемся, тем больше проявляется способность выявлять в звуке внутреннюю жизнь, и то, что переживает душа, находит свое выражение в звуке. И человек потому стоит настолько выше других существ, что он способен не только обозначать словами свою боль или удовольствие, но и облекать в слова и выражать в мыслях то, что поднимается над личным, — духовное, сверхличное. И так говорилось среди последователей учения о Логосе: было время, когда человек еще не существовал в нынешнем своем образе, в образе, который делает возможным выражать вовне, в звуке-слове, свое внутреннее переживание. До того было другое время. Потребовалось много времени, прежде чем наша Земля развилась до ее настоящего образа. Мы услышим, как сложилась эта Земля. Но когда мы исследуем прежние состояния, то мы еще не находим человека в его настоящем виде, и никаких средств, могущих выражать изнутри в звуках свои переживания. ***С немых существ начинается наш мир, и лишь мало-помалу начинают проявляться существа, могущие выражать в звуке внутренние переживания, обладающие словом. Но то, что в человеке появляется позже всего, — говорили последователи учения о Логосе, — то в самом мире существовало раньше всего.*** Заметим себе, что в первые времена Земли человек не существовал в своем современном образе, но в несовершенном, немом образе, и лишь постепенно развился до одаренного логосом или словом существа. И это было для него возможно оттого, что явленное в нем в конце, — творческий принцип, — в высшей действительности был с самого начала. То, что пробивается из души, — было изначальным божественным творческим принципом: Слово, звучащее из души, или Логос, существовало изначала, и Логос так направлял развитие, что, наконец, возникло существо, в котором он сам мог проявиться. Что впоследствии возникает во времени и пространстве, то в духе было прежде всего. Если вы хотите взять пример для уяснения себе этого, то вы можете приблизительно сказать: вот здесь, передо мной, цветок. Этот венчик, этот колокольчик, — чем был он перед тем? Он был малым семенем. В нем была возможность этого белого цветочного колокольчика. Если бы не было в нем этой возможности, этот колокольчик не мог бы возникнуть. А откуда появилось семя? Цветок предшествует семени, и так же, как цветок предшествует плоду, — так же семя, из которого возник цветок, развилось из такого же растения. Так последователь учения о Логосе рассматривал человека и говорил себе: Если мы пойдем к началу развития, то в более ранних состояниях мы найдем еще немного человека, не владеющего словом, но, подобно тому, как семя происходит от цветка, так и немое человеческое семя изначала происходит от глаголющего, одаренного Словом. Как ландыш порождает семя, и как семя вновь порождает ландыш, так порождает божественное творческое Слово немое человеческое семя, и, проникая в это семя, чтобы возрасти в нем, первичное божественное творческое Слово начинает звучать в человеческом семени, немом изначала. Если мы вернемся к началу развития человечества, то мы встречаемся с несовершенным существом и ***смысл его развития — в конечном явлении Логоса или Слова***, раскрывающегося в глубине души. В начале появляется немой человек, как семя одаренного Логосом человека, исходящего из одаренного Логосом Бога. Человек происходит от лишнего Слова немого человека, — но, в конце концов, Логос или Слово существуют изначала. Таким образом, познающий учение о Логосе в его древнем значении, доходит до божественного творческого Слова, на которое указывает вначале автор Евангелия от Иоанна, как на первоначало

бытия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог». Ныне, — хочет сказать он, — где находится ныне Слово? *И ныне существует Слово, и Слово есть у человека, и «человеческое» есть Слово.*

Итак, *автор Евангелия от Иоанна соединяет человека с Богом:* и в действительности, в начале Евангелия от Иоанна мы видим учение, легко усваиваемое для каждого человеческого сердца.

В этой вступительной лекции я хотел рассказать вам в более общих словах и больше с точки зрения ощущения и чувства, как последователь учения о Логосе воспринимал прежде эти слова Евангелия от Иоанна. И после того, как мы перенеслись в то настроение, с каким впервые были услышаны эти слова, мы лучше сможем проникнуть в глубокий смысл, лежащий в основе Евангелия от Иоанна. Мы увидим дальше, как то, что мы называем Теософией, есть правдивая передача Евангелия от Иоанна, и как она дает нам возможность до конца понять Евангелие от Иоанна.

Вторая Лекция

Гамбург, 19 мая 1908 г.

Первые слова Евангелия от Иоанна в действительности касаются сразу же глубочайших мировых тайн. Мы увидим это, если приблизимся к лежащим в их основе теософическим истинам, но мы должны глубоко проникнуть в теософическое познание, если хотим увидеть эти первые слова Евангелия от Иоанна в их настоящем свете. Мы должны при этом вкратце припомнить кое-что из того, что хорошо знакомо тем из вас, кто уже некоторое время занимался теософическим мировоззрением. Но в известные элементарные истины данного мировоззрения мы должны проникнуть сегодня с более широким рассмотрением различных важных космических тайн. Вкратце приведем себе на память существо человека, каким это существо представляется духоведческому рассмотрению, прежде всего за время с утра, когда человек пробуждается, до вечера, когда человек вновь погружается в сон. Мы знаем, что человек состоит из физического тела, эфирного или жизненного тела, астрального тела и “Я”. Но эти четыре тела человеческого существа связаны между собой нормальным образом лишь в состоянии бодрствования. Необходимо заметить себе, что во время сна, ночью, человек, в сущности, является совершенно иным существом, ибо его четыре тела находятся тогда совершенно в ином состоянии, чем днем. Когда человек спит, в постели лежат его физическое и эфирное тела, его же астральное тело и “Я” в некоторой степени освобождены от связи с телами физическим и эфирным, следовательно, *если мы примем его слово не только в чисто пространственном, но и в духовном смысле*, — они находятся *вне* физического и эфирного тела. Итак, ночью человек является существом, которое состоит, собственно, из двух частей: из того, что остается лежать в постели, и из того, что выделилось из тела физического и эфирного. Теперь мы должны, прежде всего, уяснить себе, что ночью, с момента, когда человек засыпает, и до момента пробуждения утром, то, что остается лежать в постели, т.е. физическое и эфирное тело, не могло бы сохраниться, будучи оставлены телом астральным и “Я”, которые наполняют их днем. Здесь мы должны немного глубже коснуться мировых тайн. Имея перед собой человеческое тело, видимое глазами и осязаемое руками, мы должны уяснить себе, что за ним имеется уже долгий процесс развития. Этот процесс оно совершило в течение всей нашей земной эволюции. Тем, кто уже немного занимался этими вопросами, известно, что наша Земля прошла через более ранние состояния; как человек переходит от воплощения к воплощению и повторяет земные жизни, так и наша Земля, прежде чем дойти до своего настоящего состояния, прошла через иные состояния. Существуют прежние воплощения планеты, как существуют прежние воплощения человека.

Все, как в большом, так и в малом мире, подлежит закону перевоплощения: и наша Земля, прежде чем стать «Землей», прошла через состояние, называемое нами «Старой Луной», т.к. современная Луна есть лишь отщепленный кусок этой старой планеты. Следовательно, говоря «о Старой Луне», подразумевается не нынешняя Луна, но подобная ей планета, вроде современной Земли. И подобно тому, как между воплощением человека и его новым рождением проходит известный промежуток времени, так же и между воплощением нашей планеты, называемой нами Землей, и тем, что мы

называем «Луной». И совершенно так же обстоит дело с состоянием нашей планеты, обозначаемым нами как «Солнце». Состояние, называемое нами «Солнцем», предшествовало лунному состоянию нашей планеты, солнечному же состоянию предшествовало состояние «Сатурна». Таким образом, мы можем оглянуться на три прежних воплощения нашей планеты.

Наше физическое тело получило свое первое начало на старом Сатурне. Тогда, на этом старом Сатурне, образовались первые зачатки физического человеческого тела, конечно, совершенно не похожего на настоящее человеческое тело. Все, что ныне находится в человеке, *кроме физического тела*, еще не существовало на старом Сатурне. Лишь когда Сатурн превратился в Солнце — следовательно, во втором воплощении нашей земной планеты, — к физическому телу прибавилось *тело эфирное*. Оно проникло, пропитало собой физическое тело, и последствием было то, что физическое человеческое тело изменилось: оно приняло иной облик, получило иной вид и характер своего бытия. Итак, во время вторичного воплощения нашей Земли физическое тело стояло на второй ступени существования. Чем же стало оно на этой второй ступени? Тем, что, будучи на Сатурне еще механическим, автоматическим, на Солнце оно стало внутренне *живым* телом. Проникнувшее в него эфирное тело преобразовало его. На Луне, в это соединение физического и эфирного тела, вошло и *астральное*. Тогда физическое тело было снова преобразовано, преобразовано в третий раз, эфирное же тело — всего во второй раз. Наконец, на Земле к физическому, эфирному и астральному телам присоединилось еще *“Я”* и, войдя в это тройное сочетание, оно в четвертый раз преобразовало тело физическое, которое стало, наконец, тем сложным образованием, каким мы имеем его в настоящее время. Итак, настоящее физическое тело человека есть многократно преобразованное существо. Столь сложным, каким оно нам сейчас является, оно стало потому, что прошло 4 превращения. Говоря, что наше теперешнее физическое тело состоит из тех же физических и химических тканей и сил, что и минералы снаружи, в космосе, мы должны, однако, уяснить, что между этим физическим человеческим телом и минералом существует все-таки еще незначительное различие. Мы отмечаем (говоря элементарно) это различие между физическим телом человека и физическим телом минерала, например, горного кристалла, — тем фактом, что горный кристалл сохраняет свою форму, если его не разбить извне. Физическое же тело человека само по себе не может сохранить свою форму: оно сохраняет ее лишь благодаря тому и до тех пор, пока в нем находится эфирное, астральное тело и *“Я”*. В тот момент, когда физическое тело становится совершенно иным, чем между рождением и смертью, оно следует законам физических и химических тканей и сил и распадается, — тогда физическое тело минерала сохраняется. Нечто подобное происходит и с эфирным телом. После того, как непосредственно после смерти эфирное тело, астральное и *“Я”* отделяются от тела физического, так через некоторое время и эфирное тело выходит из связи с астральным телом и *“Я”* и растворяется в мировом эфире, подобно тому, как физическое тело растворяется в земле. От эфирного тела остается после этого лишь некоторый *экстракт*, о котором мы часто говорили, и он остается соединенным с человеком. Итак, мы можем сказать, что физическое тело человека в известном отношении находится на той же ступени, как и лежащее вокруг нас минеральное царство. Но все же мы должны припомнить огромную разницу, существующую между царством минералов и физическим телом человека. Могут сказать, что, значит, на Сатурне, где физическое тело еще не было проникнуто ни эфирным, ни астральным телом, ни *“Я”*, т.к. они появились лишь на Солнце, Луне и Земле, — что на Сатурне, значит, физическое тело человека было действительно на степени минерала. Мы привели, как за древним состоянием, в котором физическое тело находилось во время бытия Сатурна, следовали одно за другим три превращения его. И современный минерал, являющийся вам мертвым, не может существовать, имея лишь физическое тело. Уясните себе, что для *этого* нашего физического мира правильно, когда говорится и должно быть сказано, что у минерала есть только физическое тело; здесь, в физическом мире, у минерала только физическое тело, но это не вполне верно! Совершенно так же, как стоящее перед нами физическое тело человека имеет в себе принадлежащими ему эфирное, астральное тело и *“Я”*, так и минерал имеет не только физическое тело, но и эфирное, астральное и *“Я”*, но только эти высшие члены его существа находятся в так называемом астральном мире: минерал имеет и астральное тело, которое находится в деваканическом или небесном мире, он имеет и *“Я”*, но оно находится в еще более высоком или духовном мире (Верхний Девакан). Таким образом, физическое тело человека отличается от физического тела минерала тем, что первое здесь, в этом физическом мире, и в состоянии бодрствования имеет в себе свое эфирное тело, свое астральное

тело и свое “Я”. Минерал же не имеет в себе ни своего эфирного, ни астрального тела, ни “Я”. Мы знаем, что кроме нашего мира существуют еще и иные миры. Тот мир, который мы обычно воспринимаем нашими чувствами, проникнут астральным миром, а этот, в свою очередь, проникнут деваканическим миром, который распадается на низший и высший Девакан. Человек превосходит минерал тем, что в состоянии дневного бодрствования имеет в себе свои три остальных члена. Минерал не имеет сам в себе этих членов, но мы должны представить это так, что на физическом плане минерал находится вовсе не в полном виде. Представьте себе человеческий ноготь, вы согласитесь со мной, что нигде во внешней природе вы не найдете этот человеческий ноготь в качестве самостоятельного существа; ибо, для своего роста он заранее предполагает весь остальной человеческий организм; без последнего он не мог бы существовать. Представьте теперь себе маленькое существо, глаза которого были бы способны видеть только ваши ногти, но не остальной организм. Такое маленькое существо во всем пространстве видело бы лишь ваши ногти. Здесь минералы подобны вашим ногтям, и вы рассматриваете минералы полностью, лишь когда поднимаетесь в высшие миры, находя там их эфирное, астральное тело и т.д., здесь же, имея только их физические члены. Все это мы должны ясно представить себе, чтобы понять, что *в высшей духовной действительности нет существа, не обладающего так или иначе эфирным, астральным телом и “Я”*. *Физическое существо не может сохраняться в своих частях, если не принадлежит к некоему эфирному, астральному телу и “Я”*.

Однако, между всем, о чем мы сегодня говорили, царит, собственно, некоторое противоречие. Было сказано, что ночью человек, когда спит, является совершенно иным существом, чем днем, когда он бодрствует. Днем нам это человеческое существо совершенно понятно, т.к. является нам четырехчленным. Но когда мы приступаем к спящему человеку и рассматриваем его в его физическом существе, то в постели мы имеем лежащими физическое и эфирное тело, а астральное тело и “Я” находятся вовне. Получается противоречие именно в том, что ночью мы имеем перед собой человека, оставленного своим астральным телом и “Я”. Камень не спит: его эфирное, астральное тело и “Я” не проникают его, но остаются в одинаковой связи с ним. У человека каждую ночь уходит его астральное тело и “Я” — он не заботится ночью о своем физическом и эфирном теле, и каждую ночь он представляет их себе самим. Этот факт не всегда бывает отчетливо продуман, каждую ночь с человеком происходит его превращение, когда, как собственно духовный человек, он расстается со своим физическим и эфирным телом, представляя их самим себе. Но сами собой они не могут сохраняться, т.к. ни одно физическое тело и ни одно тело эфирное не способны сохраняться сами собой, даже камень должен быть пронизан высшими членами; и вы тогда легко поймете, что совершенно невозможно низшим физическим и эфирным телам оставаться ночью в постели без астрального тела и “Я”. Но что же происходит ночью? Ваше астральное тело и Ваше “Я” не находятся в вашем физическом теле и эфирном, но зато в нем находятся иное “Я” и иное астральное тело. Здесь, исходя из оккультизма, вы наталкиваетесь на божественно-духовное бытие, на высшие духовные существа. Когда ночью ваше “Я” и ваше астральное тело находятся вне вашего физического и эфирного тела, то в действительности в них работают астральное тело и “Я” высших божественно-духовных существ, и происходит это по следующим причинам.

Когда вы проследите весь путь человеческого развития, от состояния Сатурна, через солнечное, лунное и до Земли, то вы скажете себе: на Сатурне существовало тоже лишь физическое тело человека и в нем не было ни эфирного, ни астрального тела, ни “Я”. Но само собой это физическое тело могло сохраняться столь же мало, как нынешний камень: физическое тело на Сатурне могло держаться в своих составных частях лишь потому, что оно было проникнуто эфирным, астральным телом и “Я” божественно-духовных существ. Божественно-духовные существа обитали внутри его — и остались в нем. И когда на Солнце к нему присоединилось собственное эфирное тело, то это меньшее человеческое эфирное тело только, так сказать, смешалось с прежним эфирным телом божественно-духовных существ. Итак, это было уже на Сатурне. И на Сатурне физическое тело было пронизано божественно-духовными существами. Теперь мы подходим к более глубокому пониманию современного человека, если мы хорошо усвоили себе сказанное, и мы лучше можем понять то, чему с самого начала учила христианская эзотерика. Эта христианская эзотерика всегда разрабатывалась наряду с внешним христианско-эзотерическим учением. Я уже неоднократно указывал на то, что великий Апостол христианства — Павел — употреблял свой мощный и пламенный ораторский дар

для научения народов христианству, и что одновременно с этой деятельностью он основал эзотерическую школу, во главе которой стоял *Дионисий Ареопагит*, и о которой упоминается в деяниях Апостольских. И в этой христианско-эзотерической школе, основанной в Афинах самим Павлом, преподавалась чистейшая Теософия. В этой школе учили, конечно, употребляя иные выражения, чем теперь, — но не в этом дело, — что если рассматривать человека, каков он днем в бодрственном состоянии, то он состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и “Я”. Затем указывалось, в какой стадии своего развития находится сейчас человек. Человек, состоящий из четырех членов, не остается таким, каким он нам является. Если желаем рассматривать человека, состоящего исключительно из своих четырех членов, то мы должны взять не современного человека, а вернуться далеко назад в развитии его, вплоть до Лемурийского времени. В Лемурийскую эпоху к человеку, состоявшему тогда из физического, эфирного и астрального тел, присоединилось еще и “Я”. Тогда можно было сказать, что человек в полном смысле этого слова состоял из физического, эфирного, астрального тела и “Я”, но с тех пор каждый человек прошел через много воплощений. Каков же смысл этого развития в воплощениях? Смысл тот, что из воплощения в воплощение “Я” работает, преобразовывая три низших члена своего существа. Прежде всего, он начинает с преобразования своего астрального тела. Ни у одного среднего человека астральное тело уже не таково, каким оно было до тех пор, когда “Я” в своем первом земном воплощении стало работать над ним. В первом земном воплощении “Я” изменило, действуя изнутри, некоторые представления и ощущения страсти, свойственные человеку первоначально. И из инкарнации в инкарнацию работа “Я” все более и более изменяет их: так что мы можем сказать: человек ныне обладает не только четырьмя членами — физическим телом, эфирным, астральным и “Я”, — но через работу “Я” в астральном теле он приобрел некую часть, которая является производным самого астрального тела; и у каждого человека в настоящее время астральное тело распадается на две части: одна часть — преобразованная “Я”, и другая часть — не преобразованная им; и так будет продолжаться все дальше. Наступит время, когда все его астральное тело станет творением его “Я”. В восточной мудрости принято называть “*Manas*” ту часть астрального тела, которая уже преобразована “Я” — *Самодух*. Таким образом, человек все еще состоит из своих четырех членов, но мы можем различить в них уже все пять частей: физическое тело, эфирное, астральное, “Я”, и, как пятую часть, — “*Manas*” или преобразованную часть астрального тела. И дальше человек будет работать над собой. Земля будет проходить через дальнейшие воплощения, и мало-помалу человек приобретет способность — уже доступную сейчас для посвященного — работать в своем эфирном теле. Уже и средний человек ныне тоже работает над ним. И поскольку эфирное тело преобразовано “Я”, становясь его производным, постольку мы называем его “*Budhi*” или *Жизнедухом*. В конце концов, человек приходит к преобразованию через “Я” и своего физического тела, и такую преобразованную через “Я” часть мы называем “*Atma*” или *Духочеловеком*. Устремим наш взгляд в далекое, далекое будущее, когда Земля будет проходить иные планетарные формы, иные воплощения, когда она, как мы говорили в оккультизме, пройдет через состояния Юпитера, Венеры и Вулкана. Тогда человек поднимется на значительно более высокую ступень и превратит все свое астральное тело в “*Manas*” или Самодух, все свое эфирное тело в “*Budhi*” или Жизнедух, и все свое физическое тело в “*Atma*” или Духочеловека.

Сравним же этого человека, каким он явится нам в конце земного развития, с человеком, стоявшим в начале этого развития: вначале от человека существовало лишь одно физическое тело. Оно было проникнуто эфирным, астральным телом и “Я”, но они принадлежали высшим божественно-духовным существам, которые только жили в нем. В конце земного пути человек будет проникнут своим собственным “Я”, и это “Я” само живет в астральном теле, проникнув его, как “*Manas*” или Самодух, затем оно проникает собой эфирное тело, которое тогда совершенно пропитано “*Budhi*” или Жизнедухом; а физическое тело совершенно проникнуто “*Atma*” или Духочеловеком, продуктом “Я”. Огромное различие между человеком в начале своего развития и человеком в конце. Если мы хорошо поймем это различие, то нам станет ясным состояние сна, которое намеренно обрисовал как противоречие. И христианская эзотерика как раз и объясняет нам это. Уясним себе, что предстанет нам в качестве физического тела, когда Земля достигнет цели своего развития. Сегодняшнее физическое тело? Совсе не оно, а то, что из этого физического тела выработает “Я”. Это физическое тело станет совершенно прооухотворенным так же, как и эфирное и астральное тела. И оно было прооухотворенным (как и эфирное и астральное тела) прежде, чем человек прооухотворил их своим

“Я”. Даже камень теперь, как мы сказали, проодухотворен эфирным, астральным телом и “Я”, живущими в высших духовных мирах, но принадлежащими камню. Тогда мы поймем, что христианская эзотерика права, говоря: над тем, что предстоит нам сейчас в качестве физического человеческого тела, еще не властен человек, ибо он не достиг еще своего развития, когда из своего “Я” он сможет работать вплоть до физического тела. Он не властен еще и над своим эфирным телом; он сможет управлять им, когда Земля достигнет состояния Венеры. Итак, человек еще не может управлять из своего “Я” физическим и эфирным телами; он лишь тогда подчинит их себе, когда выработает в себе “*Atma*” и “*Budhi*”. Но эти физические и эфирные тела должны управляться духовным образом. То, что некогда человек сам сможет дать своим физическому и эфирному телам, должно находиться в них уже сейчас. Уже теперь в эфирном и физическом телах должны быть те духовные части, которые со временем им сможет дать “Я”. Они изначально были в физическом теле, когда человек был на Сатурне, они были в нем, когда он был на Солнце и они остались в нем (и донине). Таким образом, христианская эзотерика справедливо утверждает, что уже теперь в физическом теле человека находится то, чего он достигнет некогда на вершине своего развития. Но это божественный (а не человеческий) еще “*Atma*”, это божественно-духовное существо; и в эфирном теле уже находится “*Budhi*”, но это божественный Жизнедух; астральное же тело, как мы сказали, состоит из двух частей — одна часть, которой человек уже управляет, и другая, которой он еще не овладел.

Что же находится в той части, которой он еще не управляет? Тоже Самодух, но божественный Самодух. Только в той части астрального тела, в которой, начиная от первой инкарнации, уже было деятельным “Я”, находится, собственно, человеческий Самодух.

Рассмотрим теперь человека в состоянии бдения. Что скажем мы о нем? Физическое тело, каковым оно является нам, есть лишь внешняя сторона: внутри оно являет из себя атмическую сущность, часть божественно-духовной высшей сущности, которой оно проникнуто. То же и с эфирным телом, извне — оно то, что сдерживает (скрепляет) физическое тело, изнутри — оно — божественный дух жизни. И даже астральное тело пронизано божественным Самодухом и из всего этого целого лишь некоторая часть астрального тела уже захвачена и преобразована нашим “Я”.

Теперь посмотрим на спящего человека и увидим, что это противоречие исчезает немедленно. Подходя к спящему человеку, мы видим, что его астральное тело и “Я” снаружи. Каждую ночь человек спокойно оставляет свое физическое и эфирное тело. Но если бы он оставил свое физическое и эфирное тело без того, чтобы о нем заботились божественно-духовные начала, то утром он нашел бы его разрушенным. Итак, когда астральное тело и “Я” уходят, то в физическом и эфирном теле спящего человека остается божественно-духовное физическое начало и божественно-духовное эфирное начало. Физическое и эфирное тела проникнуты божественным Атманом и божественным Будхи. Теперь взглянем назад, на начало нашего земного развития, когда в человеке еще не было “Я”. В человеке, до его первого воплощения, “Я” еще не было связано с тремя телами его: физическим, эфирным и астральным. С Луны перешли физическое тело, эфирное и астральное, и лишь на Земле к ним присоединилось “Я”. Зато в них обитало божественное “Я” и они не могли бы сохраниться, если бы это божественное “Я” не проникало их вполне. Астральное тело было пронизано божественным Самодухом, эфирное тело — божественным Жизнедухом и физическое тело было пронизано божественным Атманом или Духочеловеком. На Сатурне божественный Жизнедух, который теперь обитает ночью в спящем человеке, — образовал физическое тело, как нечто минеральное, в солнечной фазе он образовал его, как нечто растительное, на Луне он был в состоянии образовать его, как нечто, испытывающее боль и наслаждение, но еще не могущее себе сказать: “Я”. Он прошел эти низшие ступени и теперь мы подходим к собственно земному воплощению. На Земле человеческое тело должно было пройти через следующее изменение, стать еще современнее, чем было прежде. Чего не могло делать оно прежде? Что оставалось ему совсем чуждым? Что сохранил в себе божественный Дух, еще не вверяя это телу человека? Это была способность выражать из себя, в звуке, свою душевную жизнь. ***Немым, немым был стоящий на животной ступени лунный человек!*** Способность выражать внутреннюю жизнь в звуке ***была еще у Бога***. Она еще не была вверена собственному существу человека. Если теперь есть животные, которые могут издавать звуки, то это все же не то, и они находятся в совершенно особом положении, — хотя они и издают звуки, но это звучит в них Божество. Выражение внутренних душевных состояний в словах далось человеку только

на Земле. До тех пор люди были немые. Итак, мы видим, что все развитие направлялось таким образом, что первоначально способность речи, Слово, было у Бога, и что Бог создал сперва условия, давшие возможность физическому аппарату издавать из себя звуки. Как цветок в своем семени, так и звучащий, говорящий человек, человек, одаренный словом — Логосом, уже был в семени своем на Сатурне. Но звук скрыт был в семени и развился из него постепенно (как развивается скрытое в семени растение). Обратимся к физическому телу человека на Сатурне и спросим себя: откуда же это физическое тело, где его первопричина? Без чего не могло бы оно совершить свое развитие? Оно исходит от Логоса или Слова. Ибо уже на Сатурне это человеческое тело направлялось так, чтобы стать впоследствии говорящим свидетелем Логоса. Если вы имеете сейчас свой нынешний облик, если человеческое тело получило свой теперешний образ, — причиной этому то, что в основе всего нашего творения лежало «Слово». Все человеческое тело устроено согласно Слову, и с самого начала оно приспособлено к тому, чтобы, в конце концов, из него изошло Слово. И если христианский эзотерик, смотря на это физическое тело, спрашивая себя: каков его первоначальный прообраз, и что его отображение, — то он должен был ответить себе: это физическое человеческое тело имеет свой прообраз в Слове или Логосе; Логос или Слово изначально действовало в физическом человеческом теле и теперь еще действует Логос, когда физическое тело лежит в постели и покидается своим «Я». Тогда божественный Логос действует в покинутых человеком членах его существа. Итак, спрашивая о первоначале физического тела, мы отвечаем: первоначало есть Логос или Слово.

Теперь проследим дальнейшее развитие. Сатурн перешел в состояние Солнца: в человеческое физическое тело было вложено тело жизни (эфирное); но что должно было присоединиться к развитию для его нормального течения? В то время как на Сатурне физическое тело было чем-то вроде машины или автомата, но вполне проникнутое и связуемое Логосом, — на Солнце присоединилось к нему тело жизни, в котором действовал божественный Жизнедух (*“Budhi”*). Мы можем сказать, что **на Сатурне человеческое тело есть выражение Логоса**. Сатурн проходит: человеческое тело снова воплощается на Солнце и к нему присоединяется тело жизни, проникнутое Жизнедухом. Логос стал жизнью на Солнце, подняв человека на высшую ступень. **На Солнце Логос стал жизнью!** Теперь пойдем дальше. На Луне к человеку присоединилось астральное тело. Что такое астральное тело? И в наше время оно является ясновидящему сознанию, как *аура*, окружающая человека. Оно есть световое тело, которое не может быть видимо лишь на настоящей ступени сознания. Но видимое ясновидящим сознанием, оно есть свет, духовный свет; и наш физический свет есть лишь измененный духовный свет. Также и физический свет Солнца есть воплощение духовно-божественного, аурического света мира. Это лежит в основе его. В настоящем мире есть свет, идущий к человеку от Солнца. Но существует и иной свет, озаряющий внутреннего человека. На Луне астральное тело человека еще светилось для окружающих его существ, так, на Луне, астральное световое тело человека присоединилось к физическому и эфирному телу. Теперь взглянем на весь ход развития.

На Сатурне мы имеем физическое тело, как выражение Логоса; на Солнце к этому присоединяется эфирное тело, как выражение Жизнедуха; Логос становится жизнью, на Луне присоединяется световое тело; Жизнь стала светом. Таков путь развития человеческого тела. Когда человек вступил на Землю, он был созданием божественно-духовных существ. Он существовал тогда в силу того, что в его физическом теле, в его эфирном и астральном теле обитал Логос, который был жизнью, который был светом.

Теперь что же произошло на Земле? Для человека и в человека пришло «Я». Через это присоединение «Я»-человек получил способность не только жить в свете, в Жизни, но и созерцать вовне все это, противопоставлять себя Логосу, Жизни, Свету. В силу этого они стали для него материальными, получили материальное бытие. Дойдя в развитии мысли столь далеко, мы, тем самым, определили ту точку, с которой мы начнем следующий раз, и покажем, как из рожденного из Божества человека возник сегодняшний человек, одаренный «Я». Ибо мы видим, что до этого человека существовал божественный Прачеловек. То, что человек сам завоевал себя своим «Я», каждую ночь вырывается из его физического и эфирного тела; то, что было в нем изначально, остается и заботится о физическом и эфирном теле, когда человек их вероломно покидает, не печалась о них. В них остается эта первоначальная духовно-божественная сущность. Все эти глубокие тайны бытия, которые мы попытались передать в выражениях христианской эзотерики, и которые даны нам в великих

лапидарных выражениях начала Евангелия от Иоанна, были обычным понятием для «бывших с самого начала служителями Слова». Нужно только правильно и согласно истинному значению перевести эти первые слова. Действительно, правильно переведенные эти слова дают то, о чем мы только что говорили. Еще раз припомним высказанное, чтобы во всем объеме понять его значение. Итак, вначале был Логос, как прообраз физического человеческого тела, и он лежал в основе всех вещей. Все животные, растения и минералы появились позже; на Сатурне из всего этого существовал в действительности лишь человек. На Солнце присоединилось к нему царство животных, на Луне — растительное царство, и на Земле — минеральное. На Солнце Логос стал жизнью, на Луне он стал Светом; и когда на Земле человек получил свое “Я”, то это предстало перед ним. Но человек должен был научиться познавать этот Логос в его конечном выявлении. *Прежде был Логос, потом — жизнь, потом — Свет, и этот Свет живет в астральном теле. В темное непознающее существо человека засиял этот свет, и смысл земного бытия в том, что человек преодолевает тьму внутри себя, дабы познать свет Логоса.*

Оттого первые слова Евангелия от Иоанна лапидарны и, как многие, может быть, скажут — трудно понимаемы. Но разве глубочайшее в мире должно быть высказано тривиальными словами? Разве не является странным, какой-то насмешкой над святыней, когда говорят, что для понимания карманных часов нужно своим рассудком глубоко вникнуть в суть вещи, — но для постижения Божества в мире должно быть достаточно простого, обычного, нехитрого человеческого рассудка. Плохо, что современное человечество, даже когда ему указывают на глубины религиозных источников, привыкло говорить себе: ах, к чему все эти сложные пояснения, все это должно быть просто. Но только обладающий добрым намерением и твердым желанием углубиться в великие мировые события, проникает в глубокий смысл начальных слов Евангелия от Иоанна. Они суть описание того, что мы только что изложили.

В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все через Него начало быть,
и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была Свет человеков.
И Свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Ин 1, 1-5.

И как постепенно тьма приходит к пониманию, о том повествует дальше Евангелие от Иоанна.

Третья Лекция

Гамбург, 20 мая 1908 г.

Вчера мы видели, какое глубокое содержание скрывается в первых словах Евангелия от Иоанна, и мы можем резюмировать наше рассмотрение следующим заключением: мы видели, что Евангелие от Иоанна указывает на становление прачеловека в отдаленнейшем прошлом, указывает на то, как согласно христианской эзотерике все приводится к Слову или Логосу, которое было творческим уже в эпоху старого Сатурна: которое затем стало Жизнью и затем — Светом; Жизнью, когда наша Земля проходила свое солнечное состояние; Светом — когда она проходила состояние старой Луны. И то, чем стал человек под влиянием божественно-духовных сил и существ, пройдя через три планетарных состояния на нашей настоящей планете — Земле, стало проникнутым человеческим “Я”. Таким образом, можно сказать: как некий род семени, перешло с Луны на Землю существо, состоящее из тела физического, исшедшего из божественного праслова, из эфирного или жизненного тела, исшедшего из божественной жизни; астрального тела, возникшего из божественного Света. Во время земного состояния внутри этого существа был зажжен свет “Я”: эта тройная телесность, —

физическое, эфирное и астральное тело, — получила возможность говорить себе «Я есмь». И таким образом земное развитие можно в известном смысле назвать развитием «Я есмь», — развитием человеческого самосознания. И это «Я есмь», эта способность полного самосознания, медленно и постепенно выявилась в развитии земного человечества. Наша задача — проследить это развитие.

В нашем земном развитии было время, которое мы называем древней лемурийской эпохой, это древнейшее время земного бытия, когда человек появился в той форме, в которой он существует теперь. В старую лемурийскую эпоху впервые произошло то, что мы называем воплощением “Я”, истинной внутренней сущности человека в три оболочки, — в астральное, эфирное и физическое тело. Затем последовала атлантическая эпоха, во время которой большая часть человечества жила на старом атлантическом континенте, части земли, составляющей ныне дно Атлантического океана. Она погибла от великого атлантического потопа, память о котором сохранилась в сказаниях почти всех народов. В послепотоковую эпоху и вплоть до наших дней человек продолжал перевоплощаться согласно своей внутренней сущности. В действительности, наши души были воплощены в тройственном существе, состоящем из физического, эфирного и астрального тела, как мы их описали впервые в лемурийскую эпоху. Что было до этого — мы рассмотрим позднее. Итак, мы должны вернуться далеко назад, если хотим проследить весь ход развития, вплоть до настоящего. Лишь медленно и постепенно развивается человек до своего настоящего состояния бытия. Что называется в оккультизме, в теософическом смысле «нашим настоящим бытием»? Мы называем им то состояние, которым обладает современный человек в промежуток времени между утром, когда он просыпается, и вечером, когда он засыпает. В это время человек видит внешними органами окружающие его вещи. С вечера, когда он засыпает, до утра, когда он пробуждается, во время сна, он не видит их. Почему? По той причине, что в силу настоящих условий развития, “Я” и астральное тело, т.е. то, что составляет, собственно, внутреннего «человека», находятся в течение дня в физическом и эфирном теле на физическом плане. В наше время “Я” и астральное тело могут пользоваться физическими органами чувств, слышать и видеть в мире и воспринимать физические предметы. С вечера, когда человек засыпает, и до утра, когда он просыпается, “Я” и астральное тело находятся вне физического мира, на астральном плане. Там они отделены от физических глаз и физических ушей и не могут воспринимать окружающего. Такое состояние чередования сознания между бдением и сном развилось в человеке лишь медленно и постепенно. Оно было еще иным в первом воплощении человека, в лемурийскую эпоху. Тогда “Я” и астральное тело человека лишь весьма на короткий срок — далеко не на такой долгий, как теперь, — спускались в физическое тело. Но вследствие того, что человек большее количество времени находился вне своего физического тела и лишь на краткое время бодрствующим спускался в физическое тело, потому и вся жизнь человека в лемурийскую эпоху была вообще совершенно иной. То, что ночью человек находится в совершенно бессознательном состоянии, — конечно, если он не грезит, — пришло лишь очень медленно и постепенно. Чередование дневного и ночного сознания в лемурийскую эпоху происходило совершенно иначе. В то время еще все люди обладали смутным ясновидением. Когда по ночам они выходили из своего физического тела, то воспринимали вокруг себя мир духовный (хотя и не с такой ясностью, как современный человек воспринимает днем физические предметы). Такое восприятие мы не должны сравнивать с нынешними снами. Современный сон есть как бы последний выродившийся остаток этого древнего ясновидения. Человек видел тогда такие образы, которые он и теперь видит во сне, но они имели весьма действительное значение. Уясним же себе, какое значение имели эти образы.

В древние времена человек в своем дневном состоянии сознания, которое длилось лишь небольшую часть суток, гораздо менее чем теперь, мог видеть внешние физические тела, лишь очень смутно, как одетые туманом. Способность видеть вещи так, как мы их видим сегодня, вырабатывалась лишь очень медленно. Подобно тому, как теперь, идя по вечерним улицам, мы видим фонари, окруженные туманом, как бы некой световой аурой, так и человек видел тогда днем первые проявления физического тела, окутанные туманом. Когда же он засыпал, то не погружался в бессознательность, но в сонном сознании перед ним возникали образы, — образы в красках, образы в формах. Вокруг человека был тогда мир, в сравнении с которым наши наиболее живые сны являются слабыми и смутными отзвуками. Эти образы выражали собой душевное и духовное содержание окружающего мира. Так, например, когда тогдашний человек, стоявший в начале своего земного развития, приближался во время ночного странствия к какому-либо опасному существу, то он видел

его не так, как мы теперь, — так, например, не льва, который приближался к нему в образе льва, но в нем возникал красочный образ, инстинктивно предупреждавший его об опасности. Это были действительные отражения духовно-душевных существ, которые окружали человека. Все это духовно-душевное виделось им ночью и лишь медленно и постепенно росло его развитие таким образом, что он все на более и более долгое время погружался в свое физическое тело, все короче становилась его ночь, все дольше и дольше длился день, и чем больше вживался человек в свое физическое тело, тем слабее становились ночные образы, тем более росло теперешнее дневное сознание.

Но мы не должны забывать, что действительное, истинное самосознание, которое является целью земного бытия человека, может быть достигнуто лишь через погружение в физическое тело. Человек ощущал себя прежде не как нечто самостоятельное, но как часть божественно-духовных сущностей, из которой он возник. Как рука чувствует себя частью организма, так и человек, когда он обладал еще смутным ясновидением, чувствовал себя частью божественно-духовного сознания, божественного “Я”. Он не мог бы сказать себе: «Я есмь», но «*Есть Бог и я в нем*».

Нашей Земле, прошедшей в своем развитии три предыдущих ступени — Сатурна, Солнца и Луны, — была предназначена совершенно особая миссия. Не думайте, что планетарное состояние можно рассматривать таким образом, что одна планета равноценна другой. В божественном творчестве не может быть речи о простом повторении однажды бывшего. Каждое планетарное состояние имеет совершенно определенную задачу. *Наша Земля имеет своей миссией: в существах, ее населяющих, развить начало любви до высшего расцвета.* В конце своего развития Земля должна быть насквозь проникнутой любовью. Уясним себе, что это значит, что Земля есть планетарное состояние развития любви.

Мы говорим в духоведении, что Земле предшествовала старая Луна. Будучи планетарной ступенью, Луна тоже имела свою миссию. Ее задачей не было развитие любви, но она должна была стать планетой или космосом *Мудрости*. Итак, до нашего земного состояния наша планета прошла ступень мудрости. Простое и, можно сказать, логическое рассмотрение может вам пояснить это. Взгляните на окружающую вас природу, на все ее существа. Не только одним рассудком, но и сердцем, и силами души — и вы повсюду найдете мудрость, выраженную в природе. Эта мудрость, о которой здесь говорится, мыслится как некая духовная субстанция, лежащая в основе всего. Посмотрите на что угодно в природе. Возьмите, например, часть берцовой кости и вы увидите, что она не представляет собой сплошной массы, но ряд тонких, идущих в различных направлениях пластинок, образующих удивительное сооружение. И если исследовать, согласно какому закону они построены, окажется, что они следуют закону, по которому при наименьшей затрате материала достигается наибольшая прочность, чтобы стать носителем верхней части человеческого тела. Наше инженерное искусство еще не способно воздвигнуть столь искусное сооружение, подобное этому, которое воздвигла всепроникающая мудрость. До такой мудрости человек дойдет лишь впоследствии. Божественная мудрость пронизывает всю природу, человеческая мудрость лишь постепенно достигает этого. С течением времени человеческая мудрость внутренне достигает того, что внедрено таинственно Божественной мудростью в Землю. С течением времени человеческая мудрость достигнет божественной космической мудрости.

Но совершенно так же, как на Луне подготовлялась мудрость, та мудрость, которую мы теперь повсюду находим на Земле, — так на Земле будет подготовляться любовь. Если бы вы взглядом ясновидящего могли посмотреть на старую Луну, то вы бы увидели, что подобная мудрость была тогда не во всех вещах: некоторые из них вы нашли бы лишены мудрости, и лишь после всего лунного развития мудрость внутренне проникла собой все предметы, и когда Луна закончила свое развитие, то все было пронизано мудростью. На Земле эта внутренняя мудрость пришла лишь с человеком, с его “Я”. Но он должен постепенно развить ее в себе. Подобно тому, как на Луне развилась мудрость, находящаяся теперь во всех предметах, так развивается ныне любовь. Сначала любовь выявилась в своем низшем облике, в виде чувственной любви в течение лемурийской эпохи, но постепенно, в ходе развития, она будет все более и более одухотворяться, пока, наконец, в конце земного развития все бытие не будет проникнуто любовью, как сейчас все проникнуто мудростью, что будет достигнуто работой людей, исполняющих свою задачу, и Земля перейдет в следующее планетарное состояние, которое мы называем Юпитером. И существа, которые будут странствовать на Юпитере, как люди на Земле, будут во всех предметах находить благоухание любви, которую сами они заложили, будучи

людьми во время земного бытия, подобно тому, как человек в настоящее время во всех предметах находит мудрость. Тогда человек будет также иметь внутри себя любовь, как теперь он имеет внутри себя мудрость. Великая космическая любовь пронизает тогда собой все предметы, начавшись ныне на Земле. Материалистическая наука не верит в космическую мудрость, но только в человеческую. Если вы беспристрастно посмотрите на путь развития, то увидите, что космическая мудрость уже в начале земного развития была такой, какой мудрость человеческая будет лишь в конце его. Во времена, когда названия были точнее, чем теперь, субъективную мудрость, действующую в человеке, называли интеллектом, в противоположность к объективной космической мудрости. Человек не обращает внимания на тот факт, что все то, что он находит в течение земного развития, уже было достигнуто божественно-духовными существами во время лунного состояния и пересажено на Землю. Приведем тому пример. Изобретение и обработка бумаги рисуется детям школьного возраста, как большой шаг на пути прогресса. Однако осы изобрели бумагу уже много-много тысяч лет тому назад, ибо то, из чего осы строят свои гнезда, состоит совершенно из того же материала, что и бумага, и производится совершенно одинаковым способом, но только жизненным процессом.

Осинный дух, групповая душа ос, составляющая часть божественно-духовной субстанции, изобрела бумагу гораздо раньше людей. Таким образом, космически человек плетется позади мировой мудрости. Все, что человек еще откроет в течение мирового развития, в принципе своем уже существует в природе. Но то, что человек действительно дарует Земле — это любовь, которая разовьется от своего наиболее чувственного до своего наиболее духовного вида. Такова задача земного развития. *Земля есть космос любви.* Но что же, — можете спросить вы, — необходимо для любви? Что нужно, чтобы одно существо могло полюбить другое? Для этого надо, чтобы это существо обладало своим самосознанием, полной самостоятельностью. Ни одно существо не может воистину любить, если эта любовь не является *свободным даром* относительно другого существа. Моя рука не любит мой организм. *Только став самостоятельным, только отделившись от другого существа, можно воистину любить его. Для этого человек должен был сделаться носителем “Я”.* “Я” должно было быть заложено в тройственную человеческую телесность, дабы Земля через человека могла исполнить свою миссию любви. Отсюда становится понятным, когда в христианском эзотеризме говорится, что подобно тому, как в лунном состоянии истекали от Богов определенные силы, — мудрость, — так любовь вливается в земное состояние нашего бытия, и носителем ее может стать лишь постепенно развивающееся в ходе земного развития самостоятельное “Я”. Но ко всему этому и к настоящей форме своего сознания человек должен был подготавливаться очень медленно. Представим себе, что уже в древнелемурийскую эпоху человек погрузился бы в свое физическое тело и мог бы уже тогда вполне воспринимать внешнюю действительность. При таком быстром ходе развития он не был бы в состоянии принять в себя любовь. Лишь постепенно он мог быть приведенным к своей земной миссии. Первые уроки любви были даны ему в смутном сознании, задолго до того времени, когда он научился наблюдать окружающие его предметы, задолго до достижения им полного самосознания. Итак, мы видим, что в те времена, когда человек еще имел древнее сонное ясновидение и душа его еще долгий срок пребывала вне тела, — человеку в этом смутном, лишенном самосознания состоянии, когда он еще не достиг полной высоты земного развития, — человеку была привита любовь.

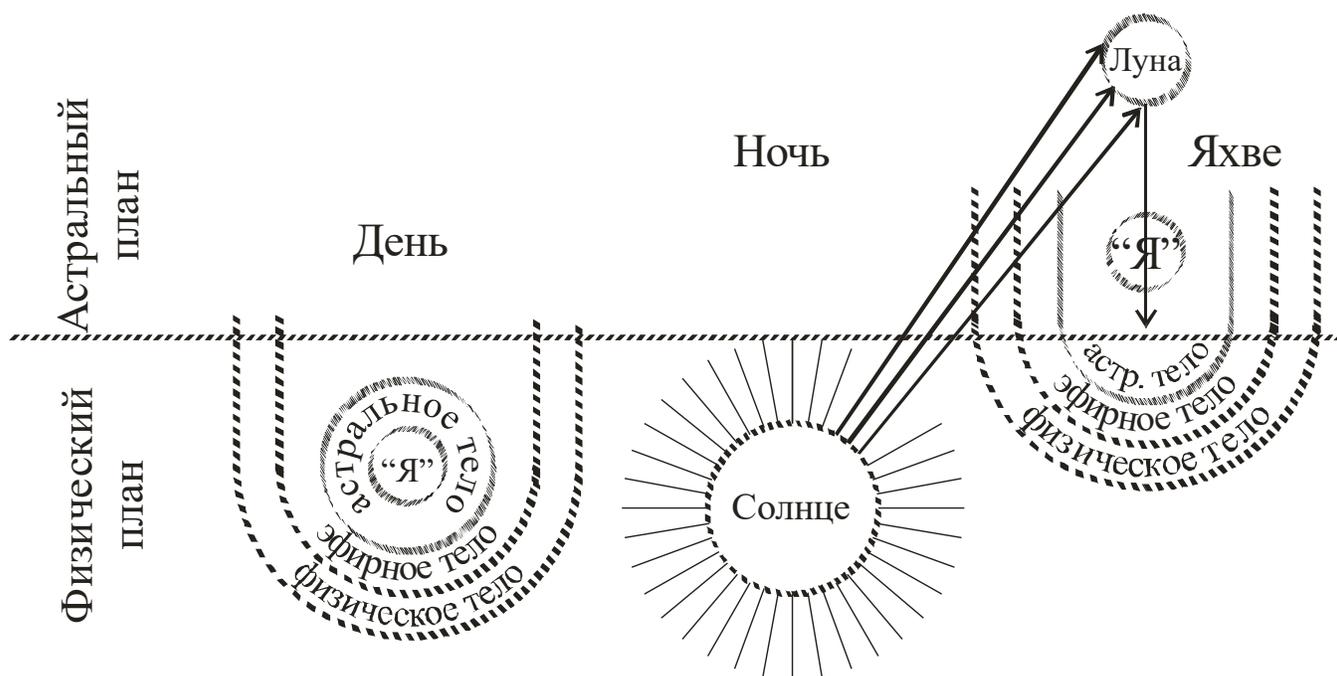
Человек засыпал вечером, но между бдением и сном не существовало резкого перехода. Перед ним возникали образы, живые сновидения, которые имели живое отношение к духовному миру, т.е. это значит, что ночью человек жил в духовном мире. В это время божественный дух вкрапывал в его смутное сознание первые зачатки любви. То, что в течение земного развития должно было раскрыться через любовь, это сперва вливалось в человека ночью. Бог, приносящий на Землю ее определенную земную миссию, открывается сначала в ночное время смутному, древнему ясновидящему сознанию человека прежде, нежели он может открыться его ясному дневному сознанию. Медленно и постепенно надвигаются времена, когда человек на все более и более короткий срок сохраняет свое смутное ясновидение, все дольше его дневное сознание, аурические обрамления предметов становятся все менее значительными и внешние предметы очерчиваются все резче. Раньше человек видел Солнце и Луну, окруженными световыми кольцами, все было окутано туманом. Лишь очень медленно кругозор очищается и выступают твердые контуры предметов. Человек постепенно достиг этого состояния. Все, что человек созерцает днем, вовне, когда Солнце освещает Землю, все, что открывается ему через видимый свет, — вся Земля, минералы, растения и животные, — все это воспринимает он, как

проявление божественного во внешнем. Чем является в духе христианской эзотерики то, что видимо ясному дневному сознанию? Из чего складывается в широком объеме Земля? Это есть откровение божественных сил, внешнее, материальное откровение внутреннего, духовного. Если вы обращаете ваш взор на Солнце или на то, что находится на Земле, — все это есть откровение божественно-духовного. Это божественно-духовное в его теперешнем облике, этот лежащий в основе всего, что является нашему ясному дневному сознанию, — невидимый за всем этим дневным видимый мир, — христианская эзотерика называет «Логосом» или «Словом». Подобно тому, как, наконец, человек достиг возможности из самого себя произносить Слово, так сперва из Логоса возникли все царства животных, растений и минералов. Все есть воплощение Логоса, и как ваша душа невидимо работает внутри нас и создает вовне себя тело, так и в мире всякая душа ищет себе подходящее внешнее тело и выявляет себя в чем-либо в физическом.

Но где же физическое тело Логоса, о котором говорит Евангелие от Иоанна и которое мы теперь все больше и больше стремимся постигнуть? Где физическое тело Логоса? Яснее всего внешнее физическое тело Логоса открывается во внешнем солнечном свете. Для духовного взгляда *солнечный свет* не есть только материальный свет, он есть в то же время и *одежда Логоса*, как ваше внешнее физическое тело есть одежда вашей души. Если по отношению к другому человеку вы встанете так, как сейчас большинство людей стоит по отношению к Солнцу, то вы не сможете познать его: в человеке, обладающем чувствующей, мыслящей и волящей душой, вы не познали бы в этом случае его душевно-духовное, а лишь его физическое тело, да и это являлось бы чем-то вроде папье-маше. Если же вы захотите проникнуть в духовную сущность солнечного света, то вы должны рассматривать его, как человека, когда через его телесность вы учитесь познавать его душу. Как ваше тело относится к вашей душе, так солнечный свет относится к Логосу. В солнечном свете духовное струится на Земле. И если мы сможем понять не только солнечное тело, но и солнечный *дух*, то мы поймем тогда, что это духовное есть *любовь*, струющаяся на Землю. Физический солнечный свет не только пробуждает к жизни растения, которые без него погибли бы, но в физическом солнечном свете струится на Землю пламенная божественная любовь, и люди существуют, чтобы воспринимать в себя эту пламенную любовь Божества, ее развить и ответить на нее. Но они способны на это, лишь став самосознающими существами, одаренными “Я”. Только тогда могут они ответить на любовь. Когда в первые времена люди начали на короткий только срок свое пребывание в дневной жизни, они еще не могли воспринимать того света, который одновременно зажигал и любовь. Свет светил во тьме и тьма не могла понять света; и если бы этот свет, являющийся в то же время любовью Логоса, не открывался человеку иначе, чем в короткие часы дня, то человек не воспринял бы этого света любви. Он вливался в человека в его смутном, ясновидящем, сонном сознании древних времен. Теперь заглянем в великую мистерию, скрытую за бытием мира, на нашу Землю, на важную мистерию. Представим себе, что развитие нашей Земли направлялось таким образом, что в течение некоторого времени любовь вливалась в человека в его смутном состоянии ясновидения, и внутренне подготавливала его к принятию любви в дневном ясном сознании. Мы видели, что наша Земля постепенно становится космосом, миссия которого — развитие любви, Земля озаряется современным Солнцем. Подобно тому, как человек обитает на Земле и постепенно усваивает себе любовь, так Солнце обитаемо существами иными, высшими, ибо Солнце достигло более высокой ступени бытия.

Человек — обитатель Земли, и быть им — значит быть существом, которое за время земного развития должно усвоить себе любовь. В наше время обитатель Солнца означает такое существо, которое может зажигать любовь, вливать ее в других. И земные обитатели не могли бы развить любовь, не могли бы принять ее, если бы солнечные существа не посылали им лучами свою зрелую мудрость. И в то время как свет Солнца струится на Землю, на ней развивается любовь. Это вполне реальная истина. Существа, которые стоят столь высоко, что способны изливать любовь, избрали Солнце своей обителью. Когда Луна кончала свою эволюцию, *их было семеро, этих высших существ, способных изливать любовь*. Здесь мы касаемся глубокой мистерии, которую раскрывает тайная наука, а именно, что в начале земного развития человек, предназначенный к развитию в себе любви, стал готовым к принятию “Я”, что Солнце выделилось и поднялось на высшую ступень бытия. На нем могли продолжать свою эволюцию те семь главных духов света, бывшие в то время дарящими любовь духами. Но из них только *шесть удалились на Солнце*, и то, что физически в солнечном свете струится на Землю, содержит в себе духовные силы любви шести духов света, или *шести Элохимов*,

как называет их Библия. Один же из них отделился и пошел иным путем ко благу человечества, избрав местом своего пребывания не Солнце, а Луну, и этот дух света, который добровольно отрекся от солнечного бытия и избрал себе Луну, есть не кто иной, как «*Яхве*» или «*Иегова*» Ветхого Завета. Он, избравший Луну своей обителью, изливал с Луны на Землю зрелую мудрость и тем подготовлял любовь. Теперь рассмотрим эту тайну, скрытую за вещами. Луне принадлежит ночь, и еще в гораздо большей степени принадлежала она Луне в ту древнюю эпоху, когда человек еще не был в состоянии непосредственно принимать от Солнца силу любви. Но в лунном сиянии принимал он тогда отраженную силу мудрости. Во время ночного сознания человека она изливалась на него в свете Луны. Поэтому Яхве называют владыкой ночи, подготовляющим людей к той любви, которая должна была возникнуть позже, во время полного дневного сознания. Таким образом, мы смотрим назад, в эту древнюю эпоху человечества, когда произошло духовное событие, лишь символически явленное небесными телами и положением Солнца — с одной стороны, и Луны — с другой (см. рис.). В течение ночи, в определенное время, Луна посылает нам отраженную силу Солнца — это тот же солнечный свет.

Так в древние эпохи Яхве или Иегова излучал, отражая силу зрелой мудрости или силу шести Элохимов, и эту силу вливал в людей во время их сна, постепенно подготовляя их к позднему постепенному принятию силы любви в состоянии дневного бодрствующего сознания. Данный рисунок должен символически изображать, с одной стороны, бодрствующего днем человека, когда физическое и эфирное тела зависят от Божества, а «Я» и астральное тело на физическом плане заключены в тело физическое и эфирное. В таком состоянии вся система человека озаряется извне Солнцем. О ночи вам теперь известно, что она длилась гораздо дольше, чем теперь, и гораздо сильнее действовала на человека первичных эпох. По ночам астральное тело и «Я» выходили из физического и эфирного тела так, что «Я» совсем погружалось в астральный мир, астральное же тело, хотя извне погружено в тело физическое, но по всему своему существу все же находится в духовно-божественной сущности. Здесь Солнце не может непосредственно озарять человеческое астральное тело и сообщать ему силу любви. Здесь действует Луна, Яхве, отражающий солнечный свет. *Луна есть символ Яхве или Иеговы, а Солнце есть нечто иное, как символ Логоса, являющегося суммой остальных шести Элохимов.* И этот рисунок, который вы можете изучать и над которым можете медитировать, лишь символически указывает на это; и, размышляя над ним, вы увидите, какие глубокие истины изображены здесь, как в течение долгих эпох в ночном сознании человеку бессознательно сообщалось

Иеговой сила любви. Так готовился человек, чтобы постепенно принять самого Логоса, силу Его любви. Как стало это возможным? Теперь мы подходим к другой стороне мистерии.

Мы сказали, что человек на Земле призван к сознательной любви. Поэтому во время своего ясного дневного сознания ему необходимо иметь вождя, учителя, которого он мог бы воспринимать физически. Он должен был начать, наконец, во внешнем мире физически видеть сущность любви.

Как могло это свершиться? Лишь в силу того факта, что сама сущность божественной любви, сам Логос, стал земным существом, воплотился на Земле, стал доступным восприятию внешних чувств человека. Так как человек в своем развитии дошел до восприятия внешними органами чувств, то и Бог, Логос, должен был сделаться чувственным существом, явиться в физическом теле. Это произошло во Христе Иисусе и *историческое явление Иисуса Христа означает не что иное, как то, что в Иисусе Назорее в начале нашей эры воплотились силы шести Элохимов или Логоса, и в Нем стали реальностью в видимом мире. Внутренняя сила Солнца, сила любви Логоса приняла физический облик человека в теле Иисуса из Назарета.* Как всякий другой внешний предмет, как всякое иное существо, должен был в плотском облике явиться Бог чувственному сознанию человека. Следовательно, что же за Существо предстает нам в начале нашей эры в телесном облике Христа Иисуса? Это не что иное, как воплощение Логоса, шести остальных Элохимов, предтечей коих явился один из них — Бог Яхве. И этот единственный образ Иисуса Назорея, в котором воплотился Христос или Логос, приносит с собой то, что до тех пор лишь в солнечном свете струилось на Землю, что содержится лишь в солнечном свете он приносит это в жизнь людей, в историю человечества. «Слово стало плотью». Вот почему Евангелие от Иоанна придает наибольшее значение именно этому факту; писавший Евангелие от Иоанна должен был придавать ему величайшую важность. В то время как вначале немногие из посвященных учеников Христа приняли тайну воплощения, вскоре пришли другие, не могшие понять это в полной мере, которые, хотя и признавали, что в основе всего материального, всего вещественного лежит душевно-духовная сущность, но не могли понять, что некогда в одном человеке физически-чувственным образом для физического видимого мира воплотился сам Логос. Этого они не могли понять. Поэтому нужно различать то, что в первые века христианство появилось как «гнозис», от истинного эзотерического христианства. И автор Евангелия от Иоанна мощным словом указывает на это. «Нет, вы не должны видеть во Христе сверхчувственное, остающееся невидимым существо, лежащее в основе всего вещественного, но признать главным именно тот факт, что Слово стало плотью и обитало с нами». Таково тонкое различие между эзотерическим христианством и первоначальным гнозисом. Гнозис, хотя и знает Христа, но лишь как существо духовное, и в Иисусе Назорее он видит самое большое лишь человеческого провозвестника этого духовного существа, более или менее с ним связанного. Гнозис держится за остающегося невидимым Христа. Эзотерическое же христианство, в противоположность ему, держится Евангелия от Иоанна, которое опирается на слова: ***«И Логос стал плотью и обитал среди нас», и тот, кто обитал в этом видимом мире, был действительным воплощением шести Элохимов, Логоса!***

Следовательно, миссия земного развития осуществилась воистину лишь в палестинском событии. Все до этого было лишь предуготовлением. Чем же должен был, по преимуществу, явить себя Христос, обитавший в теле Иисуса Назорея?

Он должен был преимущественно явить себя как великого носителя и оживителя самосознающего свободного человеческого существа. Желая в коротких словах передать это живое учение Христа, мы должны сказать: Земля существует для того, чтобы дать человеку полное самосознание его «Я есмь».

Все до того было только подготовлением к этому самосознанию, к «Я есмь», и Христос дает импульс к тому, чтобы все люди, — каждый, как единое существо, — могли воспринять «Я есмь». Здесь впервые дан могучий импульс, подвинувший далеко вперед человека на Земле. Мы можем проследить это при сравнении христианства с ветхозаветным учением. В Ветхом Завете человек еще не вполне ощущает в своей собственной личности «Я есмь». В нем еще жило нечто, оставшееся от древней эпохи смутного сознания, когда человек еще не чувствовал себя самим собой, но частью божественной сущности, как еще и теперь животное чувствует себя частью групповой души. Люди изошли из групповой души и развились до индивидуального бытия, до ощущения в каждом отдельном человеке «Я есмь», — и Христос есть та сила, которая привела людей к этому свободному сознанию «Я есмь». Рассмотрим это в его полном внутреннем значении. Последователь Ветхого Завета еще не ощущал себя замкнутым в своей обособленной личности, подобно последователю Нового Завета.

Последователь Ветхого Завета еще не говорил в себе «Я есмь». Он ощущал себя единым со всем древним еврейским народом, ощущал групповое «Я» народа. Попробуем перенестись живо в сознание такого ветхозаветного человека. Подобно тому, как истинный христианин чувствует в себе «Я есмь» и будет учиться чувствовать его все больше и больше, так последователь Ветхого Завета чувствовал себя членом целого народа и обращал взор к групповой душе. И желая выразить эту свою принадлежность к групповой душе, он говорил: «Мое сознание достигает до отца всего народа, до Авраама: я и отец Авраам — одно. Одно общее «Я» обнимает нас всех, и только если я покоюсь в духовной сущности моего народа, чувствую я себя в духовном лоне мира». Он чувствовал отца Авраама, как корень, из которого, подобно ветвям, исходит каждый отдельный авраамит. Но вот пришел Христос Иисус и сказал своим ближайшим, наиболее истинным посвященным: «Доныне люди умозаключали по плоти, по своему кровному родству, она была для них сознанием, что они покоятся в высшей невидимой связи. Вы должны верить в связь гораздо более духовную, — в связь, которая древнее кровного родства. Вы должны верить в духовную основу Отца, таящую в себе корни всякого «Я», эта основа духовнее групповой души еврейского народа; то, что покоится во Мне и в каждом человеке, — это не только одно с Авраамом, но и одно с божественной первопричиной мира». Поэтому Христос подтверждает, согласно Евангелию от Иоанна: «Прежде, нежели отец Авраам был, было «Я есмь». Не только до отцовского принципа, простирающегося до Авраама, достигает мое «пра-Я», моя духовность, но до силы, пронизывающей собой весь космос: **«Я и Отец едино»**. Когда мы научимся чувствовать это великое слово, то мы почувствуем тот толчок вперед, который был дан человеческому развитию явлением Христа Иисуса. Он был великим оживителем «Я есмь».

Теперь послушаем, что говорили наиболее интимные посвященные Христа Иисуса, желая выразить то, что им открывалось. Они говорили: «Доныне не существовало человека во плоти, которому можно было бы дать наименование «Я есмь». Поэтому ученики Христа называли «Я есмь» Именем Христа Иисуса; и в этом имени «Я есмь», в имени, которое они понимали, ближайšie Его ученики чувствовали себя объединенными. Так должны вы углубиться в важнейшие главы Евангелия от Иоанна, и если вы возьмете главу, где написано: «Я свет миру», вы должны брать это буквально, совершенно буквально. Что такое это «Я есмь», впервые пришедшее во плоти? Это то самое, что как сила Логоса струится на Землю в солнечном свете. Во всей 8-ой главе, начиная с 12-го стиха, вы имеете пояснение к глубочайшим истинам значения «Я есмь». Читайте эту главу таким образом, чтобы везде подчеркивать «Я» или «Я есмь», помня, что это было тем Именем, в котором посвященные чувствовали свою связь, тогда вы поймете это. И тогда эта глава явится вам приблизительно в следующем виде.

Тогда говорил Христос своим ученикам и сказал: «То, что может сказать самому себе «Я есмь», — есть сила мирового света, и кто последует за мной, тот при ясном светлом дневном сознании увидит то, чего не видят ходящие во тьме».

Тогда принадлежавшие к старой вере, верившие, что свет любви может передаваться человеку лишь ночным способом, те, которых называли фарисеями, ответили ему, и сказали: «Ты свидетельствуешь своим «Я есмь»; мы же свидетельствуем Отцом Авраамом. В нем чувствуем мы ту силу, которая позволяет нам выступать как самосознательным существам; мы ощущаем свою крепость, погружаясь в общую основу «Я», восходящую до Отца Авраама».

Иисус сказал: «Если говорить о «Я» в том смысле, как Я говорю, то свидетельство мое истинно: ибо Я знаю, что это «Я» изшло от Отца, от общей первоосновы мира, и знаю, куда идет Оно, — снова восходит».

А теперь важна фраза гл. 8, стих 15, которую вы должны переводить буквально следующим образом:

«Вы все судите по плоти; Я же не сужу то ничтожное, что имеет в себе плоть. А если и сужу «Я», суд мой истинен. Ибо здесь «Я» не стоит одно само по себе, но это «Я» соединено с Отцом, от которого оно исходит».

Таков смысл этого места. Повсюду вы видите указание на общего Отца. Позднее мы еще точнее воспроизведем перед душою понятие Отца. Вы видите, что слова: «Прежде, нежели Отец Авраам был, было «Я есмь», — содержит в себе живую сущность христианского учения.

Сегодня мы углубились в слова Евангелия от Иоанна больше, чем мы могли бы это сделать при внешней интерпретации. Мы вывели эти слова из теософической мудрости, поскольку эти слова

Евангелия от Иоанна отмечают именно самую сущность христианства. И мы увидим, как, поняв прежде всего именно основные и первичные слова Евангелия, для нас впоследствии прольется свет и ясность и на все Евангелие от Иоанна.

Все это примите как учение, излагавшееся в христианской эзотерической школе, записанное автором Евангелия от Иоанна для передачи потомству, для жаждущих проникнуть в истинный смысл.

О том, как это можно сделать еще глубже, мы увидим в следующей главе.

Четвертая Лекция

Гамбург, 22 мая 1908 г.

Из трех предшествовавших лекций до известной степени выяснилось, что в Евангелии от Иоанна можно вновь найти теософические истины. Но выяснилось также и то, что для нахождения этих истин необходимо строго взвешивать каждое слово Евангелия от Иоанна. В этом религиозном памятнике действительно необходимо абсолютное понимание реального настоящего смысла слов. Ибо в этом памятнике решительно все, в чем мы еще неоднократно убедимся, полно глубочайшего значения. Но не только буквальный смысл той или иной фразы должны мы принимать во внимание в этом Евангелии, а еще и нечто другое. Именно: расчленение, построение и состав памятника. Современный человек не имеет больше правильного ощущения таких вещей. Древние — если можно их так назвать — писатели обращали гораздо больше внимания на архитеконику и на внутреннее расчленение своих произведений, чем принято думать; и вам достаточно вспомнить одного сравнительно позднего поэта, чтобы иметь подтверждение этому: *Данте*. Сколь архитектурно построены все части «Божественной Комедии», в основе которой лежит число три! И не случайно заканчивается каждая часть Дантовой Комедии словом «Звезды». Мы привели это, только чтобы показать, как архитектурно строили свои произведения древние писатели, и особенно при изучении религиозных памятников мы не должны терять из виду этого архитектурного построения, ибо в известных случаях оно имеет огромное значение. Однако, конечно, его нужно сперва уметь найти.

Припомним, что в конце десятой главы Евангелия от Иоанна стоит фраза, которую нам следует запомнить. 41 стих 10 главы гласит следующее:

«Многие пришли к Нему, и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно».

Т.е., в этом стихе 10-ой главы мы имеем указание на то, что свидетельство Иоанна (Крестителя) о Христе Иисусе истинно; особой фразой подчеркивается, что это свидетельство истинно. Теперь же возьмем конец Евангелия от Иоанна и найдем там следующее. 24-й стих 21-й главы гласит:

«Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его».

Таким образом, в конце всего Евангелия мы имеем подтверждение тому, что свидетельство написавшего истинно. Подобные совпадения и созвучия, когда в том или другом месте встречается слово, указывающее на нечто особое, никогда не бывают лишены значения в старых писаниях, и именно за этими-то совпадениями и скрывается нечто значительное. Основываясь на них, мы бросим верный свет на наше изучение.

В середине Евангелия от Иоанна сообщается факт, без понимания которого невозможно понять это Евангелие. Непосредственно за вышеуказанным местом, где подтверждается истинность Иоаннова свидетельства, следует глава о *воскрешении Лазаря*. Этой главой все Евангелие от Иоанна делится на две части и в конце первой части обращается внимание на достоверность свидетельства Иоанна Крестителя относительно всего, что утверждается о Христе Иисусе.

В самом же конце Евангелия указывается, что относительно всего, что следует за главой о воскрешении Лазаря, истинно свидетельство того ученика, о котором мы часто слышим слова: «*Которого любил Господь*». Что значит вообще воскрешение Лазаря? Я напоминаю Вам, что после повести о воскрешении Лазаря в Евангелии от Иоанна стоит на первый взгляд загадочная фраза. Представьте себе все положение. Христос Иисус совершает нечто, что в обычном смысле слова называется чудом, и что само Евангелие называет «знамением», именно — воскрешение Лазаря. А

далее следуют слова: «Этот человек много чудес творит», и все дальнейшее указывает на то, что обвинители не желают иметь с Ним ничего общего по причине этих чудес. Если вы возьмете эти слова, как бы они ни были переведены (на что я указывал в моей книге «Христианство как мистический факт»), то вы должны спросить: каков же их настоящий смысл? Именно воскрешение человека побуждает выступить против Христа Иисуса его противников. Но почему именно воскрешение Лазаря возбуждает врагов? Почему именно теперь начинается преследование? Каждый, умеющий читать, поймет, что в этой главе скрывается глубокая мистерия. Эта скрытая здесь мистерия есть не что иное, как сообщение о том, кто, собственно, автор Евангелия от Иоанна, кто, собственно, говорит все то, о чем повествует Евангелие от Иоанна. Для понимания этого нам нужно обратиться к так называемому «посвящению» древних мистерий. Как проходило это посвящение в древних мистериях? Посвященный мог иметь переживания и опыты в духовных мирах, так что сам мог свидетельствовать о духовных мирах. Те, которых считали созревшими для посвящения, притягивались в эти мистерии.

Подобного рода мистерии существовали повсюду: в Греции, у Халдеев, у египтян, у индусов. В них посвящаемые в течение долгого времени обучались приблизительно тому, чему мы теперь обучаемся в теософии; когда же обучение было закончено, то им открывали путь к непосредственному видению. Но в древние времена это не могло происходить иначе, чем приведением человека в совершенно особое состояние в его четырех телах: физическом, эфирном, астральном и «Я». Тогда посвященный приводился посвящающим, который знал, в чем дело, на 3S дня в состояние, подобное смерти. Для чего это было нужно? По следующей причине. Когда человек — в настоящем цикле развития — засыпает, то его физическое и эфирное тело остается в постели, а «Я» и астральное тело выходят. Но человек не может в этом состоянии воспринимать окружающий его духовный мир, ибо его астральное тело еще не обладает духовными органами для восприятия в том мире, где тогда человек находится. Лишь когда его астральное тело и «Я» вновь спускаются в физическое и эфирное тела и снова пользуются глазами и ушами, человек опять начинает воспринимать физический мир, т.е. вообще какой-то окружающий его мир. Путем обучения посвящаемые становились способными к выработке духовных органов своего астрального тела. После того, как их астральное тело выработало эти духовные органы, должно было позаботиться о том, чтобы все воспринятое в себя астральным телом отпечталось в теле эфирном, подобно отisku печати в сургуче. Все дело было именно в этом. Все приготовления к посвящению заключались в том, что человек предается таким внутренним переживаниям, которые преобразуют его астральное тело. Человек и в физическом своем теле был некогда таковым, что не имел ни глаз, ни ушей, как ныне, но безразличные органы на их местах, подобно тем животным, которые никогда не выходят на свет и лишены глаз. **Свет формирует глаз, звук образует ухо. Упражнения человека в медитации и концентрации и его внутренние переживания при этом действуют как свет на глаз, как звук на ухо.** Этим астральное тело преобразовывается, и создаются органы восприятия для видения в астральном, высшем мире. Но они еще недостаточно зрелы в эфирном теле; для этого нужно, чтобы выработанное сперва в астральном теле отпечталось в теле эфирном. Но пока эфирное тело находится в теле физическом, невозможно оттиснуть в нем результаты упражнений. Для этого эфирное тело нужно было предварительно извлечь из физического. Когда в трехдневном сне, подобном смерти, эфирное тело извлекалось из физического, все то, что было (заранее) подготовлено в астральном теле, отпечатывалось в теле эфирном. Человек переживал духовный мир. И после того, как жрец-инициатор снова призывал его в физическое тело, он становился свидетелем того, что происходит в духовных мирах, в силу собственного свидетельства.

Явлением Христа Иисуса такой процесс сделался ненужным, **этот трехдневный смертный сон может быть отныне заменен силой, исходящей от Христа.** Ибо мы сейчас увидим, что в Евангелии от Иоанна заключены могучие силы, что в наше время астральное тело обладает силой передавать свои достижения телу эфирному даже в том случае, когда последнее находится в теле, физическом теле. Но для этого нужно было пришествие Христа Иисуса. До тех пор люди еще не могли без вышеописанного процесса отпечатывать в эфирном теле результаты медитации и концентрации тела астрального. Этот процесс весьма часто разыгрывается в мистериях: посвящаемый погружался в подобный смерти сон жрецом-посвятителем, затем его проводили через высшие миры, затем посвящающий жрец возвращал его в физическое тело, и посвященный становился отныне путем

собственного переживания свидетелем о духовных мирах.

Все это совершалось всегда в глубочайшей тайне, и внешний мир не знал ровно ничего о том, что совершалось внутри древних мистерий. Через Христа Иисуса на место древнего посвящения должно было заступить новое, вызванное силами, о которых мы еще будем говорить. Древняя форма посвящения должна была кончиться. Однако нужно было создать переход от древнего времени к новому. Для этого некто должен был быть посвящен еще раз по древнему способу, но уже в христианскую эзотерику. Совершить это мог только сам Христос Иисус и посвященным должен был быть тот, кто назван здесь Лазарем. Сказано, что «болезнь эта не к смерти», т.е. она есть, как на это ясно указывается, тот 3 S-дневный, подобный смерти, сон.

Вы видите, что здесь, хотя и весьма закрыто, но понятно для того, кто вообще умеет разгадывать подобный сокровенный способ (выражения), дается описание посвящения. Индивидуальность Лазаря должна была быть посвященной таким образом, дабы сей Лазарь мог стать свидетелем о духовных мирах. И здесь нам сказано слово, полное значения для языка мистерии, именно говорится, что «Господь любил Лазаря». Что значит — «любить» на языке мистерии? Это слово выражает собой отношение ученика к Учителю. «Любимый Господом» есть интимнейший, наиболее посвященный ученик. Господь сам посвятил Лазаря, и Лазарь восстал из гроба, т.е. из места своего посвящения, как посвященный. И это самое выражение: «которого любил Господь», позднее постоянно применяется к Иоанну, или, правильнее, к автору Евангелия от Иоанна, так как имя Иоанн не произносится. Он именно и есть любимый ученик и от него исходит Евангелие от Иоанна. ***И он не кто иной, как сам воскресший Лазарь.*** И, передавая это событие, автор Евангелия от Иоанна хотел сказать следующее: «То, что я говорю, говорю я в силу посвящения, полученного мною непосредственно от самого Господа».

Поэтому автор Евангелия от Иоанна ясно различает то, что происходит ***до*** воскрешения Лазаря, и то, что происходит ***после*** его воскрешения. До воскрешения Лазаря выводится древний посвященный, пришедший к познанию духа, и подчеркивается истинность его свидетельства. «То же, что может быть сказано о глубочайших вещах, о Мистерии в Палестине, о том поведать я сам, я, воскресший; но я могу поведать о том только после воскрешения». Поэтому в первой части Евангелия от Иоанна нам дано свидетельство Иоанна ***древнего***, во второй части — свидетельство Иоанна ***нового***, посвященного самим Господом. И это и есть воскресший Лазарь. Только таким образом мы верно поймем эту главу. Иоанн хотел сказать ему: «Я ссылаюсь на свидетельство моих сверхчувственных органов восприятия, моих духовных познавательных сил. То, о чем я повествую, я видел не в обыкновенном физическом мире, но в мире духовном, где я был благодаря посвящению самим Господом».

Таким образом, характеристику Христа Иисуса, какой она является нам в первых главах Евангелия от Иоанна вплоть до конца главы 10-ой, мы должны отнести к познанию, которым мог также обладать человек, еще не посвященный в глубочайшем смысле через самого Христа Иисуса.

Вы можете сказать на это: «да, но ведь уже в этих лекциях мы слышали глубокие-глубокие слова о Христе Иисусе как о воплотившемся Логосе, как о свете мира и т.д.» Но в том, что эти глубокие слова о Христе Иисусе были высказаны уже в первых главах, нет ничего удивительного. Ибо в древних мистериях Христос Иисус, т.е. тот Христос, который должен был прийти в мир, отнюдь не был незнакомым существом. И все в мистерии указывают на долженствующего прийти Единого. Поэтому древние посвященные и именуется «пророками», что они должны были пророчествовать о будущем. Поэтому все посвящения имели целью провидеть будущее явление Христа человечеству. И для Крестителя, на основании того, что он уже мог знать, стало очевидным, что стоящий перед ним в образе Христа Иисуса есть тот, о котором говорилось в мистериях. Связь всего этого и отношение самого Крестителя к Христу Иисусу выяснится нам после того, как мы ответим на два следующих вопроса. Первый — как стоит к своему времени сам Креститель? Второй же ведет нас назад, к истолкованию различных вещей в начале Евангелия от Иоанна.

Какое место занимает в своей эпохе Креститель? И кто же, собственно, он сам? Он один из тех, которые в посвящениях слышали, получили указание о грядущем Христе, который, однако, предстает нам как единственный, открывающий тайну явления Христа в предстоящем перед ним Иисусе.

Фарисеи и др. видели во Христе Иисусе противника их древнего принципа посвящения, поступающего в их глазах не согласно их консервативному настроению. В силу своего консерватизма они утверждали, что должно оставаться при древней форме посвящения. В основе такого

консерватизма лежит противоречие: постоянно говорить о грядущем Христе, но никогда не допускать момента Его истинного пришествия. Поэтому в факте посвящения Христом Лазаря они должны были увидеть разрыв с древними традициями мистерий. «*Этот человек много чудес творит, мы не можем иметь с ним ничего общего*». По их воззрениям Иисус предал древние мистерии, открыто совершив то, что должно было быть сокровенным в их недрах. Понятно теперь, что такой поступок явился для них предательством и достаточной причиной выступления против него. И с этого места начинается поворотный пункт преследования Христа Иисуса.

Чем является Креститель в первых главах Евангелия от Иоанна? Прежде всего хорошо знающим тайну грядущего Христа; настолько хорошо, что сам автор Евангелия от Иоанна может повторить его сведения. Мы узнаем в дальнейшем, откуда эта убежденность Крестителя.

Значение самых первых слов Евангелия от Иоанна было уже разобрано нами. Теперь посмотрим, что сказано о самом Крестителе.

Для этого мы должны иметь возможно верный перевод. До сих пор мы слышали только первые слова.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была Жизнь, и Жизнь была Свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не поняла

его.

Был человек, посланный от Бога, имя ему — Иоанн. Он пришел для свидетельства о Свете, дабы все уверовали через него. Он не был свет, но свидетель о Свете. Ибо истинный Свет, просвещающий всякого человека, должен был прийти в мир.

В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал.

Он пришел с единичных человеков (вплоть до человеческого “Я” вошел Он), но единичные люди (человеческое “Я”) не поняли Его.

Принявшие же Его могли открыться через это, как чада Божии.

Верующие во Имя Его, не от крови, не от хотения плоти, не от человеческого хотения, но от Бога родились.

И Слово стало плотью и обитало с нами, и мы слышали его учение, учение об Единородном Сыне Отчем, исполненном благодати и истины.

Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. И от полноты Его мы все приняли и благодать на благодать. Ибо закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа.

Бога не видал никто никогда. Единородный Сын, сущий в недре Отца мира, стал вождем в этом видении».

Вот слова, дающие приблизительно смысл первых стихов Евангелия от Иоанна. Но прежде, чем мы перейдем к их пояснению, необходимо добавить еще нечто. Чем объявляет себя сам Иоанн? Вы помните, что были отправлены послы, дабы выведать, кто такой Иоанн Креститель. Приходят священники и левиты, чтобы спросить его, кто он. Мы еще увидим, почему он дает им предыдущий ответ, а пока посмотрим, что он сам говорит о себе. Он сказал: «Я глас вопиющего в одиночестве». В Евангелии стоит буквально «*в одиночестве*». По-гречески слово «армит» означает «одинокий». Теперь вы поймете, что правильнее сказать: «Я глас вопиющего в одиночестве», чем «Я глас вопиющего в пустыне». И мы лучше пойдем все начало Евангелия от Иоанна, если обратим внимание на характеристику Иоанном Крестителем себя самого. Почему он называл себя гласом вопиющего в одиночестве? В ходе развития человечества мы видели, что специальная миссия Земли есть любовь, но она мыслима лишь тогда, если дается самосознающими людьми, как свободный дар, если человек постепенно завоевывает свое “Я”, и “Я” это медленно и постепенно погружается в природу человека. Мы знаем, что животное, как таковое, не имеет отдельного “Я”. Если бы лев мог сказать себе “Я”, то здесь мыслилось бы не единичное животное, а групповое “Я”, находящееся в астральном мире, которое есть “Я” для всех львов. Таким образом, целые группы однородных животных говорят “Я” тому «групповому Я», которое сверхчувственно воспринимается на астральном плане. Обладание человеком индивидуальным “Я” есть его великое преимущество над животными. Но индивидуальное “Я” развивается лишь постепенно. Начал человек тоже с группового “Я”, общего целой группе людей.

Обратившись назад, к древним народам, к другим древним расам, вы всюду увидите первоначальное разделение людей на малые группы. У германских народов незачем даже идти так далеко назад. Вы можете прочесть у Тацита, что отдельный германец теснее связан с целым родом, чем со своей собственной индивидуальностью. Каждый чувствует себя более херуском или сикамбром, чем отдельной личностью. Отсюда отдельное лицо является представителем всего племени, и безразлично, кто мстит за обиду, нанесенную одному члену или целому племени. С течением времени отдельные лица выходят из родовой связи, племена разбиваются и не могут уже сохранять свою цельность. Человек развился из характера групповой души и постепенно достиг ощущения в отдельной личности своего “Я”. И только зная эту тайну групповых душ, групповых “Я”, можем мы правильно понимать известные вещи и, в особенности, религиозные источники народов, уже достигших известного восприятия своего “Я”, сохраняя все-таки еще такое “Я”, которое простиралось не только пространственно на одновременно живущие группы людей, но и на группы временно. Сейчас человек доходит в своем воспоминании только до своей юности. Но было время существования иной памяти, когда **человек помнил не только свои собственные деяния, но и деяния отца и деда, как свои собственные**. Память простиралась за грани рождения и смерти, насколько лишь можно было проследить родство по крови. Предок, кровь которого, так сказать, текла в нисходящих поколениях, сохранялся в течение столетий вместе с кровью в памяти, а внук или отпрыск данного рода говорил “Я” деяниям и мыслям своих предков, как самому себе. Человек тогда не был замкнут между рождением и смертью, но он ощущал себя членом ряда поколений, средоточием которых был прародитель. Сущность этого древнего “Я” и заключалась в таком воспоминании деяний отцов и дедов. В древние времена это выражалось уже внешне в наименованиях. Сын помнил не только свои деяния, но и деяния отца, деда и т.д. Память шла далеко через поколения, и все, что охватывала эта память, называлось в древности «Ной», «Адам». Имена эти означали не отдельных людей, но все те “Я”, которые сохранялись в памяти в течение ряда веков. Эта же тайна скрывается и за именами патриархов. Почему патриархи жили так долго? В древние времена никому не приходило в голову сейчас же давать отдельное имя человеку, стоящему между рождением и смертью. Адам целые века сохранялся в общей памяти, и именно в силу того, что древних наименований пространственное и временное ограничение совсем не принималось в расчет. Так медленно и постепенно человеческое единое “Я” освобождалось от групповой души, из группового “Я”, и человек постепенно приходил к сознанию своего единичного “Я”. Кроме этого он ощущал свое “Я” в родовой связи, в группе людей, кровно ему близких во времени или пространстве. Отсюда выражение: «Я и Отец Авраам — одно», т.е. единое “Я”. Единичный человек ощущал себя в недрах целого, ибо общая кровь струилась в жилах всех членов данного народа. Но развитие шло вперед, и настало время, когда именно в среде этих народностей люди должны были ощутить свое единичное “Я”. **Даровать людям необходимое для того, чтобы чувствовать себя уверенно и твердо в этом единичном индивидуальном “Я” — такова была миссия Христа**. И в этом смысле должны мы принимать евангельское выражение, которое так легко может быть истолковано неверно. *«Кто не оставит жену ребенка, отца и мать, брата и сестру, тот не может стать моим учеником»*. Это не нужно понимать в грубом смысле слова, как совет бежать от семьи, но здесь подразумевается: вы должны чувствовать, что каждый из вас есть единичное “Я” и что это единичное “Я” непосредственно сопричастно духовному Отцу, проникающему и наполняющему вселенную, — что оно едино с Отцом. Раньше последователь Ветхого Завета говорил себе: «Я и Отец Авраам — одно», ибо он ощущал свое “Я” покоящимся в кровном родстве. Отныне же должно было наступить свободное единение “Я” с духовным началом Отчим. Уже не кровная связь должна была быть порукой в принадлежности человека к целому, а знание чисто духовного принципа Отца, с которым все вы — едино. Итак, Евангелие от Иоанна говорит нам, что Христос есть великий двигатель, дающий человеку нужное ему для вечного ощущения себя в своем отдельном индивидуальном “Я”. В этом переходе от Ветхого Завета к Новому, ибо Ветхий Завет всегда носит некоторый характер групповой души, где каждое “Я” чувствует себя в общности с другими “Я”, но ни себя, ни их не ощущает, воспринимая зато, в чем лоне они совместно находятся, — “Я” народное или родовое.

Как же должно было чувствовать себя такое “Я”, уже созревшее настолько, чтобы не ощущать связи с другими индивидуальными лицами групповой души? Как воспринимало такое “Я” в эпоху, когда уже можно было сказать: прошло то время, когда как живая человеческая истина, ощущалась

своя принадлежность ко всем остальным “Я”, к групповой душе. Еще должен прийти тот, кто дает душе духовный хлеб жизни, питающий единичное “Я”, — *одиноким должно было себя чувствовать такое отдельное “Я”*. И Предтеча Христа должен был сказать про себя: «Я есмь отделившееся, чувствующее себя одиноким “Я”. И потому, что я почувствовал себя одиноким, чувствую я себя пророком, которому дает истинную духовную пищу его “Я”, стоящее в одиночестве». Оттого-то Предтеча и называет себя «гласом вопиющего в одиночестве», одиноким в своем “Я”, уже вышедшим из групповой души, взывающим к Тому, Кто может дать пищу единичному “Я” человека. «Я глас вопиющего в одиночестве». И здесь мы слышим опять глубокую истину о том, что значит: *каждое индивидуальное человеческое “Я” опирается всецело на себя, ищет основу в себе самом, независимо от других*. И теперь только понимаем мы это место: «Я глас вопиющего в одиночестве».

Чтобы хорошо понять Евангелие от Иоанна, нам нужно несколько разобраться в том способе, как вообще в те времена давались имена и прозвища. Названия не были тогда столь абстрактными и ничего не говорящими, как теперь. И если бы толкователи библейских памятников несколько задумались над всем значением этого, то многие грубые толкования не появились бы на свет. Я уже указал на то, что когда Христос говорит: «Я свет миру», то здесь мыслится воистину то, что Он был первым, давшим выражение и импульс для «Я есмь». Поэтому везде, в первых главах Евангелия от Иоанна, где стоит «Я есмь», нужно обращать особенное внимание на это слово. Все имена и названия древности употребляются вполне реально, и в то же время глубоко символически. И здесь часто встречаются грубые ошибки по двум направлениям. При поверхностном рассмотрении можно сказать следующее: «Да, но при таком воззрении многое мыслится символически, но мы не согласны на такое толкование, где все лишь разумеется символически, этим вы только уничтожаете исторические события Библии». Те же, кто ровно ничего не смыслят в исторических событиях, могут сказать: «Все это надо понимать только символически». Но говорящие так ровно ничего не понимают в Евангелии. Не историческая достоверность отрицается в нем при символическом толковании, но необходимо отметить, что эзотерическое толкование охватывает обе стороны, т.е. и историческое понимание фактов, но, являясь историческими, они, в то же время, имеют и другое, указанное нами, значение. Конечно, тот, кто видит лишь грубые внешние факты, например рождение человека, где-то и когда-то, тот не поймет, что в этом родившемся скрывается еще нечто иное, чем простой человек с таким же именем, чью биографию может написать каждый. Видящий же духовные соотношения поймет, что этот человек, рожденный в определенном месте, этот живой человек, может в то же время быть и символом своего времени и получить имя, выражающее собой все это значение для эволюции.

Брать вещи одновременно и символически и исторически, а не только так или иначе, — вот как нужно поступать при истинном толковании Евангелий. И мы увидим при описании почти всех событий, что Иоанн или автор Евангелия от Иоанна, обладающий сверхчувственным восприятием, видит одновременно как события, так и откровения глубоких духовных истин. Перед его взором исторический образ Крестителя, но, в то же время, этот реальный исторический образ является ему символом всех людей, уже в древние времена призванных запечатлеть “Я”, уже стоящих на пути к этому, отдельные “Я”, которых мог уже осветить Свет мира — но не тех, кто в своей темноте еще не был в состоянии понять это “Я”.

То, что как Жизнь, как Свет и Логос явилось во Христе Иисусе, изначально светило миру, но Его не узнали еще не созревшие люди. Свет существовал вечно, ибо без него не могли бы вообще возникнуть зачатки “Я”. На Луне еще от всего теперешнего человека было только его физическое тело, эфирное и астральное, в которых не было “Я”. Только потому, что свет изменился, стал таковым, каким он светит на Земле, получил он силу воспламенить единичные “Я” и медленно вести их к созреванию. *Свет светил во тьме, но тьма еще не могла понять его*. Он вошел в единичных людей, спустился вплоть до человеческого “Я”, ибо “Я” человек не могло бы вовсе возникнуть, если бы не было влито в них Логосом, но эти людские “Я” не приняли Его. Лишь некоторые приняли его, посвященные, поднявшиеся до духовных миров: и они постоянно носили имя «*чад Божиих*», ибо обладали знанием о Логосе, о Свете и Жизни и всегда могли свидетельствовать о Нем. Существовали отдельные люди, уже через древние мистерии знавшие о духовных мирах. Что же обитало в них? В них обитало то, что вечно в человеке, и это обитало в них вполне сознательно. Они уже предчувствовали великое слово: «*Я и Отец — едино*», т.е. “Я” и великая первопричина суть едино. И то глубочайшее, что они носили в сознании, их собственное “Я” получили они не от матери и отца, но через посвящение в духовный

мир. Не от крови и не от плоти, и не от желания отца или матери, но «от Бога», т.е. из духовного мира. Вот объяснение тех слов, что большое число людей, хотя уже обладавших зачатками “Я”, не приняло этого Света, что оно спустилось вплоть до группового “Я”, но что отдельные Его не приняли. Принявшие же Его, — таких было немного, — могли через это стать чадами Божиими; но уверовавшие в Него стали таковыми из Бога через посвящение. Но дабы все люди получили возможность посредством земных чувств узнать живого Бога, он должен был появиться на Земле видимым для физического зрения, т.е. он должен был принять плотский образ, ибо только такой образ видим физическому оку. Прежде лишь посвященные могли видеть Его в мистерии; ныне же для спасения всех Он принял плотский образ. **«Слово или Логос стало плотью». Так связывает автор Евангелия от Иоанна историческое явление Христа Иисуса со всей эволюцией. И мы слышали учение Его, учение об Единородном Сыне Отчем.** Что это за учение? Кем же рождены другие люди? В древние времена, когда написаны были Евангелия, людей, родившихся физически, по плоти, называли **«дважды рожденными»**. Так называли их вследствие смешения крови отца и матери. Рожденное же не от плоти и не от человеческого действия, и не от смешения крови — есть **«рождение от Бога»**; не разделенное двойственно, есть однажды рожденное, **«единородное»**. Именовавшиеся раньше «чадами Божиими» уже всегда были в известном смысле «единородными», и учение о Сыне Божиим есть учение о «единородном». **Физический человек есть «дважды рожденный», духовный человек есть «единородный»**. Здесь указывается на то, что человек, кроме своего физического рождения, может совершить и рождение духовное, т.е. соединение с духом, рождение, где он становится единородным, чадом, Сыном Божиим. И такое учение могло быть услышано впервые от ставшего плотью Слова. Он дал всем людям учение, «учение об единородном Сыне Отчем, полном благодати и истины». **«Благодать» здесь исключает всякую иллюзию, возможную лишь у дважды рожденных и окружающую человека обманами чувственного мира.** В противоположность ей, она есть учение истины о Христе Иисусе, о воплотившемся Логосе, обитавшем среди людей. Иоанн же называет себя предшественником, предтечей, провозвестником “Я”. Иоанн обозначает себя самого, как хотя и знающего об “Я”, которое должно стать самостоятельным в людях, но посланного свидетельствовать о Грядущем, о том, кому дана власть совершить это. И ясно говорил Иоанн: «Грядущий за мною есть «Я есмь», пребывающий вечно, есть тот, который может сказать: «прежде, нежели Авраам был, “Я” есмь». Иоанн мог сказать: «Это “Я”, о котором здесь идет речь, было прежде меня, и хотя я Его Предтеча, Он, тем не менее, мой предшественник; я свидетельствую о том, что уже изначала было в каждом человеке, и за мной идет, Кто был прежде меня». А далее произносятся полные значения слова: «Ибо от полноты Его мы все приняли, и благодать на благодать». Множество людей, именующих себя христианами, не останавливаются на слове **«полнота»** и не задумываются над его значением. В греческом тексте слово «полнота» читается **«плерома»** и так стоит в Евангелии от Иоанна: «И из плеромы Его мы все приняли и благодать на благодать».

Я уже упомянул о том, что каждое слово Евангелия от Иоанна, если вообще хотят понять его, нужно ценить на вес золота. Что значит **«плерома», полнота?** Понять это может только тот, кто знает, что в древних мистериях под «плеромой» или полнотой разумелось нечто вполне определенное. Ибо уже тогда было известно учение об **Элохимах**, о духовных существах, достигших божественности на старой Луне, и о том, что один из них, когда они впервые проявились, отделился, остался на Луне и отражал оттуда силу любви до тех пор, пока люди не созрели для света остальных шести Элохимов. **Таким образом различали «Яхве», отдельного Бога, Бога, отражающего от полноты Божества, состоящей из шести Элохимов, «Плеромы»**. А так как под общим логосическим солнечным сознанием понимается Христос, то, указывая на Него, говорили о «полноте» Богов. Эта глубокая истина скрывается за словами: «И от полноты Его все мы приняли благодать на благодать». Теперь пойдем дальше, переносясь в эпоху групповых душ, когда единичный человек ощущал свое “Я” как “Я” групповое. Обращая внимание на социальный порядок этих групп, мы видим, что люди в них живут, поскольку они видимы внешними чувствами, как отдельные существа, но чувствуют только групповое “Я”. И так как они еще не чувствовали своей индивидуальности, то и не могли иметь в полной мере внутреннего чувства любви. Один любит другого в силу кровного родства. Кровное родство есть основа всякой любви. Сперва родственники любят друг друга, и любовь, если она не половая любовь, вырастает из кровного родства. **Постепенно люди должны освободиться от такой групповой любви и прийти к любви свободной.** К концу земного развития люди достигнут того, что

их “Я” станет самостоятельным, из недр себя самого будет получать импульсы к добру и к справедливости. В силу этого импульса наше “Я” творит добро и справедливость. И когда любовь одухотворится настолько, что никто не будет желать иного, как следовать этому импульсу, то миссия Христа в мире будет исполнена. Ибо такова одна из тайн христианского учения, гласящая: *взгляните на Христа, исполнитесь силой Его образа, постарайтесь стать такими, как Он, следовать Ему, и тогда ваше “Я”, свободное в себе самом и, творя добро и справедливость, не будет больше нуждаться в Законе. Итак, Христос принес импульс (ведущий) к свободе от закона, так что добро творится не ради закона, но в силу импульса живущей внутри (человека) любви.* Но чтобы развить этот импульс во всей полноте, для этого нужно все оставшееся время нашего земного развития. Начало его было дано Христом Иисусом, и вечно образ Христа будет силой, воспитывающей людей в этом направлении. До тех пор, пока люди не созрели до принятия самостоятельного “Я”, пока они существовали, как члены той или иной группы, они должны были управляться законом, данным извне. И сейчас еще люди не во всем поднялись над групповым “Я”. В скольких вещах еще теперь является человек не индивидуальным человеком, но групповым существом — это только еще идеал. (На известной ступени эзотерического ученичества такого человека называют «безродным»). Индивидуален тот, кто добровольно становится в поток мирового действия, кто не управляется больше законом. В учении Христа заложено преодоление закона. «Ибо закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа». *«Благодатью» в христианском смысле называется способность души из себя самой творить добро. Благодать и осознанная внутри себя самой истина произошли через Христа.* Вы видите, сколь глубока эта мысль для всего развития человечества.

Прежде посвященных приводили к достижению высших духовных органов восприятия. До тех пор внешними очами никто никогда не видел Бога. Единородный Сын, сущий в лоне Отца, Он первый привел нас к возможности увидеть Бога таким образом, как видят люди на Земле своими земными органами чувств. Прежде Бог оставался невидимым, Он открывался в области сверхчувственного, во сне или как-либо иначе, в центрах мистерий. Ныне же Бог стал историческим, чувственным фактом, он принял плотский облик. Вот что заключается в словах: «Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, Сущий в недрах Отца, Он стал вождем в этом видении». Он привел людей к возможности увидеть Бога земными чувствами.

Итак, мы видим, во всяком случае, насколько ясно и значительно, сколь четко обрисованными словами, которые, воистину, должны оцениваться на вес золота, если мы хотим воспользоваться ими для понимания эзотерического христианства, подчеркнуто в Евангелии от Иоанна историческое событие Палестины. В последующих лекциях эта тема будет развита далее. В то же время будет показано, что Христос является водителем не только тех, кто связан с групповой душой, но как Он входит в каждого отдельного человека и своим импульсом стремится выработать именно индивидуальное “Я”. Кровное родство остается, но к этому приводит духовная любовь. Этой-то любви, идущей от свободного “Я” к свободному “Я”, и дает импульс Христос. Для посвящаемого день за днем открываются новые истины. Важная истина открывается, например, обычно на третий день. Она заключается в полном осознании того факта, что в развитии Земли есть точка, все более и более одухотворяющая кровную материальную любовь. Эта истина, как факт, должна явить нам переход от чисто кровной любви к духовной. Полные значения слова Христа Иисуса указывают на это: «Придет время, которое будет моим временем, когда важнейшие вещи соделаны будут людьми, не связанными кровным родством, но стоящими каждый отдельно. Однако, время это еще впереди». Итак, сам Христос, дающий этому первый импульс, высказывает при одном важном обстоятельстве, что идеал этот должен некогда исполниться, но что время его еще не пришло. Пророчески указывает Он на это, когда мать просит Его сделать нечто для людей, когда она как бы намекает на то, что имеет право побудить Его к значительному поступку ради людей. То, что мы можем сделать сейчас, говорит Он, еще имеет отношение к кровной связи, отношению между «мне и тебе»; мое же время еще не пришло. Это время, когда каждый должен будет стоять отдельно, сам для себя, выражено в рассказе о *браке в Кане*, и на заявление: «Вина нет у них», — Он отвечает, что это есть нечто, еще имеющее дело о «мне и тебе», т.е. с древней кровной связью, *«мое же время еще не пришло»*. Оттого стоят слова: «Мне и тебе» и «мое время еще не пришло». На эту тайну указывает текст. Это место, как и многое другое, всегда переводилось довольно грубо. Здесь должно было стоять не «Жено, что мне до тебя», но «это

находится в связи между мной и своим кровным родством». Так тонок и точен текст, но понятен он только для тех, кто хочет его понять. Так как все снова и снова эти религиозные источники толкуются людьми, хотелось бы спросить: неужели те, кто именуют себя христианами, не имеют никакого чувства, когда они заставляют Христа говорить в неверном переводе: «Жено, что мне до тебя?» При многом, что именует себя христианством и ссылающихся на Евангелия, нужно спросить: имеете ли вы Евангелие? Имея столь глубокий источник, как Евангелие от Иоанна, дело идет о том, чтобы взвешивать каждое слово, дабы правильно оценить его.

Пятая Лекция

Гамбург, 23 мая 1908 г.

При рассмотрении Евангелия от Иоанна мы не должны терять из виду усвоенные нами вчера принципиальные положения. Именно: мы не должны забывать, что в авторе Евангелия от Иоанна мы имеем дело с любимым учеником Христа Иисуса, Им самим посвященным. Конечно, могут спросить: нет ли совершенно независимо от оккультного знания, где-нибудь внешнего свидетельства, которым автор Евангелия от Иоанна давал бы понять, что он дошел до этой высокой степени познания Христа через воскресение, через посвящение, описанное в главе, так называемом чуде воскресения Лазаря? Читая внимательно Евангелие от Иоанна, вы заметите следующее: вы заметите, что никогда в Евангелии от Иоанна вплоть до главы, повествующей о воскресении Лазаря, решительно нигде не упоминается об ученике, «которого любил Господь». Написавший Евангелие от Иоанна хочет сказать этим следующее: все, что написано *до* этой главы, еще не исходит из знания, открытого мне в посвящении, все это вы еще не должны относить ко мне. И лишь впоследствии упоминает он об ученике, «которого любил Господь». Итак, в силу этого, Евангелие от Иоанна распадается на две важных части: 1) в которой ученик, любимый Господом, еще не упоминается, ибо он еще не посвящен; 2) в которой, после воскресения Лазаря, говорится об этом ученике. Нигде в самом источнике не найдете противоречий с тем, что было сказано нами в предыдущих лекциях. Конечно, читающий Евангелие лишь внешним образом легко не замечает этого; как раз в наши дни, когда все поляризуется, наблюдается любопытное явление, как всяческая мудрость, часто весьма сомнительная, преподносится людям. Кто, например, не считает прекрасным распространение дешевой научно-популярной литературы, которая несет народу всевозможные знания. Одна из последних книжек этой серии носит название «Возникновение Библии». На заглавном листе ее автор называет себя доктором теологии, следовательно, он теолог. Он полагает, что, собственно, во всех главах Евангелия от Иоанна, начиная с 35 стиха первой главы, повсюду указывается на автора этого Евангелия. Я, право, не поверил своим глазам, когда эта книжка попала мне в руки, и сказал себе: значит, действительно здесь есть нечто особенное, идущее вразрез со всеми предыдущими оккультными воззрениями, что любимый ученик не упоминается до главы о воскресении Лазаря. Но все же теологу следовало бы знать это. Чтобы не судить слишком поспешно, возьмите Евангелие от Иоанна и прочтите, что написано: «На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его» (Ин 1, 35). Здесь говорится об Иоанне Крестителе и о двух его учениках. Для извинения этого теолога можно принять, что его сознание наполнено старой экзотерической традицией, утверждающей, что один из двух учеников был Иоанн. Эта традиция опирается на Евангелие от Матфея, гл. 4, стих 21. Но Евангелие от Иоанна нельзя пояснять другими Евангелиями. Следовательно, некий теолог пустил в популярную литературу несомненно вредную книгу. Вред ее легко измерить, если знать, как действует на народ такая дешевая литература. Все это лишь вводное замечание, чтобы несколько оградить себя от различных, могущих нам встретиться, возражений против того, о чем здесь говорится.

Теперь посмотрим, что говорит нам повествование о воскресении Лазаря — повествование крайне внешнее, ибо только в последующей за ним главе автор трактует о глубочайших вещах. При всем том повсюду он хотел указать на то, что содержание его Евангелия может быть открыто лишь человеку до известной степени посвященному. Поэтому он в разных местах намекает на то, что сообщения первых глав Евангелия требуют известной степени посвящения. Ибо посвящение имеет разные степени.

Например, в одном из видов восточного посвящения различали 7 степеней, из которых каждая имеет символическое название. Первая называется степенью «Ворона», вторая — «Оккультиста», третья — «Воина», четвертая — «Льва», пятая степень у различных народов, еще чувствовавших кровную связь, как выражение их групповой души, обозначалась именем всего народа. У персов, например, посвященный 5-ой степени носил в оккультном смысле имя «Перса». Если мы уясним себе значение этих имен, то поймем, почему они давались именно так, а не иначе. Посвященный первой степени служит посредником между оккультной и внешней жизнью; его посылают туда и сюда. На этой первой ступени человек еще должен вполне отдавать себя жизни, но то, что он узнает, он обязан переносить в центр мистерий. Итак, о «Вороне» говорят там, где весть из внешнего мира сообщает нечто вовнутрь. Вспомните воронов Или и воронов Одина, или воронов из сказания о Барбароссе. Посвященный второй степени («Оккультист») уже вполне стоял в оккультной жизни; находившийся в 3-ей степени имел право выступать борцом за оккультизм: эта степень «Воина» и означает воинствующего человека, но такого, который смеет бороться за оккультное учение. Обладающий степенью «Льва» — это тот, кто осуществляет в себе оккультную жизнь, так что может защищать оккультизм не только словами, но и делами, т.е. известными магическими действиями. Шестая степень — «Солнечного героя»; седьмая степень — «Отца». Для нас здесь интересна пятая. В прежние времена человек был замкнут в своей общине и потому, даже ощущая свое «Я», он ощущал его, прежде всего членом групповой души. Но достигший посвящения пятой степени приносил известного рода жертву; он настолько освобождался от всякого ощущения себя, как личности, что делался в состоянии принять в себя сущность целого народа. Подобно тому, как другой чувствовал свою душу в недрах народной души, так посвященный пятой степени принимал в себя народную душу, ибо ничто личное уже не существовало для него, а лишь общий дух народа. Поэтому ему давали имя данного народа. Евангелие от Иоанна говорит, что в числе первых учеников Христа был *Нафанаил*. Его привели к Христу (Ин 1, 45). По своему развитию он не мог бы еще прозреть сущность Христа, ибо Христос есть дух всеобъемлющей мудрости, и такой посвященный пятой степени, каким был Нафанаил, не в силах еще увидеть Его. Но Христос прозревает сущность Нафанаила. Это выясняется двумя фактами: как называет его Христос: «Вот подлинный Израильянин». Он называет его именем народа. Как у персов посвященный пятой степени назывался «Персом», так и у израильтян он назывался «Израильянином». Поэтому Христос называет Нафанаила «Израильянином» и затем говорит ему: «Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницей, Я видел тебя». Это символическое обозначение посвящения подобно пребыванию Будды под деревом Бодхи. *Смоковница есть символ посвящения египетско-халдейского вида*. Христос хочет сказать Нафанаилу: «О, я знаю, что ты, в известном смысле, посвященный, способный к прозрению некоторых вещей, ибо Я видел тебя». Тогда лишь Нафанаил узнает Его и, отвечая, говорит: «Равви! Ты Сын Божий! Ты Царь Израилев!» Слово «Царь» в этом сопоставлении значит, что «Ты стоишь выше меня, ибо иначе Ты не мог бы сказать «когда ты был под смоковницей»». На это Христос отвечает: «Ты веришь, потому что я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницей; увидишь больше сего». О последующих словах: «Истинно, истинно ...» мы еще будем говорить. Христос говорит далее: «Отныне будете видеть Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому!» т.е., познавшие Христа увидят нечто большее, чем видели до сих пор. Что это значит? Для пояснения вспомним, что, собственно, представляет собою человек. Мы говорили о том, что он различен днем и ночью. Днем четыре его части: физическое тело, эфирное, астральное и «Я» тесно связаны между собой и действуют друг на друга. Мы можем сказать, что во время дневного бодрствования физическая телесность и эфирное тело человека проникнуты и поддерживаются его духовной астральностью и его духовным «Я». Но мы также указали, что еще нечто иное должно действовать в его физическом и эфирном теле, дабы человек вообще мог существовать в своей настоящей фазе развития. Мы уже указывали на то, что человек каждую ночь извлекает то, что поддерживает его физическое и эфирное тело, а именно — астральное тело и «Я», и каждую ночь предоставляет свое физическое и эфирное тело их собственной судьбе. Каждую ночь вы вероломно покидаете ваше физическое и эфирное тела и отсюда вы видите, что духоведение справедливо учит, что по ночам божественно-духовные власти и силы пронизывают это физическое и эфирное тело, так что последние являются неким образом вчлененными в божественно-духовные силы и сущности. Мы указали также, что когда в древние времена, во времена «Яхве» или Иеговы астральное тело и «Я» выходили из физического и эфирного тел, то здесь

действовала инспирация Иеговы. Но физическое и эфирное тело вечно пронизываются истинным светом, полнотою Элохимов, плеромой. Человек еще не мог познать в себе этот свет, ибо не получил к тому надлежащего импульса вплоть до появления Принципа Христа на Земле. Духовное начало, проникающее собой физическое тело, обитает на высшем Девакане; силы же, действующие на эфирное тело, пребывают в низших небесных сферах. Человек может познавать их, лишь принимая в себя Импульс Христа. Итак, вы можете сказать: на это физическое и эфирное тело непрерывно воздействуют существа из высших областей Девакана. Познать их человек может лишь, приняв в себя Импульс Христа. Если вы действительно познаете Христа, то увидите, как силы Божии восходят и нисходят к человеку из небесных сфер, и это откроется вам Импульсом, данным Христом на Земле.

Мы уже коснулись вчера брака в Кане Галилейской (Ин 2, 1-10), который часто называют «первым чудом», — лучше сказать — «первым знамением», сотворенным Иисусом. Чтобы постичь все значение данного места, надо охватить многое из того, что мы слышали в последних лекциях. Прежде всего, здесь идет речь о браке, но почему же о браке в Галилее? Мы пойдем к этому, если еще раз представим себе, в чем заключается миссия Христа. Его миссия в том, чтобы сообщить душе человека полную силу внутренней самостоятельности. Единичное “Я” должно было до конца почувствовать свою самостоятельность и отдельность, опереться лишь на самое себя, и человек должен был начать подходить к другому в любви, принятой им как свободный дар. Через Христа должна была прийти на Землю любовь, которая все выше поднимает над материей и все больше переходит в духовную область. Любовь эта возникла из своего низшего вида, из чувственной любви. В первоначальные эпохи человечества, связанные узами крови, любили друг друга и придавали огромную важность именно тому, чтобы любовь опиралась на этот материальный базис кровного родства. Христос пришел, чтобы одухотворить эту любовь, чтобы, с одной стороны, освободить ее от поглотивших ее уз кровного родства, а с другой стороны — для того, чтобы дать силу, импульс к духовной любви. Среди последователей Ветхого Завета мы видим еще полное выражение принадлежности к групповой душе, обоснования отдельных “Я” в “Я” общем. Мы видели, что слова «Я и Отец Авраам — одно» — для последователя Ветхого Завета означает включение в сознание, что кровь, которая текла в жилах Отца Авраама, продолжает течь и в нем, последователе. Он чувствовал себя включенным в одно целое и близкими считали лишь тех, которые произошли из такого человеческого рода, в котором строго соблюдалось это кровное родство. В самом начале земного человеческого развития браки заключались только в узких кругах, между семьями, связанными кровным родством. Этих «близких браков» придерживались в начале человеческого развития. Постепенно узкие родственные круги все больше расширялись. Браки начинают совершаться вне рода, но еще не в чужом народе. Древние законы определенно требовали народной цельности. *«Иудей» — это тот, кто Иудей по крови.* Христос же обращается не к этому началу, но к тем, кто разбивал этот принцип чисто кровного родства, и потому то важное, что Он хочет явить, — Он являет, прежде всего, не в Иудее, а вне ее, в Галилее, стране наиболее смешанной крови различных народов. Название «Галилеянин» обозначало человека смешанной крови, «гоя». И к этому смешанной крови народу, к этим галилеянам, идет Христос Иисус. И именно из лежащего в основе таких смешанных браков должно произойти то новое, что не опирается на материальный базис любви. Поэтому то, что Он имеет сказать, Христос говорит на браке. Почему именно на браке? Ибо брак указывает на размножение человечества. И то, что Он хочет явить, Он являет не в узких пределах брака в кровном родстве, но там, где брак освободился от уз крови. Потому-то это говорится на браке, на браке в Галилее. Чтобы понять смысл сказанных им при этом слов, нужно бросить взгляд на предыдущее развитие человечества.

Уже неоднократно подчеркивалось, что для оккультиста не существует ничего исключительно внешнего или материального. Во всем он видит откровение душевно-духовного и, подобно тому, как ваше лицо служит выражением души и духа, так и свет солнца является выражением душевно-духовного света; и все, что является исключительно материей, представляет собой в то же время проявление более глубоко духовных процессов. Оккультизм не отрицает материального бытия, но для него и все самое грубо материальное является выражением душевно-духовного. Явлениям духовного развития в мире всегда соответствуют параллельно идущие материальные факты. Бросим духовный взгляд назад, на развитие человечества, когда он обитал еще на старом континенте между Европой и Америкой, — в древней Атлантиде, и затем, перейдя к послеатлантической эпохе, через ряды поколений, развитие дошло, наконец, до нас. Весь смысл этого развития от четвертой расы к пятой,

беря с точки зрения рас, представится нам как постепенное развитие, медленное созревание из совершенно погруженного в групповую душу человечества Атлантиды, единичного “Я”, человеческой личности в послееатлантическую эпоху. И то духовное, что принес в Своем могучем Импульсе Христос, должно было медленно подготавливаться другими импульсами. Дело Иеговы заключается в том, что он заложил в астральное тело групповое “Я” и таким образом подготовил его к медленному созреванию для принятия вполне самостоятельного «Я есмь». Но «Я есмь» не могло бы быть понято человеком, если бы его физическое тело не стало его орудием. Можно легко представить себе астральное тело способным к принятию в себя “Я”, но если физическое тело еще не приспособлено к действительному восприятию «Я есмь» в своем дневном сознании, то воплощение «Я есмь» невозможно. Поэтому, когда астральное тело созрело, то и физическое тело должно было подготовиться к тому, чтобы стать орудием для «Я есмь». И это тоже произошло в физическом развитии. Мы можем проследить все, что должно было подготовить физическое тело, дабы сделать его носителем самосознающего и одаренного «Я есмь» человека. Даже в Библии указывается нам на тот факт, что Ной, в известном смысле родоначальник послееатлантической эпохи, первый пьет *вино*, первый переживает действие алкоголя. Здесь мы касаемся места, которое многих может шокировать. Как особый культ, в послееатлантическую эпоху появляется культ Диониса, имеющий, как вы все знаете, отношение к вину. Это удивительное вещество дается человеку, во всяком случае, лишь в послееатлантическую эпоху, и сколь странным это не кажется, оно определенно воздействует на человечество. Вы знаете, что каждое вещество так или иначе действует на человека, и алкоголь имеет на организм совершенно определенное действие. У него была своя миссия в течение человеческого развития: он должен был таким образом приготовить человеческое тело, чтобы последнее уже отделилось от связи с божественным, дабы могло развиваться личное «Я есмь». *Действие алкоголя отрезает человека от связи с духовным миром*, в котором он жил прежде. Это действие таково еще и сейчас. Алкоголь был дан людям не напрасно. В будущем они смогут сказать в полном смысле этого слова, что алкоголь имел своей задачей втянуть человека так глубоко в материю, дабы человек стал эгоистичным и потребовал свое отдельное “Я”, и не отдавал бы его больше на служение всему народу. Таким образом, действие алкоголя было как раз обратным действием групповой души человечества. Он отнял у людей способность чувствовать в высших мирах свое единство с целым. Отсюда в культе Диониса — общение людей в состоянии внешнего опьянения. *Растворение в целом, без прозвевания этого целого*. Поэтому развитие послееатлантической эпохи связано с культом Диониса, ибо этот культ был символом миссии и функций алкоголя. Теперь, когда человечество вновь стремится найти дорогу назад, теперь, когда “Я” развито настолько, что человек опять находит возможность соединиться с божественно-духовными силами, теперь уже настало время, хотя еще и из бессознательного, известной реакции против алкоголя. Причина ее та, что уже многие люди чувствуют преходящесть того, что некогда имело особое значение. *Сказанное здесь о миссии алкоголя вовсе не надо принимать как его защиту*. Мы хотели пояснить, что его назначение уже выполнено, и что всякая вещь имеет свое время. Но в ту эпоху, когда человечество через алкоголь спустилось наиболее низко, появилась также и та могучая сила, которая может дать человеку сильнейший импульс, чтобы снова найти связь с целым. С одной стороны, человек должен был спуститься до самой низкой ступени, чтобы стать самостоятельным, с другой стороны, — должна была явиться могучая сила, способная дать импульс к соединению его с духовным целым. И на это должен был указать Христос, как на свою миссию, в первом данном Им знаменнии. Прежде всего, Он должен был указать на то, что “Я” должно было стать самостоятельным и что следом за тем Он сам обращается к тем, которые уже освободились от кровной связи. Он должен был обратиться к браку, где тела находились под влиянием алкоголя, ибо на этом браке пили вино. И Христос показывает, как относится Его миссия к различным земным периодам. Претворение воды в вино на этом браке часто толкуют весьма странным образом. Даже с церковной кафедры можно услышать, что здесь мыслится не что иное, как то, что пресная вода Ветхого Завета должна уступить место крепкому вину Завета Нового. (Подобное объяснение, по всей вероятности, всегда было излюбленным для любителей вина). Но символы эти не так просты. Нужно твердо помнить, что Христос сказал: «Миссия моя ведет в далекое будущее. Людям, достигшим самостоятельности, она даст связь с Божеством, — любовь к Божеству как свободный дар самостоятельного “Я”. Эта любовь должна воссоединить человека с Божеством, как прежде его вводил в это Божество внутренний, принудительный импульс групповой души. Попробуем

представить себе как настроение то, что таким образом переживало человечество. Представим себе, прежде всего, мысли того времени. Тогда говорили: «Некогда человек был связан с групповой душой, ощущал свою связь с Божеством. Затем он спустился вниз в своем развитии. Это нисхождение рассматривалось как сплетение с материей, как дегенерация, как некий вид отпадения от божественного начала, и вставал вопрос: откуда же произошло впервые то, чем человек обладает ныне? От чего он отпал? Чем дальше мы отступаем, следя за развитием Земли, тем более находим, что твердое вещество под влиянием теплоты переходит в жидкое состояние. Мы знаем, что человек существовал уже и тогда, когда Земля была еще текучей планетой, и что тогда он был ближе к Божеству, чем после. По мере уплотнения Земли, материализовался и человек. На жидкой Земле человек уже был в воде, но он мог передвигаться только по такой Земле, которая выделила из себя твердь. Потому уплотнение человека определяли словами: человек родился из Земли, которая была водой; в этот период он еще вполне связан с божественным началом; все, что привело его в материю, запятнало его. И те, кто должны были вспомнить об этом древнем единении, получали крещение водой. Последнее должно было быть символом: «Осознайте вашу древнюю связь с Божеством, и то, что вы стали нечистыми, что опустили до вашего настоящего положения». Так крестил Креститель, дабы таким образом приблизить людей к связи с Божеством. И всякое крещение в древнее время имело эту цель, оно было средством довести вышесказанное до сознания человека. Христос же должен был крестить иначе, указывая людям не на прошлое, а на будущее, до которого они дойдут во внутреннем развитии своей духовности. Духовное начало человека должно соединиться с Божеством через «Святого», чистого Духа. **Крещение водой было крещением воспоминания; крещение Святым Духом есть пророческое крещение, указывающее в будущее.** Смысл вина, смысл жертвенного вина был окончательно утрачен! Дионис — растерзанный Бог, вошедший в отдельные души таким образом, что его отъединенные части ничего не знают друг о друге. Раздробленным на множество кусков, вброшенным в материю, оказался человек благодаря данному ему алкоголю — символу Диониса. Великий принцип утверждается на браке в Кане, имеющий воспитательное значение, **принцип эволюции.**

Существуют, правда, абсолютные истины, но они не могут быть переданы человечеству в любое время. Каждый период времени должен иметь свое подготовление, свои особенные истины. Почему сейчас мы можем говорить о перевоплощении? Почему имеем мы возможность на нашем собрании обсуждать вопросы теософии? По той причине, что все ваши души уже много раз перевоплощались на Земле. И многие из душ, здесь находящиеся, жили некогда в германских странах и знали жрецов-друидов, приносивших им духовную мудрость в форме сказаний и мифов. И благодаря тому, что в те времена души приняли мудрость в подобной форме, они способны принять ее теперь в новой форме — в теософической. Тогда — в образах, теперь — в форме теософии. Но тогда истина еще не могла быть дана в теперешней форме, и вы не должны думать, что древний друидический жрец мог сообщать ее в такой форме, в какой она дается теперь. **Теософия, как форма, пригодна для теперешнего или непосредственно за ним следующего человечества. В последующих воплощениях истина будет и даваться, и приниматься в совершенно иных формах,** и то, что теперь называют теософией, будет рассказываться как воспоминание, как у нас рассказываются сказки и предания. «Монисты» утверждали, что в древние времена существовали наивные, детские воззрения, и что только мы подвинули прогресс. Теософ не может так говорить. В теософии мы работаем над подготовлением следующей эпохи. Без нашей эпохи не могло бы быть и следующей. Но никто не должен извинять настоящее будущим. Учение о перевоплощении слишком часто подвергается искажению. Мне встречались люди, которые утверждали, что им вовсе не нужно в данном воплощении быть порядочными людьми, ибо на это у них не хватит времени. Но тот, кто не начнет сейчас, испытает задержку как раз в следующей инкарнации. Итак, нужно изяснить себе, что нет чего-либо абсолютного **в форме** истины, что каждый раз познается то, что соответствует данной эпохе человечества. **Наивысший принцип должен был, так сказать, опуститься до жизненных привычек людей, дабы облечь высшую истину в доступные пониманию формы.** В жертве Диониса или в жертве вина Христос должен был показать, каким образом человечеству надлежит подняться до Божества. Нельзя педантически спрашивать, зачем Христос претворяет воду в вино? Нужно принять во внимание эпоху. Через некий вид Дионисовой жертвы Христос должен был готовить людей для грядущего. Он идет к галилеянам, представляющим пеструю смесь всевозможных национальностей,

не связанных между собой узами крови, и совершает среди них первое знамение своей миссии, нисходя настолько к их жизненным привычкам, претворяет им воду в вино. Установим, что хочет сказать Христос в этом случае? «Я хочу поднять до духовного единения с Божеством людей, которые спустились на материальную ступень, символизируемую употреблением вина». Весьма значительно, что наше внимание обращается здесь на *шесть водоносов очищения*. О числе их мы будем говорить впоследствии.

Он не хочет быть только для тех, которые могут подняться через символ крещения людей. «Очищение» представляет собой сущность крещения. Так понимали крещение в Евангельские времена, говоря о крещении, как об очищении. Собственно слово «крещение» никогда не произносилось, говорили «крестить», а то, что при этом производилось, называлось «очищение». В греческом тексте Евангелия от Иоанна слово «крестить» вы всегда находите как глагол; как соответствующее существительное всюду стоит «очищение»; таким образом, дабы человек вспоминал о своем первоначальном состоянии чистоты и о единении с Божеством. Даже символические «водоносы» для обряда очищения Христос берет как знак, которым он, согласно эпохе, указывает на свою миссию. Это чудо на браке в Кане Галилейской представляет собой выражение одной из глубочайших тайн миссии Христа. И Он мог сказать при этом: «Время Мое придет в будущем, теперь оно еще не пришло. Что Мне предстоит здесь свершить еще, связано с тем, что должно быть преодолено Моей Миссией». С одной стороны, Он стоит в настоящем, и с другой — указывает на будущее, являя этим, как нужно действовать для своей эпохи не в абсолютном, а в культурно-педагогическом смысле. Мать побуждает Его: «Вина нет у них». Он же отвечает: «То, что Мне предстоит совершить здесь, еще связано с древними временами, о «мне» и «тебе». А Мое собственное время, когда вино вновь будет обращено в воду, еще не пришло». Смысл этого только в том, чтобы указать нам, что кровное родство обусловило современное состояние человечества и чтобы путем знамения в духе древних обрядов, требующих еще воздействия алкоголя, — указать на время, когда из кровных связей вырастает самостоятельное «Я», т.е., что сейчас еще необходимо считаться с древним миром, символизируемым вином, но что близится грядущее, которое будет «Его временем». И вот, глава за главой, Евангелие от Иоанна показывает нам нечто двойственное. Во-первых, что все последующие сообщения даются лишь тем, кто до известной степени способен понимать оккультные истины. В наши дни теософия преподается экзотерически, тогда же теософические истины могли понять лишь прошедшие некоторую степень посвящения. Кто мог охватить глубокую тайну деяний Иисуса? Лишь тот, кто был способен к восприятию вне тела, кто мог из него выходить и быть сознательным в духовном мире. Если Христос хотел обращаться к тем, кто мог Его понять, то они должны быть теми, кто в известной мере был посвященным и кто в известной мере мог прозревать духовное. Когда, например, Он говорит о новом рождении души в главе о беседе с *Никодимом* (Ин 3, 1-21), то нам показывается, что эту истину Он сообщает тому, кто видит духовными чувствами. Достаточно прочесть: между фарисеями был некто именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу *ночью* ...» Научимся ценить на вес золота каждое слово. Сказано: Никодим приходит *«ночью»*, т.е., поучения Христа он воспринимает, находясь вне его физического тела, «ночью», т.е. в таком состоянии, когда он пользуется своими духовными органами чувств, приходит он к Иисусу. Подобно тому, как Христос и Нафанаил понимают друг друга, как посвященные, говоря о смоковнице, — так и здесь имеется это взаимное понимание. Второе, что являют нам главы, следующие за главой о браке в Кане, есть постоянное стремление Христа к выполнению той миссии, которая лежит вне кровных уз.

Очень подробно рассказывается его встреча с *Самаритянкой* у колодца (Ин 4, 4-42). Он дает поучение, обращаемое Им к людям, «Я» которых поднялось над кровным родством. Выражено это тоже совершенно ясно и отчетливо. «Итак, приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодца. Было около 6-го часа. Приходит *женщина* из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: «Дай мне пить». Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина говорит Ему: «Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?» — ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются». Указывается, что есть нечто особенное в том, что Христос идет к народу, в котором «Я» высвободились и вырваны с корнем из групповой души. Но именно это и важно. И за этим сейчас же из рассказа с царедворцем следует, что Он разрушает рамки не только

племен, связанных общей кровью, но и того, что выделяется вследствие кровных связей как сословие. Он приходит, так сказать, к отрезанным “Я”, Он излечивает сына царедворца, чужого ему, согласно воззрениям иудеев. Повсюду вам указывается на то, что Христос возвещает свободное “Я”, обитающее в каждой человеческой индивидуальности. Поэтому Он и может сказать: «Говоря о себе, я говорю не о своем личном “Я”: произнося «Я есмь», я говорю о той сущности, которая находится в каждом человеке. Мое “Я” едино с Отцом, но и всякое другое “Я” едино с Отцом». Таков глубокий смысл Его слов, обращенных к Самаритянке. Припомните одно место, которое, будучи правильно понято, раскроет вам очень многое. 3-я глава, стих. 31-34. Слова Иоанна Крестителя: «Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от Земли — земной и есть, и говорит, как сущий от Земли. Приходящий с небес есть выше всех. И что Он видел и слышал, — о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его. Принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен. Ибо Тот, Которого послал Бог, говорит Слова Божии, ибо не мерою дает Бог Духа». Я хотел бы видеть человека, верно понимающего эти слова в таком переводе! Что значит противопоставление: посланный Богом говорит слова Божии, ибо не мерою дает Бог Духа». Нужно только проникнуть в смысл этого изречения. В бесчисленных речах говорит Христос: «Говоря о “Я”, я говорю о вечном “Я” человека, едином с духовной первопричиной мира. Говоря об этом “Я”, я говорю о том, что обитает в сокровеннейших тайниках человеческой души. Кто слушает меня (Он говорит здесь только о низшем “Я”, ничего не знающем о вечном начале), тот не принимает моего свидетельства, тот вовсе не понимает меня, ибо “Я” не могу говорить о том, что передается от меня к нему. Ибо тогда он не был бы самостоятельным. *Того Бога, о котором Я возвещаю, каждый должен найти в себе, как вечную основу себя самого*». За несколько стихов перед этим вы находите следующее место: «А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, ибо там было много воды: и приходили туда и крестились. Ибо Иоанн еще не был заключен в темницу. Тогда у Иоанновых учеников произошел спор с иудеями об «очищении», т.е. о форме крещения. Обсуждая, таким образом, этот вопрос, имели в виду собственно связь с божественным и погружение человека в материю — с одной стороны, и его связь с Божеством через групповую душу согласно древней идее Бога — с другой. Тогда пришли и сказали Иоанну: «Иисус тоже крестит». Иоанн, прежде всего, должен был объяснить им то совершенно особое, что входит в мир через Христа, и он объясняет это, говоря: Иисус учит не о той связи с Богом, которая символизируется древним крещением, но о том, как человек, получивший в свободный дар самостоятельное “Я”, сам ведет себя к самосознанию. И каждый должен в себе самом открыть Бога. «Я есмь», — только так найдет он в себе божественное. Если так читать эти слова, то слушатель поймет, что Он сам, что «Я есмь» послано от Бога. И посланный таким образом от Бога для «воспламенения Бога» в истинном смысле свидетельствует о Боге, уже не в древнем смысле кровного родства. Переведем теперь это место в его настоящем значении. Материал для этого дают учения древних, художественно запечатленные во многих книгах. Нам довольно вспомнить псалмы, где в красиво построенных выражениях в Ветхом Завете возвещается о Божестве. Здесь отношение к Богу определяется только древнею кровною связью. Всему этому можно было научиться отсюда. Но ничему больше того, что человек связан с этим древним Божеством. Кто же хотел понять Христа, тот не нуждался в древних законах, в древних искусственных построениях. Чувствуя божественность своего “Я”, можно было понять учение Христа и не зная его подробностей, но лишь внимая словам, исходящим из Его уст. Это было необходимо для понимания. Никакие псалмы, никакие художественно построенные учения не нужны были больше, нужно было лишь простейшее, — это были лишь лепечущие выражения. Только лепетать Его слова, и вот уже свидетельство о Боге. Это свидетельство было возможно в лепечущих словах, не имеющих никакой «меры». Кто, хотя бы только лепечущий, ощущал в своем “Я”, что он послан Богом, тот мог понимать слова Христа. Знающий лишь земное отношение к Богу, говорит размером псалмов, но этот размер приводит его ни к чему иному, как только к древним богам. Кто же видит свою основу в духовных мирах, тот «есть выше всех» и может свидетельствовать о том, что он видел и слышал. Но свидетельство его не принимается людьми, привыкшими к обычным свидетельствам. Принявшие же его, показывают тем, что они посланы от Бога. Они не только верят, они понимают слова другого, и запечатлевают пониманием свои собственные слова. *«Чувствующий “Я” даже в лепете открывает слова Божии»*, — вот что означает это. Ибо Дух, мыслимый здесь, не требует выражения в каком-либо метрическом размере, в каком-либо счете слогов, но может выражаться самым простым образом — в лепете. *(Это легко*

понять, как право на невежественность. Но кто отвергает мудрость, ибо считает, что высшие тайны должны выражаться в простейшей форме, тот делает это, хотя часто и бессознательно, но лишь вследствие известной склонности к душевному удобству). Когда говорится: «Не мерою дает Бог Духа», то здесь предполагается, что мера не ведет к духу. Но где Дух существует воистину, там возникает и «мера». Не всякий, имеющий «меру», имеет и Духа; но обладающий Духом, необходимо придет к «мере». Известные вещи нельзя понимать обратно. **Отсутствие меры не может быть признаком «обладания духом»**, хотя и обратно: имение «меры», обладание «мерой» не есть признак духа. Так, **знание не есть еще признак мудрости, но и невежество тоже**. Итак, мы видим, что Христос взывает к «Я», ставшему самостоятельным в каждой человеческой душе. «Меру» нужно понимать здесь как «меру» слогов, как художественно построенную речь. И предшествующая фраза значит буквально: «Понявший Бога в «Я есмь» даже и в лепете являет божественное или божественный язык и находит путь к Богу».

Шестая Лекция

Гамбург, 25 мая 1908 г.

В этих лекциях уже упоминалось, что в беседе Христа с Никодимом мы имеем разговор с лицом, способным к некоторому сверхчувственному восприятию вне физического тела. И сказано это совершенно ясно для того, кто умеет понимать слова Евангелия. Никодим пришел к Христу «ночью», т.е. в таком состоянии сознания, которое не пользуется внешними органами чувств. Мы не будем вдаваться в разбор различных толкований выражения «ночью». Как вы знаете, в этой беседе идет речь о вторичном рождении человека «от воды и Духа». Весьма значительны слова, сказанные Христом Никодиму в гл. 3, стих 4. Никодим говорит Ему: «Как может человек родиться, будучи стар? Иисус отвечал: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие». Мы уже сказали, что слова этого глубочайшего памятника человеческого рода должны цениться на вес золота; и нужно твердо помнить, что, с одной стороны, мы должны принимать их в буквальном смысле, с другой же — мы должны сперва найти и понять этот буквальный смысл. Часто цитируется фраза: буква убивает, дух же животворит. Люди, цитирующие ее, часто придают ей весьма странный смысл, принимая это как возможность толковать текст согласно своей фантазии, которую они и называют «духом» вещей, и человеку, желающему, прежде чем приступить к Духу, установить дословно значение текста, они говорят: «Что нам за дело до твоей буквы», буква убивает и т.д. Говорящий так подобен человеку, который бы сказал: «Ведь, собственно, Дух есть живое, тело же мертво; разобьем тело — и Дух оживет». Говорящие так не видят, что Дух развивается постепенно, что человек должен пользоваться органами своего физического тела, чтобы, воспринимая явления физического мира, переносить их в духовную область. Итак, прежде нужно познать букву, а потом уже мы можем убить букву, подобно тому, как человеческое тело отпадает от человеческого духа после того, как человеческий дух возьмет из тела все, что нужно. Именно в этой главе Евангелия от Иоанна заключается нечто исключительно глубокое, постичь смысл этой главы мы можем, лишь проследив эволюцию человека еще дальше назад, чем мы это сделали до сих пор при нашем изучении Евангелия от Иоанна. Мы должны проследить сегодня человека в самые ранние эпохи земного развития. Чтобы не привести вас с самого начала в смущение, говоря об этих ранних состояниях человечества, я хотел бы сперва еще раз ввести вас в древнюю атлантическую эпоху. Мы уже указали, что наши предки до великой катастрофы, память о которой сохраняется в сказаниях о потопе, жили на Западе, на несуществующем ныне материке, лежащем теперь на дне Атлантического океана. Этот материк, называемый нами древней Атлантидой, приютил на себе наших предков. Исследуя самые последние времена Атлантиды, мы увидим, что в эти весьма отдаленные времена человек не слишком отличался от своего теперешнего облика, но, обращаясь к ее древнейшим временам, мы увидим его весьма отличным от его настоящего вида. Но пойдем еще дальше назад. В доатлантическую эпоху человек жил в стране, называемой нами Лемурией, погибшей от катаклизма нашей Земли. Она находилась приблизительно на месте, занимаемом сейчас водами океана между

Южной Азией, Африкой и Австралией. Исследуя облики обитателей Лемурии, какими они представляются взору ясновидящего, мы найдем в них огромное различие с современным человеком, и мне не нужно приводить вам подробное описание этих лемурийцев, как и первых атлантов. Даже если вы уже принимаете известные данные теософических описаний, этот образ человека Лемурии, совершенно не похожий на современного человека, все же может показаться вам невероятным. Однако, желая понять, что произошло с человеком во время его земного развития, мы должны дать хотя бы чисто внешнее описание Лемурии. Представьте себе, в действительности это невозможно, что вы перенеслись, сохраняя свои теперешние органы чувств, которых у вас тогда, конечно, не было, в последний лемурийский или первый атлантический период и стали рассматривать различные части земной поверхности. Вы ошиблись бы, если бы думали, что можете там найти на Земле человека, доступного такому чувственному восприятию. **Он еще не принял такой формы, чтобы его можно было видеть теперешними органами зрения.** Правда, вы бы заметили, что некоторые части земной поверхности уже проявляются как острова, тогда как вся остальная земля находится еще в жидком состоянии или покрыта водой, или окутана парами. Но и эти острова не являются еще твердой почвой, как наша теперешняя земля, и представляют мягкие массы, среди которых действуют силы огня так, что вследствие тогдашних вулканических сил эти острова то исчезают, то вновь появляются над поверхностью воды. Короче говоря, в эту эпоху в земле еще находится действенным элемент огня: все изменяется, все течет в непрестанном живом движении. В некоторых частях материка, уже достаточно охлажденных, вы нашли бы предков нашего теперешнего животного мира, которые представили бы вам в странных образах, напоминающих пресмыкающихся и земноводных. Но **человек той эпохи еще не имел плотного физического тела** и вы не увидели бы его нашими глазами. Его нужно было бы искать в водных и паровых массах, где он пребывал подобно **студенистым**, едва видимым морским животным наших дней. И чем дальше вы отходите назад, тем менее плотным и более сливающимся со своей парообразной водной средой находите вы человека. И только в эпоху Атлантиды начинается его постепенное уплотнение и нисхождение на Землю. В действительности, сравнительно поздно физический человек ступил на поверхность нашей Земли, низойдя из водо-воздушного пространства, постепенно выкристаллизовываясь из окружающей его водной атмосферы. Итак, мы дали набросок человека, который, так сказать, совсем еще не отличается от окружающей его среды, который состоит из того же вещества (стихии), в которой живет. Если же мы пойдем еще дальше назад, к началу земного развития, то увидим, что это тело человека становится все менее и менее плотным.

Вернемся к самому началу нашей теперешней Земли. Мы знаем, что планета нашей Земли произошла из старой Луны, которую мы называли «Космосом Мудрости». На известной ступени своего развития эта старая Луна еще не имела на себе элемента твердой земли, и мы должны помнить, что в предыдущие воплощения нашей планеты физические условия были совершенно иными. Если мы обратимся назад, к состоянию старого Сатурна, то мы не можем ожидать, что он выглядел подобно нашей теперешней Земле, что там были скалы, по которым вы могли бы ходить, или деревья, на которые вы могли бы влезать. Ничего этого не было. Приблизившись из мирового пространства к старому Сатурну в половине его развития, вы не увидели бы перед собой мирового тела, но ощутили бы нечто особое, словно вошли бы в духовую печь. Единственная реальность старого Сатурна заключалась в отличном от окружающей среды состоянии. Какого-либо иного восприятия Сатурна быть не могло. Оккультизм, в противоположность современной физике, различает не три, а гораздо больше состояний материи. Физик говорит, что в настоящее время существуют три рода тел: твердые, жидкие и газообразные. Но Сатурн не достиг еще плотности газа. Газообразное состояние гораздо плотнее самого плотного состояния Сатурна. **В оккультизме мы различаем теплоту как состояние вещества, а не как простое движение материи.** Этот древний Сатурн состоял только из тепла, и, переходя от Сатурна к Солнцу, мы одновременно ощущаем уплотнение этой древней огневой планеты. Солнце является первым газообразным воплощением нашей планеты. Луна уплотняется еще больше и представляет собой уже текучее тело, затвердевшее лишь после того, как из него выделилось Солнце, но собственно ее среднее состояние, когда она еще соединена с Солнцем, является текучим. Все то, что мы называет ныне минеральной землей, минералы, скалистые массы и пахотные поля — ничто это не существовало на старой Луне. Все это впервые выкристаллизовалось уже на нашей Земле. В начале своего развития Земля должна была еще раз

повторить свои предыдущие стадии. **Каждое тело и каждое существо в космосе, входя в новую фазу развития, повторяет свои предыдущие состояния.** Так и наша Земля быстро пробегает через состояние Сатурна, Солнца и Луны. Пробегая стадии старой Луны, она состоит из воды, смешанной с водяным паром, конечно, не из нынешней воды, а некоей водообразной текучей субстанции; и это текучее состояние есть в то же время для нее самое плотное. Этот водный шар, вода и водяные пары перемешаны друг с другом, т.е., газообразное с жидким, и внутри этого уже находится человек. Человек может пребывать внутри этого водяного шара, т.к. в нем еще не выделилось никаких плотных веществ. **Из теперешнего человека внутри (шара) находится “Я” и астральное тело.** Но они еще не чувствуют себя обособленными существами, покоясь в лоне божественных существ; они еще не чувствуют себя отделенными от существа, тело которого есть водяная и парообразная земля. Но вот в этих астральных телах людей, телах, уже обладающих “Я”, начинают образовываться нежные, тонкие зачатки человека (рис. 1).

Рис. 1. Гиперборе́йская эпо́ха

Внешний круг на рис. 1 изображает невидимое для внешнего зрения астральное тело и “Я”, заключенное в водную сферу Земли, и они сами изнутри себя образуют зачатки физического тела человека, которое вместе с эфирным телом находится в совершенно тонком состоянии. Исследуя это ясновидчески, вы увидели бы первые зачатки физического и эфирного тела, как бы окруженными астральным телом и “Я”, как это изображено на рис. 1. Это то, что теперь остается в постели во время нашего сна. Ваше физическое и эфирное тела образуются в эту эпоху Земли в своих первых зачатках, как первый зародыш человека, еще совершенно окруженный астральным телом и “Я”. Водянистая паровая масса уплотняется. Астральное тело и “Я” дают повод к повсеместному вчленению в этой первоначальной водной земле первых зачатков человека. Здесь мы еще не можем проследить развитие животных и растений. То, что начинает образовываться здесь, — это уплотнение воды, благодаря чему возникают вода и воздух, так что мы находим уже не первоначальное смешение паров и воды, но разделение воды от воздуха, последствием чего является дальнейшее уплотнение физического и эфирного тел человека. И так как теперь воздух отделился от воды, то и это тело делается воздухообразным, принимая в себя элемент огня (рис. 2), так что бывшее прежде водообразным, становится воздухообразным. Физический эфирный человеческий зачаток состоит теперь из воздуха, который пронизывается огнем; астральное тело и “Я” их окружают и все это движется в том, что еще осталось от воды, попеременно погружаясь в воду и в воздух.

Рис. 2. Лемури́йская эпо́ха

Таким образом, то, что в настоящее время человек во время сна оставляет в постели, уплотнилось до степени воздуха, пронизанного огнем. Каждый такой огненный человек обладает астральным телом и “Я”, но последние еще вполне находятся в лоне Божества, т.е., не чувствуют себя обособленными “Я”. (Нужно глубоко продумать подобные вещи, ибо они столь отличаются от

современного земного состояния, что смущают человека и кажутся непонятными). Теперь вы спросите, что же это за огонь, который в эту эпоху как бы вкраплен в воздух? Этот огонь, которым обладал тогда человек, живет и теперь в нас. Это огонь, пульсирующий в вашей крови. Это теплота крови. Также и остатки древнего воздуха живут еще в вашем теперешнем организме. Когда вы вдыхаете и выдыхаете, вы вводите в ваше плотное тело воздух, который втекает и вытекает из него. Сделав глубокое вдыхание, вы вводите этот воздух в свою кровь; от этого он становится теплым. Теперь представьте себе этот воздух, пронизывающим все тело, попробуйте откинуть все жидкое и твердое и ясно представить остающийся образ человека, только что вдохнувшим этот воздух в себя до последних частиц своего тела. И вы получите образ, подобный человеку, но состоящий из воздуха. Воздух, пронизывающий человека, вполне принимает очертание его тела. И вы получаете как бы своего рода теневое тело, состоящее из воздуха, пронизанного теплотой. В те времена вы не имели своего настоящего образа, но вы были таким человеком; физическое и эфирное тело было окружено астральным телом, в котором находилось "Я". Так длилось до атлантической эпохи. Кто воображает, что в первые времена Атлантиды люди разгуливали так, как сегодня, тот заблуждается. Люди лишь спустились из воздушных областей в более плотные области материи. Из животных тогда существовали лишь те виды, которые не могли дожидаться воплощения в физическое, и которые потому остановились в своем развитии, потому что Земля еще не созрела, чтобы дать материал для человека. Животные остановились на низших ступенях формы, потому что не могли обождасть с нисхождением (в материю). Далее в своей физической телесности человек расчленяется на воздух, тепло и другие текучие части, т.е., в оккультном смысле он становится водным человеком. Вы, может быть, скажете, что человек и раньше был водным человеком. Но это неверно. Прежде Земля была водной сферой, в которой только духовно находились астральное тело и "Я", они плавали в воде как духовные существа. Теперь мы достигли точки, когда физическое тело человека вы бы нашли в воде в виде студенистой массы. Вы могли бы плыть в этом первоначальном море и в нем находить уплотнившиеся из воды прозрачные образы. Таковы были вначале эти люди, имевшие тело из воды, а их астральное тело и "Я" все еще покоились бы в божественно-духовных сущностях. Сознание этого, обладавшего водным телом, человека было совершенно иным, чем впоследствии: не было разделения на бессознательное состояние ночи и сознательное дня, но в то время, когда человек еще находился в божественно-духовных существах, он обладал ночью смутным, астральным сознанием. Когда днем он погружался в свое текучее физическое тело, то это была для него ночь, когда же он снова выходил из физического тела, то для него начинал опять ослепительный астральный свет. При погружении утром в физическое тело, этот свет тускнел и наступало своего рода бессознательное состояние. Но вот все более и более в его физическом теле развивались теперешние физические органы. Человек мало-помалу научается видеть. Дневное сознание становится все яснее, и этим он отделяется от божественного лона. Но лишь после уплотнения хрящей, к середине атлантической эпохи, человек уплотняется настолько, что становится плотью и костью и у него постепенно образуются кости. И параллельно с этим твердеет все больше поверхность Земли и человек спускается на Землю.

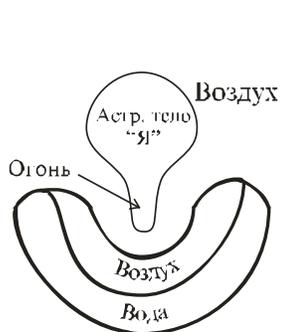

Рис. 3. Атлантическая эпоха

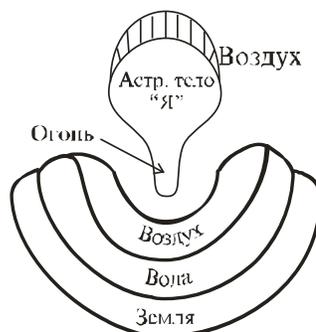

Рис. 4. Конец атлантической эпохи

От этого все больше исчезает сознание, которым он обладал в божественно-духовных мирах; он все больше и больше начинает наблюдать внешний мир, готовясь стать подлинным обитателем Земли. В последнюю треть атлантической эпохи люди уже довольно близко подходят к образу

современного человека. Так буквально, как видели, человек спускается из сфер, которые мы должны обозначать как пароводяные сферы, водяные сферы и т.д. Пока он был в водно-воздушных сферах, его сознание обладало способностью ясного астрального восприятия, ибо как только он выходил из физического тела, он был вверху, у Богов, но вследствие уплотнения физического тела, он, так сказать, отделился от божественной сущности. Образовывая свою физическую скорлупу, теряя свою водо-воздушность, человек медленно освобождается от связи с божественной субстанцией. По мере погружения в физическую материю, его астральное сознание все более затемняется. Короче, когда человек пребывал в лоне Богов, его физическое и эфирное тело были водо- и воздухообразными и постепенно он уплотнился параллельно с уплотнением Земли до теперешней телесности. Это — погружение в материю, пройдя через которое человек снова поднимается наверх. Познав здесь, что можно познать в плотной материи, он снова поднимается в область, где его физическое тело будет водным и воздухообразным. Человек должен осознать, что его истинное бытие, если он снова хочет осязать себя в своем сознании с Богами, будет протекать в областях, откуда он происходит. Человек уплотнился из воды и воздуха; он должен вновь превратиться («утончиться») в них. В настоящее время он может лишь духовно предварить это состояние, создавая себе внутреннее сознание того, чем он позже станет телесно. Когда человек достигнет этого сознания, он выполнит свою земную миссию. Что же это значит? Это значит, что человек родился не от плоти и земли, а от воды и воздуха. И впоследствии он должен действительно возродиться в духе от воздуха и воды. Евангельское слово «вода» и означало воду, но слово «пневма», которое теперь переводится как «дух», в то время означало «воздух». Оно имело это значение и, во избежание недоразумения, мы должны слово «пневма» переводить «воздух» или «пар». Так что фразу из беседы с Никодимом нужно читать: «истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и воздуха, не может войти в Царство Божие». Христос указывает здесь на будущее состояние человека, до которого человек разовьется, так что в этой беседе мы имеем глубочайшую тайну нашего развития. Нужно только правильно понимать слова и применять их на основании данных Теософии (в обычном языке еще сохранилось это в наименовании легко испаряющихся веществ). Первоначально слово «пневма» означало воздух. Вы видите, как важно понимать буквальный смысл Евангельских слов, из которого выявляется их удивительное духовное значение.

Теперь же обратим еще ненадолго наш духовный взор на другой факт эволюции. Возьмем тот момент, когда астральное тело и “Я” человека еще было погружено в лоне общей божественной астральности. Все дальнейшее развитие, если вы проследите его ход, совершалось так, что его можно изобразить схематически. Сначала ваша астральность была сложена в общую астральность и путем только что описанных процессов, как скорлупы, образовались физическое и эфирное тела, отделившие людей друг от друга, как отдельных сущностей. Рядом с этим шло обособление сознания человека. Так что, продвигаясь вперед, мы наблюдаем, как постепенно образуются отдельные человеческие индивидуальности, заключенные в скорлупу физического тела, выделяясь как отдельные части из общей астральности. За это становление самостоятельности человек должен заплатить затемнением своего астрального сознания, взамен чего через скорлупу своего физического тела он начинает видеть физический план, но древнее ясновидческое сознание все более и более утрачивается им. Итак, мы видим, как возникает то, что является внутренним человека, самостоятельным, индивидуальным внутренним человека, — то, что является носителем “Я”. Рассматривая ныне спящего человека, вы видите перед собой в его эфирном и физическом теле то, что образовалось из этих скорлуп в процессе уплотнения. То же, что выделилось еще раньше из общей астральности, возвращается каждую ночь назад, чтобы обновить свои силы в общей божественной субстанции. Но оно, естественно, соприкасается с нею не в той уже мере, как раньше, иначе человек был бы ясновидящим. Оно сохраняет свою самостоятельность. Эта самостоятельная индивидуальность возникла в ходе земного развития. Чему же обязана своим обособленным существованием эта часть человека, ищущая укрепления вне физического и эфирного тел? Она обязана этим эфирному и физическому телу человека, постепенно образовавшегося в ходе земного развития. Он породил то, что днем погружается в физический мир и созерцает его через внешние органы чувств, а ночью тонет в бессознательности. На языке оккультизма «земным человеком» называется именно то, что остается в постели. Это и есть «человек», а то, в чем день и ночь заключено “Я”, но то, что родилось из физического и эфирного тела, называлось «чадом человеческим» или

«Сыном человеческим». *«Сын человеческий» — это “Я” и астральное тело, рожденные из эфирного и физического тела в течение земного развития.* Таким образом, «Сын человеческий» есть техническое выражение. Для чего пришел на Землю Христос Иисус? Что путем Его Импульса должно было быть сообщено Земле? Тот «Сын человеческий», который выделился из лона божества, освободился от зависимости, в которой был раньше, но зато приобрел физическое сознание, должен был силою пришедшего на Землю Христа вернуться к духовному сознанию. В нем должно снова вспыхнуть сознание божественного бытия, благодаря возрастанию его духовной сущности. Ранее лишь отдельные избранные посвящением древних мистерий могли созерцать божественно-духовный мир. Для них в древние времена существовало другое техническое выражение. Тех, кто мог видеть в божественно-духовном мире и свидетельствовать о нем, называли «Змиями». *«Змии» были посвященными древних мистерий;* они были предшественниками дела Иисуса Христа. Моисей явил свое посланничество, подняв перед народом «Змия» — символ возвышения тех, кто обладал духовным зрением. Но сила Христа дала возможность каждому сыну человеческому достичь того, что раньше давалось лишь единицам. Это выражает Христос в своей дальнейшей беседе с Никодимом словами: «И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесено быть Сыну Человеческому». Христос берет здесь специальное выражение той эпохи. В древние времена могло быть только провозвестие учения Христа о «Я есмь». Только опираясь на внешний авторитет посвященных, народы могли что-либо узнать о «Я есмь», долженствующей развиться в каждом сыне человеческом. Но и об этом сообщается нам в достаточной мере. Мы видели, что означает «Я есмь» в Евангелии от Иоанна. Постепенно ли приносилось оно человечеству? Были ли о нем провозвестия? Действительно ли в Ветхом Завете пророчески указано на то, что впоследствии было дано как импульс человеку в явлении воплощенного «Я есмь»? Припомним, что все, что является в ходе времени, подготавливается постепенно. То, что дано, принесено Христом, должно было подобно ребенку в материнском лоне, медленно созревать в древних мистериях, в исповедовавших Ветхий Завет. То же, что подготавливалось в последователях Ветхого Завета в древнем иудейском народе, подготавливалось и созревало в древнем Египте, великие посвященные которого знали обо всем долженствующем произойти на Земле. Мы знаем, что египтяне были третьей подрасой после атлантической расы, в которой постепенно развивается импульс «Я есмь». Египет был как бы материнским лоном, внешней оболочкой для «Я есмь». Но он не достиг еще высоты, необходимой для того, чтобы родить из себя принцип Христа, и для этого из него был выделен еврейский народ. Рассказывается, как Моисей был избран из среды египтян как провозвестник Бога, являющего собой воплощение «Я есмь». Но он должен был возвестить это сначала тем, кто мог это понять. Он должен был возвестить, что слова «Я и Авраам — одно» заменяются словами: «Я и Отец — едино», т.е. «Я» и духовная первооснова мира есть непосредственно одно. Большинство последователей Ветхого Завета обращались к групповой душе народа, и отдельный человек чувствовал себя как бы погруженным в божественное в этой групповой душе. Но Моисей, как посвященный в древнем смысле предвозвестник о пришествии Христа, т.е., иными словами, что существует Божественный принцип, превышающий принцип крови, связующий поколения, Бог действует в крови со времен Авраама, но это есть лишь внешнее откровение духовного Отца, Отца крови. Моисей сказал Богу: «Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?» И сказал Бог: «Я буду с тобою и вот тебе знамение, что я послал тебя; когда ты выведешь народ мой из Египта, вы совершите сожжение Богу на этой горе». И сказал Моисей Богу: «Вот я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам, а они скажут мне: «как Ему имя?» Что сказать мне им? (Исх 3.10). Моисей должен пророчески возвестить о высшем Боге, о высшем принципе, обитающем в Боге Отца Авраама, как его высшее начало. Как его имя? Господь сказал Моисею: *«Я есмь — я есмь»* («Я есмь Сущий»). Здесь провозглашена глубочайшая истина слова, воплощенная впоследствии в Иисусе Христе. «И сказал Господь: так скажи сынам Израилевым: «Я есмь открыл мне это». Так дословно гласит текст. Другими словами это означает: «Имя», лежащее в основе кровного имени. Это «Я есмь», явленное нам воплощенным во Христе Евангелия от Иоанна. И сказал еще Бог Моисею: «Так скажи сынам Израилевым: Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова послал меня к вам». Все, что вы доньше видели лишь внешним образом, что текло в крови, есть в своем глубочайшем смысле «Я есмь». Так провозвещает о себе то, что входит в мир с Иисусом Христом. Мы слышим имя Логоса, слышим Его взывающим Моисею: «Я есмь, который я есмь». Здесь Логос возвещает свое Имя, здесь

возвещает Он, что может быть сперва означено разумом, интеллектом и что впоследствии явится как воплощенный Логос во Христе Иисусе. Теперь взглянем на внешнее знамение, которым Логос сходит на израильтян, поскольку они могут его охватить рассудком. Это внешнее знамение есть «манна» пустыни, то же самое слово (и это знают знающие тайноведение), что и «Манас», «Само-дух». Так получает человечество, постепенно достигшее самосознания, первые зачатки «Самодуха». Но то, что живет и приходит в самом Манасе, можно обозначить и иначе. Это не только то, о чем можно знать, но это сила, которую саму можно *воспринять*. Когда Логос только называет свое имя, тогда его можно понять, охватить рассудком. Когда же Логос становится плотью и является в человечестве, то Он импульс силы, низведенной к людям, который живет не только как учение или понятие, но содержится в мире как импульс силы, к которому человек может стать причастным. Тогда Он называет себя не «Манной», а «*хлебом жизни*», что является техническим выражением для *Будхи* или Духа-Жизни.

В Духе претворенная вода, данная как символ Самаритянке, и хлеб жизни — суть первое возвещение излияния Будхи или Духа Жизни в человеке. К рассмотрению этого мы перейдем в следующий раз.

Седьмая Лекция

Гамбург, 25 мая 1903 г.

Средоточием всего Евангелия от Иоанна, в конце концов, является то событие в истории человечества, которое мы называем Мистерией Голгофы. Понять эзотерическое значение этого события — значит в то же время раскрыть глубокий смысл этого Евангелия. Центральным моментом всей мистерии Голгофы, если рассматривать ее в оккультном смысле, был тот момент распятия, когда кровь спасителя заструилась из ран. И здесь надо припомнить, о чем мы уже часто говорили в течение этих лекций, что для знакомого с духовными мирами, все материальное и вещественное есть лишь внешнее выражение откровения духа. Представим себе внешнее событие — Иисуса Христа на Кресте и кровь, текущую из его ран. Что выражает собою этот образ? Какова его духовная сущность для того, кто может правильно понять Евангелие от Иоанна? Это физическое событие Голгофы есть откровение для духовного события, которое стоит в центре всего развития Земли. Современный материалист не может понять этого места. Он не может помыслить, что на Голгофе случилось нечто, совершенно отличное от обычного распятия человека. Но есть огромная разница между всеми земными событиями, лежащими до события на Голгофе, и последующими. Если мы хотим запечатлеть это во всех подробностях в нашей душе, то мы должны сказать: «Не только отдельный человек или какое-либо другое отдельное существо имеют физическое, эфирное и астральное тело, как мы это уже описывали при различных обстоятельствах, в предыдущих лекциях, но и всякое мировое тело не есть лишь только физическая материя, как это представляется астрономам и прочим физикам; всякое мировое тело имеет *свои* эфирное и астральное тела. Ими обладает также и наша Земля. Не имея эфирного тела, она бы не могла бы производить растений, а не имея астрального тела — животных. При этом центр эфирного тела Земли совпадает с центром физическим. Все физическое тело Земли включено в ее эфирное тело, а оба они, в свою очередь, включены в астральное тело. Если бы кто-нибудь ясновидчески наблюдал в течение долгого времени за астральным телом Земли во время ее развития, то он увидел бы, что это астральное тело и это эфирное тело в действительности не оставались одними и теми же, но что они изменились. Чтобы нагляднее представить себе это — перенесемся в духе от Земли на какую-нибудь другую звезду, вообразим, что некий ясновидящий с другой звезды глядит на нашу Землю. Тогда, помимо несущегося в мировых пространствах физического тела, такой ясновидящий различил бы окружающую его световую ауру (ибо он воспринял бы и ее астральное и эфирное тела). Если бы этот ясновидящий оставался там так долго, что мог бы наблюдать дохристианские времена Земли и наступление события Голгофы, то он увидел бы, что аура Земли в известный момент изменила свои краски. Что же это за момент? Это именно тот момент, когда на Голгофе из ран Христа Иисуса вытекает кровь. Все духовные отношения Земли в

этот момент изменяются до основания. Мы сказали, что то, что мы называем Логосом, есть совокупность шести Элохимов, соединившихся с Солнцем и посылающих свои духовные дары на Землю, падающие на Землю внешне, как солнечный свет. Таким образом, солнечный свет являет собой внешнее, физическое тело духа и души Элохимов, или Логоса. В момент свершения Голгофы сила, струившаяся на Землю в солнечном свете, соединилась с Землей. Т.е. Земля соединилась с Логосом, и аура ее изменилась.

Теперь рассмотрим событие Голгофы еще с другой точки зрения. Мы уже с различных точек зрения рассмотрели становление человека и Земли. Мы знаем, что наша Земля, прежде чем стать Землей, прошла через три воплощения: Сатурна, Солнца и Луны. Когда такая планета достигает цели своего развития, то это подобно достижению в своей инкарнации жизненной цели. Планета переходит в другое невидимое состояние (пралайю) и затем воплощается снова. Такое промежуточное состояние было и у нашей Земли, между тем, когда она была старой Луной, и ее теперешним воплощением. Из духовного, живого в себе, хотя внешне невидимого, бытия воссияла Земля в своем первичном состоянии, из которого затем возникли другие, описанные нами вчера. В те древние эпохи Земля была еще связана со всем, что составляет нашу солнечную систему. Она была еще столь велика, что, простираясь, достигала до отдаленнейших планет нашей солнечной системы. Все было одним целым, и отдельные планеты отделились лишь позднее. До известного времени Земля была связана с нашим теперешним Солнцем и нашей теперешней Луной. Было время, когда Солнце, Луна и Земля составляли одно тело, как если бы взяли теперешнюю Луну и теперешнее Солнце и, смешав их с Землей, сделали бы из них большое мировое тело. Такой была некогда наша Земля, такой была она, когда ее астральное тело и “Я” реяли в водно-туманообразном образовании и ранее того, Солнце, Луна и Земля были соединены. В то время силы, находящиеся ныне в Солнце, — духовные и физические силы, — были связаны с Землей. Затем наступило время, когда Солнце выделилось из Земли; но не только физическое Солнце с его физическим светом, но это физическое Солнце с его физическим светом, видимое человеческим глазом, выделилось со своими духовно-душевными существами, во главе которых стоят Элохимы, собственно — духи света, обитатели Солнца; а *позади* осталось то, что получилось бы от смешения теперешней Луны с Землей. Ибо, в течение некоторого времени Земля была отделена от Солнца, но соединена с Луной. Лишь в Лемурийскую эпоху выделилась Луна из Земли, и установились те взаимоотношения между тремя телами — Земли, Солнца и Луны, каковы они теперь. Так должны были они возникнуть. Прежде Элохимы должны были действовать извне, один из Элохимов должен был стать владыкой Луны и оттуда отражать могучую силу других Элохимов. Мы сейчас живем на Земле, представляющей собой как бы остров в мировом пространстве, выделенный из Солнца и Луны. Но придет время, когда наша Земля вновь соединится с Солнцем, образуя с ним одно тело. Тогда люди уже достигнут такой духовной высоты, что смогут принять в себя солнечные силы, и, соединившись с ними, выносить их. Будет одна обитель для людей и Элохимов. Какая же сила обусловит это? Если бы не произошло события Голгофы, то никогда не было бы возможным соединение Земли с Солнцем. Через событие Голгофы, когда сила Элохимов в Солнце или сила Логоса соединилась с Землей, был дан импульс, который снова влечет силу Логоса к силе Логоса и, наконец, снова соединит обоих — Солнце и Землю. Со времени Голгофы Земля, наблюдаемая духовно, несет в себе силу, которая ее снова соединит с Солнцем. Поэтому мы говорим: в духовное бытие Земли было воспринято то, что ранее притекало к ней извне: сила Логоса — через событие Голгофы. Что ранее жило в Земле? Сила, излучающаяся на Землю с Солнца. Что живет в Земле с тех пор? Сам Логос, который через Голгофу стал Духом Земли. Как в вашем теле живет душа и дух, так в теле Земли, состоящем из камней, растений и животных, и по которому вы бродите, живет душа и дух Земли. И эти душа и дух, этот Дух Земли, это — Христос. *Христос есть Дух Земли.* Следовательно, когда Христос говорит с теми, кто является Его ближайшими учениками, и говорит по поводу самых близких отношений, существующих между Ним и Его учениками, — что может Он сказать, какую тайну Он может им доверить? Он может сказать: «Это подобно тому, когда вы от вашего тела смотрите в свою душу. Там, внутри, — ваша душа. И так же, когда вы смотрите на всю земную поверхность, что теперь преходяще во плоти находится здесь, перед вами, это тот же дух, который не только преходящ в этой плоти, но который есть Дух всей Земли — и все более будет становиться им». Он мог указать на Землю как на свое истинное тело. «Когда вы берете колосья и едите хлеб, питающий вас, то что вы на самом деле едите в этом хлебе? Плоть мою едите вы? И когда

вы пьете сок растений, то это все равно, что кровь в вашем теле, это кровь Земли, кровь Моя». Так дословно говорил Христос своим ближайшим ученикам, и мы должны принимать эти слова действительно буквально. Когда Он призывает их и символически излагает им, как мы бы это назвали, христианское посвящение, Он произносит замечательные слова, возвещая, что один из них предаст Его. В 18 ст. 13 гл. Он говорит: «Ядущий со мною хлеб поднял на меня пядю свою». Эти слова нужно взять буквально. Человек ест хлеб Земли и ходит ногами по этой земле. Если Земля является плотью Духа Земли, т.е. Христа, то человек, ходя по ней, попирает тело Того, чей хлеб он ест. Когда мы знаем о Христе, что Он Дух Земли, и о хлебе, взятом от тела Земли — идея Тайной Вечери приобретает для нас неизмеримую глубину и значение в смысле Евангелия от Иоанна. Христос, указывая на это, говорит: «*Сие есть тело Мое*». Как мускулы человеческого тела принадлежат к телу человеческой души, так хлеб принадлежит к телу Земли, т.е., к телу Христа. И соки, текущие в растениях, пульсирующие в виноградной лозе, подобны крови, пульсирующей в человеческом теле. Христос может указать на это, говоря: «*Сие есть кровь Моя*». Только тот, кто не понимает или не хочет понимать, может подумать, что благодаря этому правдивому объяснению Тайная Вечеря потеряет нечто от святости с нею связанной. Но кто хочет понять, тот скажет: ничего не теряется из святости, но вся планета Земля освящается таким толкованием. И какие могучие чувства могут пройти тогда через нашу душу, когда мы можем понять в Тайной Вечере великую Мистерию Земли, связь Голгофы со всей земной эволюцией, когда мы почувствуем в Тайной Вечери не только человеческое, но и космическое значение текущей из ран Спасителя крови, сообщающей Земле силу для всего дальнейшего развития. Понимая этот глубокий смысл Евангелия от Иоанна, всякий должен чувствовать, как он связан не только своим физическим телом с физическим телом Земли, но, являясь существом душевно-духовным, связан с душевно-духовным Существом Земли, которое есть сам Христос и как Христос проникает наше тело, как Дух Земли. Почувствовав это, мы можем сказать: что же, собственно, светило автору Евангелия от Иоанна в момент, когда он мог прозревать глубокую тайну, связанную с Христом Иисусом? Он видел тогда все силы, все импульсы, бывшие во Христе Иисусе, и как эти импульсы, если человечество их только воспримет, будут действовать среди людей. Чтобы ясно представить себе это, мы должны еще раз проследить пути эволюции, которыми идет человечество. Современный человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «Я». Развитие человека состоит в том, что, исходя из своего «Я», человек постепенно перерабатывает, очищает и укрепляет три остальные члены своего существа. «Я» призвано к тому, чтобы постепенно очистить астральное тело, поднять его на высшую ступень. Совершенно очищенное, проникнутое силой «Я» астральное тело превратится в Манас или «Самодух». Переработанное и укрепленное силой «Я» эфирное тело или жизненное тело станет Budhi или «Жизнедухом». Победенное же, преодоленное силой «Я» физическое тело превратится в Atma или «Духочеловека». Тогда ближайшая цель человека будет достигнута. Но это может быть достигнуто лишь в очень отдаленном будущем. Кроме того, превращение трех низших тел — физического, эфирного и астрального — в Atma, Budhi и Manas требует непременно вполне сознательной работы «Я» над ними. У большей же части современных людей этого еще нет. Современный человек, в сущности говоря, с полным сознанием только начинает понемногу вработывать Manas в астральное тело. Но бессознательно, с помощью высших существ, человек уже обработал свои низшие тела в течение земного развития. В древние времена он бессознательно работал над своим астральным телом и через это астральное тело проникалось «душою ощущающей». Бессознательно его «Я» работало и над эфирным телом и это бессознательно преобразованное эфирное тело является тем, что в системе моей книги «Теософия» обозначено, как «душа рассудочная». И, наконец, то, что «Я» бессознательно переработало в физическом теле, называется «душой сознательной». «Душа сознательная» возникла к концу атлантической эпохи, когда эфирное тело, выходявшее прежде в своей верхней части из физического тела, мало-помалу совсем вошло в него. Через этот процесс человек научился говорить себе «Я». Так человек со всеми частями своего существа постепенно перешел к послеплатонической эпохе. Задача нашей эпохи — постепенно внедрить Manas или «Самодух» в то, что ранее уже было воспринято бессознательно. Человек должен всеми своими силами, добытыми им вследствие обладания телом физическим, эфирным и астральным, душой ощущающей, душой рассудочной и душой сознательной — всеми силами, которые ему могут дать эти члены, он должен выработать свой Manas или «Самодух», а также хотя бы скудные зачатки Budhi (Жизнедух). Этим поставлена великая задача

нашей послеатлантической эпохи — работать над сознательным развитием этих высших членов человеческого существа — Manas или «Самодуха», Budhi или Жизнедуха и Atma или Духочеловека, хотя бы конечная цель и была достижима лишь в отдаленном будущем. Человек уже сейчас должен развивать сознательно эти высшие части своего существа. Почему же человек еще не развил эти высшие члены и в чем его отличие от человека будущего? Когда высший человек разовьется вполне, то все его астральное тело будет настолько очищено, что одновременно станет Manas или «Самодухом», тело эфирное будет так очищено, что в то же время станет Духом Жизни или Budhi, а физическое тело будет превращено настолько, что оно также истинно, как оно есть физическое тело — станет в то же время «Духочеловеком» или Atma. Для преодоления низшего из тел понадобится наибольшая сила, а потому преодоление и превращение физического тела будет наивысшей победой человека. Все, что есть сейчас в человеке, живет еще в виде зачатка, но некогда достигнет своего полного развития. И устремление к личности Христа, проникновение, укрепление себя Его импульсом, вызовет в человеке силу совершить такое превращение. Что же следует для человека от того, что он еще не совершил этого превращения? Духоведение весьма просто поясняет это. Благодаря тому, что астральное тело еще не очищено, возможны себялюбие и эгоизм; благодаря тому, что еще не укреплено эфирное тело, возможны ложь и заблуждение; а так как физическое тело еще не проникнуто силою «Я», то возможны болезнь и смерть. **Во вполне развитом Самодухе не будет эгоизма; во вполне развитом Духе Жизни не будет лжи и заблуждения и во вполне развитом Духочеловеке, т.е., вполне развитом физическом теле, не будет ни болезни, ни смерти, а лишь целение и здоровье.** Итак, что же значит выражение: «Человек принимает в себя импульс Христа»? Это значит, что он учится понимать заключающуюся во Христе силу и принимает в себя силы, которые приведут его к господству даже над своим физическим телом. Представьте себе, что какой-нибудь человек мог бы всецело принять в себя Импульс Христа, что Импульс Христа мог бы всецело перейти на какого-нибудь человека, что сейчас Христос непосредственно предстоял бы человеку и Импульс Христа непосредственно бы переходил на этого человека. Что это значит? Если бы человек был слепым, то через непосредственное действие Импульса Христа он бы прозрел. Ибо конечная цель развития есть победа над болезнями и смертью. Говоря об исцелении слепорожденного, автор Евангелия от Иоанна говорит именно из глубины таких мистерий. Он являет пример того, что сила Христа в ее полной мере есть сила, несущая здоровье. Где же скрыта эта сила? В теле Христа, в Земле! Эта Земля должна только воистину проникнуться духом Христа или Логосом. Посмотрим, так ли повествует об этом автор Евангелия от Иоанна? Вот слепой, Христос берет землю, смешивает ее со слюной и прикладывает к глазам слепого. Тело, пронизанное Своим духом, прикладывает Он к слепому. Своим рассказом автор Евангелия от Иоанна указывает на некую хорошо ему известную мистирию. Теперь нам предстоит оставить всякие предубеждения, более подробно рассмотреть это одно из величайших знамений Христа, чтобы понять точно природу таких вещей, не заботясь о том, что многие из наших образованных современников сочтут сказанное нами нелепостью или безумием. Мы должны заявить раз навсегда о существовании мировых тайн, донныне еще не известных человеку. Люди настоящего времени, как бы они не были развиты, не имеют достаточной силы, чтобы самим совершать эти великие мистерии. О них можно знать, духовно переживать их и провидеть, но реализовать их физическим образом еще не может современный человек, слишком глубоко опустившийся в материю. По существу, всякая жизнь состоит из противоположностей. Жизнь и смерть суть такие противоположности. Для впечатления и ощущения оккультиста получается нечто весьма своеобразное, если он одновременно рассматривает труп и живого человека. Мы знаем, что в живом бодрствующем человеке обитает душа и дух. Но вы не имеете в нем сознательной связи с духовным миром, они не видят духовного мира. Имея же перед собой труп, мы ощущаем, что дух и душа, некогда принадлежавшие этому трупу, уже на пути к переходу в духовные миры, где для них вспыхивает свет духовного мира. И труп становится символом для происходящего в духовных мирах. Но и в физической материи имеются удивительные отражения духовных процессов. Для человека, вновь спускающегося к рождению, должна быть выстроена его телесность. Материя должна образовать плоть. Она для этого, так сказать, со всех сторон устремляется к центру и для ясновидящего это устремление материи является одновременно умиранием сознательности в духовном мире. Там сознание умирает, здесь оно оживает. Сосредоточивание материи для физического человеческого тела является в известной степени умиранием духовного сознания. Поистине, в

разложении или горении физического тела, когда разъединяются, растворяются его частицы, в духовном мире одновременно совершается противоположный процесс. Так возникает духовная сознательность. *Физическое растворение есть духовное рождение*. Поэтому во всех процессах распада и растворения оккультист видит еще нечто иное. Кладбище, где разлагаются физические тела, являет собою для духовного взора удивительное явление. Непрестанное вспыхивание духовных рождений. Представим себе, что некто вступил в особую школу (конечно, этого нельзя никому советовать, ибо современное физическое тело не вынесло бы этого), представим себе, что он стал бы тренировать свое тело таким образом, что в течение известного предписанного ему срока он вдыхал бы в себя воздух разложения, с сознанием, что принимает в себя только что описанный нами духовный процесс. Совершая это соответствующим образом, такой человек в следующем своем воплощении (в одном воплощении это совершенно невозможно) мог бы обладать оживляющей и оздоравливающей силой. И вдыхание трупного запаха является средством сообщить мало-помалу своей слюне такую силу, что, будучи соединена с обычной землей, она даст то целительное вещество, которым Христос помазал глаза слепорожденному. Именно на эту мистерию уничтожения смерти путем ее поглощения или вдыхания, дающую силу исцеления, и указывает автор Евангелия от Иоанна, говоря о чуде со слепорожденным, и вместо того, чтобы произвольно толковать эти вещи, нужно выучиться буквальному их пониманию. Нужно с благоговением относиться к таким личностям, как автор Евангелия от Иоанна, говоря себе: «Воистину существовало лицо, посвященное в эти мистерии, и мы должны попытаться понять их». Я должен был еще раньше подчеркнуть тот факт, что мы находимся здесь в теософическом ложе, где не может быть места для предубеждений, легко возникающих при описании такой истинной мистерии, как то, что соединение с землей дает целебное средство, и что подобное событие имеет буквальное значение. Это приводит нас к главному, что занимает нас сегодня, что Христос есть дух Земли, а Земля — это Его тело. В вышеизложенном примере мы видели Христа, одухотворяющим Землю, дающим ей частицу себя для совершения знамения.

Теперь возьмем нечто иное; в дополнение ко всему сказанному сегодня заметим, что Христос говорит: «Моей глубочайшей сущностью является «Я есмь», и истинная и вечная сила «Я есмь» или «Я», способная пронизывать другие тела, должна влиться в людей». Она находится в Духе Земли. Отнесемся с самым серьезным вниманием к факту, что Христос, желая передать каждому человеку истинное обладание «Я», хочет пробудить в каждом человеке Бога, постепенно создать из каждого человека владыку и царя. И мы видим тогда, что Христос, в полном смысле этого слова, выявляет идею и закон Кармы. Ибо, поняв вполне идею Кармы, мы поймем ее в ее христианском смысле. Что предполагает, прежде всего, идея Кармы? То, что *ни один человек не смеет стать судьей над внутренним другого человека*. Кто не постиг этого смысла, идеи Кармы, тот не охватил всей ее глубины. Пока человек судит другого, он ставит его под гнет своего «Я» или «Я» кого-либо другого. Но кто в истинно христианском смысле верит в «Я есмь», тот не судит, ибо он говорит: «Я знаю, что есть Карма — великий уравниватель, и что бы ты ни сделал, я не сужу тебя». Представим себе, что к человеку, правильно понимающему слово Христа, приведут грешника. Как отнесся бы он к этому грешнику? Представим себе, что все остальные, мнящие себя христианами, обвиняли бы этого грешника в тяжелом преступлении. Тогда настоящий христианин сказал бы им: «Что бы вы ни говорили, совершил он свое преступление или нет, должно уважать его «Я есмь» и предоставить его Карме — великому закону, который есть закон самого духа Христова. Это должно быть предоставлено самому Христу. Карма исполняется в течение земного развития, и этому развитию мы можем предоставить то наказание, которое Карма наложит на человека». Можно обратиться к Земле и сказать обвинителям: «Заботьтесь сами о себе! Сама Земля покарает грешника. Запишем же в Землю то, что и без того, как Карма записана на ней». «Иисус же пошел на гору Елеонскую, а утром опять пришел в храм и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и поставили ее посреди и сказали Ему: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?» Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали

уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись, и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» (Он говорил это, дабы отстранить всякий суд извне и указать на скрытую внутри Карму). Она отвечала: «Никто, Господи!» (Она предоставляется своей собственной Карме, здесь только одно: она не должна думать о наказании, которое исполнится в Карме, но она должна исправиться). Иисус сказал ей: «И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши». Так видим мы, как тесно связывается идея Кармы с глубочайшей идеей Христа, со значением Его существа для Земли. Он говорит: «Если вы уразумели мою сущность, то уразумели и Того, выражением чьей сущности являюсь Я, а также и то, что само «Я есмь» уравнивает все происходящее». **Самостоятельность и внутренняя замкнутость — вот Импульс, данный людям Христом.** Сейчас люди еще не дошли до понимания истинного внутреннего христианства. Но когда люди научатся понимать то, что заключено в таком произведении, как Евангелие от Иоанна, они постепенно воспримут заложенные в нем импульсы. И тогда в далеком будущем осуществится идеал христианства.

Итак, мы видим, как в послееатлантическую эпоху к Земле приходит первый импульс для развития высшего человека. Завтра мы будем говорить о развитии человека в связи с принципом Христа именно в эту послееатлантическую эпоху, для того, чтобы, исходя из этого, показать, чем будет Христос в будущем.

Восьмая Лекция

Гамбург, 27 мая 1908 г.

Мы видели, что для лучшего понимания глубокого смысла Евангелия от Иоанна надо подходить к нему с различных сторон. Вчера мы коснулись одной из его глубочайших тайн. И теперь нам необходимо для полного ее разъяснения рассмотреть самую эту эпоху. Мы уже должны были упомянуть о многом, желая проследить развитие человека и участие в нем принципа Христа. Сегодня мы попробуем понять, почему именно Христос выступил как человек в определенный момент нашего развития. Для этого нам придется вспомнить слышанное уже отчасти в последних лекциях и рассмотреть развитие нашего человечества в послееатлантическую эпоху.

Неоднократно уже упоминалось о том, что наши предки в весьма отдаленные времена жили на Западе, в местности, занятой ныне Атлантическим океаном. Третьего дня мы указали, как выглядела снаружи телесность наших атлантических предков. Мы видели, что физическое тело, воспринимаемое ныне внешними органами чувств человека, лишь медленно и постепенно дошло до своей теперешней физической плотности. Мы сказали, что только в последний период Атлантической эпохи человек стал в известной мере походить на современного нам человека; но даже в последнюю треть Атлантиды человек существенно еще отличался от нас, хотя для внешнего восприятия это различие уже не было особенно большим. Мы лучше всего поймем, насколько подвинулся вперед человек, если сравним современного человека с каким-либо из существующих высших животных. Нам уже должно быть известно то существенное, что отличает человека от наивысшего современного животного. Животное состоит на физическом плане из тел: физического, эфирного и астрального. Эти три составные части дают нам существо животного именно в физическом мире. Вы не должны думать, что в физическом мире дается только физическое. Было бы большим заблуждением искать все эфирное или астральное в астральном мире. Конечно, внешними органами чувств мы можем видеть в физическом мире только физическое. Но это вовсе не потому, что только оно одно здесь и существует. Нет, животное имеет в физическом мире астральное и эфирное тела, видимые для ясновидящего. И лишь когда он хочет подойти к собственному «Я» животного, он не может оставаться в физическом мире, но должен подняться в мир астральный, где находится групповая душа или групповое «Я» животных. Различие человека от животного заключается прежде всего в том, что у человека (теперь) его «Я» также находится в мире физическом, т.е. человек в физическом мире состоит из физического тела, эфирного, астрального тела и «Я», хотя три высшие члена, начиная от эфирного тела, доступны

лишь ясновидческому сознанию. Для взора ясновидящего это различие человека и животного выражается в том, что, рассматривая, например, лошадь, он видит вне ее головы, в направлении ее вытянутой морды некий эфирный нарост, и он говорит себе: может образованная *эфирная голова лошади выступает из ее физической головы*; обе они не покрывают друг друга. У современного же человека ясновидящий находит, что по своей форме и величине эфирная голова приблизительно совпадает с физической. Особенно странно для взора ясновидящего является слон, обладающий необыкновенно большой эфирной головой, т.к. с ясновидческой точки зрения слон является удивительно странным, чудовищным животным. У современного человека физическая голова и эфирная голова покрываются одна другой, они по форме и величине приблизительно одинаковы. Но это было у человека не всегда, а произошло лишь в последнюю треть атлантического периода. У древнего Атланта его эфирная голова еще далеко выдается над физической, затем обе они все больше и больше срастались и в последнюю треть атлантического периода физическая и эфирная головы покрыли одна другую. ***В мозгу, близ глаз, есть точка, которая сейчас совпадает с определенной точкой эфирной головы. В древнее время эти точки были разъединены. Эфирная точка была вне мозга. Эти две важные точки совпали друг с другом, тогда человек впервые стал говорить себе "Я" и тогда в нем возникло то, что мы назвали «душой сознательной».*** Благодаря слиянию эфирной головы с физической, последняя значительно изменила свою форму. Ибо эта человеческая голова у Атланта выглядела еще совершенно иной, чем у современного человека. Чтобы понять современное развитие, мы должны рассмотреть физические условия древней Атлантиды. Если бы вы прошли через древнюю Атлантиду, — туда, на Запад, — то вы бы не пережили такого разделения дождя, тумана, воздуха и солнечного сияния, как теперь в наших современных областях суши. Северные ее области (на Запад от Скандинавии) были тогда окутаны туманами. Люди, обитавшие там, где ныне лежит Ирландия, и далее на запад от нее, никогда не видели такого распределения дождя и солнечного сияния, как теперь; и лишь с Атлантическим потопом настало время, когда массы тумана осели и очистили воздух. Вы могли бы исследовать всю древнюю Атлантиду и вы бы не нашли одного, хорошо вам всем теперь знакомого, удивительного природного явления, вы ***не могли бы найти радуги.*** Последняя возможна лишь при современном распределении дождя и солнечного сияния в атмосфере. В Атлантиде, до потопы, вы не найдете радуги. Лишь понемногу, после атлантического потопы, стала физически возможной радуга. Поняв это положение тайноведения, и вспомнив, что рассказывают различные сказания и мифы о великом потопы, и именно то, что христианское предание говорит нам о Ное, о том, как он впервые после потопы увидел радугу, мы поймем, как глубоко и дословно правдивы религиозные источники. Ибо действительно, лишь после атлантического потопы человек в первый раз увидел радугу. Каждый может пережить это сам, работая в оккультизме и учась понимать шаг за шагом, как буквально следует принимать религиозные источники, конечно, научившись сперва читать эти буквы. К концу Атлантической эпохи выяснилось, что в наиболее благоприятных внешних и внутренних условиях для жизни людей находились страны, лежавшие близ современной Ирландии и ныне покрытые водой. Здесь в то время условия были особенно благоприятны, и там, среди народов Атлантиды, возник народ, наиболее одаренный и способный к развитию свободного человеческого самосознания. Вождь этого народа, обыкновенно называемого в теософической литературе ***«прасемитами»***, был Великим Посвященным. Он отобрал из этого племени наиболее развитых особей и повел их на Восток, через Европу в Азию, в область нынешнего Тибета. Количественно это была небольшая, но весьма сильно подвинувшаяся в духовном развитии, группа атлантов. В последний период Атлантиды ее западные области все больше исчезают под водой, и все больше выступал современный материк Европы. В Азии вся Сибирь была еще покрыта водой и существовали только ее южные области, хотя и в ином виде, чем сейчас. Менее подвинувшиеся в своем развитии племена отчасти присоединились к ядру этого народа, шедшего с запада на восток; многие прошли дальше, чем он, другие — меньше. Большая часть европейского населения произошла от выселившихся из Атлантиды, осевших и населивших Европу племен. На своем пути эти переселенцы встречали племена, ушедшие уже раньше, частью вышедшие из Атлантиды, а частью из еще более древней Лемурии. Таким образом, в Европе и Азии собрались племена различного развития и разных духовных способностей. ***Маленькая группа, ведомая великой духовной индивидуальностью, осела в Азии, чтобы продолжать развивать наибольшую, возможную в***

ту эпоху, *духовность*. Из этого культурного центра разошлись различные течения по разным странам и народам Земли.

Первое духовное течение опустилось в Индию и при помощи духовного воздействия этой великой индивидуальности основало там так называемую *древнюю праиндийскую* культуру. Под нею мы разумеем не ту индийскую культуру, остатки которой дошли до нас в чудесных книгах Вед, не то, что позднее, в устной традиции, передавалось потомкам, но предшествующую этому великую культуру святых древних Риши, этих великих учителей, которые в давно минувшие времена дали человечеству первую послеатлантическую культуру. Перенесемся в душу этого первого послеатлантического культурного течения. Она была первой собственно религиозной культурой человечества. Предшествовавшие ей атлантические культуры еще не носили этого характера. «Религия», по существу, является собственностью послеатлантического времени. Почему? Как, собственно, жили атланты? Благодаря тому, что эфирная голова все еще выступала из физической, дневное смутное ясновидение еще не было вполне утрачено. Покидая ночью свое физическое тело, человек еще в самом широком смысле мог видеть в духовных мирах, в то время как днем, погружаясь в свое физическое тело в этом физическом мире, он видел физические предметы, — ночью он еще видел, до известной степени, просторы духовного мира. Перенесемся в середину атлантического развития или в первую ее треть. Каким тогда был человек? Он просыпался утром; его астральное тело входило в его физическое и эфирное тело, предметы внешнего мира не получили еще тех ясных определенных очертаний, как теперь. Вид уличного фонаря, мерцающего в вечернем тумане и окруженного как бы световой аурой с неясными радужными краями и переливами лучей, даст вам картину той атлантической эпохи. Но зато не было такого резкого разделения между ясным дневным сознанием и ночной бессознательностью, явившегося лишь уже в послеатлантические времена. Хотя по ночам астральное тело и выходило из тела физического и эфирного, но так как это эфирное тело частично оставалось еще связанным с астральным телом, то постоянно сохранялись отблески духовного мира. Человек постоянно сохранял смутное ясновидение, он мог жить в духовном мире и видел вокруг себя духовных существ и духовные события. Кабинетные ученые говорят об образах германских мифов и сказаниях о Богах таким образом: «Народные поэты, вдохновляемые фантазией народа, некогда создали все эти образы. Вотан, Тор и все Боги суть олицетворения сил природы». Существуют целые мифологические теории, где говорится о творческой народной фантазии. Слушая их, невольно приходишь к мысли, что такой ученый, подобно Гомункулусу в Гетевском «Фаусте», родился в реторте и никогда не видел живого человека. Ибо, *кто действительно видел народ, у того на самом деле исчезнет возможность говорить так о творческой фантазии народа*. Но все эти рассуждения теоретиков, никогда не касавшихся действительной жизни. Эти сказания о Богах — это не что иное, как пережитки действительных событий, действительно ясновидчески виденных людьми в прежние эпохи. Вотан существовал в действительности. Ночью человек пребывал среди Богов и знал там Вотана и Тора столь же хорошо, как знает нынче себе подобных по плоти и крови. Все, что первобытные люди долгое время видели в своем смутном ясновидении, составляет содержание германских сказаний и мифов. Люди, которые перешли с запада на восток, в местности, названной позже Германией, почти все до известной степени — одни больше, другие меньше — сохранили известную способность видеть в духовных мирах. В то время как их великий посвященный перешел со своими учениками в Тибет, и оттуда направил первую культурную колонию в Индию, у народов повсюду в Европе остались посвященные, хранившие в мистериях тайны духовного мира. Все эти народы имели свои мистерии — мистерии друидов, троттов, о которых современное человечество не знает уже ничего, кроме малоизвестных фантастических выдумок. Для нас важно то, что, говоря о духовных мирах среди друидов или обитателей Запада России и Скандинавии, где были мистерии троттов, всегда встречали некоторое число людей, знакомых с духовными мирами. Говоря о Вотане или о том, что разыгралось, многие сами еще пережили в известных состояниях сознания, а не пережившие слышали об этом от своего соседа, которому они вполне доверяли. И по всей Европе сохранялась еще живая память о том, что происходило в Атлантиде. Итак, существовало то, что может быть названо естественным общением людей с духовным миром, с тем, что ныне называют небом. Человек постоянно общался с духовным миром и жил в нем. Другими словами, он не нуждался ни в какой «религии», чтобы верить в бытие духовного мира. Ибо слово «религия» значит «связь», связь

физического мира с духовным. Но никакой особой связи с духовными мирами в те времена не было нужно, ибо это был мир непосредственного опыта. Как вам не приходится верить в полевые цветы, в лесных зверей, потому что вы их видите, так и атлант верил в Богов и духов не исходя из религии, но потому, что он их переживал. Развиваясь, человек постепенно достиг ясного дневного сознания, получив его окончательно во времена после Атлантиды ценой утраты древнего ясновидения. В будущем оно вернется человеку снова и присоединится к его теперешнему ясному дневному сознанию. В сказаниях и мифах наших европейских предков давались образы воспоминаний о наших древних временах. В чем же заключалась сущность развития? *Как это ни кажется с первого раза странно, наибольшее развитие уведенных вождем на Восток в Тибет людей заключалось именно в утрате древнего смутного ясновидения.* В чем заключается переход из 4-ой расы в 5-ую? В приобретении дневного сознания, в утрате древнего ясновидения. И Великий Посвященный вождь этой маленькой группы людей увел их для того, чтобы они не оставались жить с оставшимися на ступени древнего атлантического народами. Из выведенного же народа доступ в высшие миры получали только те, которые проходили искусственную дисциплину оккультного обучения. Что же осталось у людей первых послеплатонических времен от древнего общения с Богами? ***У них осталась тоска по нему.*** Ибо врата в духовный мир как бы закрылись, и осталась тоска. Слушая различные сказания и предания, человек переживал нечто подобное: было некогда время, когда наши предки прозревали в духовный мир и жили среди духов и Богов, пребывая в глубочайшей духовной действительности. «О, если бы и мы могли попасть туда!» — так говорили они. Из этой тоски о потерянном развился древнеиндийский метод посвящения, основанный на том, что на время человек покидает достигнутое им ясное дневное сознание, чтобы вернуться к оставленному, более раннему, виду сознания. Это метод древнеиндийского посвящения — ***«йога»***, техника и прaxis которого стремится к искусственному восстановлению того, что утрачено человеком на пути естественного развития. Представьте же себе древнего Атланта, эфирная голова которого еще значительно выступала за пределы физической головы. *Когда его астральное тело выходило из физического, оно все еще оставалось отчасти в пределах эфирного.* И все, переживаемое астральным телом, отпечатывалось в эфирном, и таким образом эти переживания воспринимались сознанием. Когда же в последние времена Атлантиды эфирная голова совершенно вошла в физическую, то астральное тело по ночам начало совсем отделяться от эфирного тела. Тогда в древнем посвящении потребовалось искусственное выделение эфирного тела во время погружения человека в глубокий летаргический сон. В этом состоянии, подобно смертному сну, длившемуся 3,5 суток, во время которого эфирное тело было выделено, вырвано из физического тела, переживания астрального тела отпечатывались в эфирном и, когда затем эфирное тело вновь возвращалось в физическое, то человек помнил пережитое им в духовном мире. Таково было посвящение «йога», через посредство которого человек, так сказать, поднимался от мира, в котором находился, чтобы вновь перенестись в мир духовный. Последние отзвуки основанной на нем культуры дошли до нас в позднейшей культуре Индии. В ней человек сознавал, как реальность, только тот духовный мир, в который он входил, покидая чувственно-физический. Окружающий же его мир животных, растений и минералов он считал призраком, обманом. Для него истина была утрачена в стародавние времена, и он жил теперь в мире призраков, иллюзий, майи. Для древнеиндийской культуры физический мир стал миром Майи. Нужно почувствовать это настроение, как его ощущали в ту культурную эпоху, а не как простую теорию. Для древнего индуса, стремившегося к святой жизни, мир Майи был лишен всякой ценности. Для него этот физический мир — иллюзия, истинный мир встает перед ним, когда он покидает этот физический мир, когда посредством йоги он снова оживает в мире, в котором во времена Атлантиды еще жили его предки. Но смысл дальнейшего развития заключается в том, что человек постепенно приучается ценить — сообразно его достоинству и значению — физический мир, на который ему было указано в послеплатоническую эпоху.

Дальнейшим шагом, по сравнению с древней Индией, является уже вторая культурная эпоха, та доисторическая культура, которую по народам, жившим позднее в этих областях, мы называем ***древнеперсидской культурой.*** Опять-таки мы имеем здесь в виду не позднейшую персидскую культуру, но культуру доисторическую. Второй период уже существенно отличается по настроению, по своему содержанию от древнеиндийской эпохи. Выделение эфирного тела становилось все более

трудным, хотя все же возможным, и известным образом продолжало совершаться вплоть до Иисуса Христа. Майя индуса для перса превращается в поле его деятельности, хотя она и являлась для него все еще чем-то для него враждебным, но таким, что нужно преодолеть. Из этого отношения впоследствии возникает борьба Ормузда с Ариманом. В ней человек соединяется с добрыми Богами против злых сил, заключенных в материи. Отсюда возникло настроение того времени. Действительность еще не была дорога персу, но он уже не бежал от нее, как древний индус, он обрабатывал, смотря на нее, как на поле, на котором можно работать, в котором надо было что-то преодолеть. На этой второй культурной ступени был сделан первый шаг к завоеванию физического мира.

Затем наступила 3-я культура, в которой мы все больше приближаемся к временам историческим. В Тайноведении мы ее называем *халдео-вавилонно-ассирийско-египетской*. Все эти культуры были основаны путем колоний под предводительством великих вождей. Первая колония основала культуру древней Индии, вторая — то, что мы только что описали, как древнеперсидский культурный центр, третье же культурное течение проникло еще дальше на запад, заложив там основание вавилонно-халдео-ассиро-египетской культуры. Тем был сделан важный шаг в завоевании физического мира. Персу он представлялся еще беспорядочной массой, подлежащей, для того, чтобы действовать в ней, переработке с помощью добрых духов истинно духовной действительности. Теперь люди больше освоились, сблизилась с физическим миром. Взгляните на халдейскую астрономию, принадлежащую к замечательнейшим и величественнейшим произведениям человеческого духа в послееатлантическую эпоху. Мы видим, как там исследуются пути звезд, законы неба. Древний индус, глядя на небо, еще говорил: «Не стоит труда исследовать движение звезд и выражающиеся в них законы, каковы бы они ни были». Человек 3-ей культуры считал уже весьма важным постичь эти законы. Египет дает геометрию, исследует строение самой Земли. Майя изучалась, возникла внешняя наука. Человек изучает мысли Богов и чувствует необходимость согласовать свое творчество с письменами, начертанными в материю рукою Богов. Совершенно иначе понималось в египетско-халдейскую эпоху назначение и роль государства. Ибо индивидуальности, руководившие и направлявшие, знали законы движения небесных тел и знали, что все в мире должно соответствовать одно другому. Наблюдая небо, они предсказывали, что совершится на Земле. Еще в начале римской эпохи, 4-ой культурной эпохи, сохранилось это сознание, что происходящее на Земле должно соответствовать явлениям на небе, и, начиная новую эру, древние мистерии знали надолго вперед о грядущих событиях. Из мудрости мистерий знали, например, о грядущей римской империи: «Приближается время, когда много различных событий разыграется в области Альба Лонги». И для умевшего читать ясно, что здесь указывается на глубоко символический смысл, что культура Рима произойдет, так сказать, из греческой мудрости. Альба Лонги так называлась длинная одежда жрецов. В этих древних областях, таким образом, намечались последующие исторические события. Говорилось о 7-ми эпохах, которые должны следовать одна за другой; будущее было поделено на семь эпох и был дан общий план истории и я мог бы легко показать вам, как в семи римских царях, уже в начале римской эпохи вписанных в «книги сивилл», пророчески заключались анналы истории. Но люди тогда знали: мы должны изжить, что там написано, и при важных событиях справлялись в священных книгах, — отсюда почитание и оберегание от непосвященных Сивиллиных книг. Так человек 3-ей культуры влагал дух в материю, пронизывал духом внешний мир. Бесчисленные ростки истории кроются в становлении этого периода и наше время можно понять, только зная о тех важных соотношениях, которые господствуют между нашим временем и тогдашним. На одно соотношение этих двух эпох я теперь и намереваюсь указать, чтобы вы видели, какие удивительные соотношения вещей открываются для могущего глубже видеть в вещах. Вы знаете, что в наши дни эгоизм и утилитаризм достигли своего апогея. Еще никогда не было культуры столь чисто эгоистической, столь лишенной идеала, как ныне, и в будущем это все еще будет увеличиваться. Ибо ныне дух совершенно погрузился в материальную культуру. Невероятные духовные силы должно было истратить человечество на великие открытия и изобретения новейшего времени, особенно в XIX веке. Сколько духовных сил заключено в телеграфе, телефоне, железных дорогах и т.д. Сколько духовных сил материализовалось, кристаллизовалось в торговых отношениях земного шара! Сколько духовной силы потребовалось на то, чтобы выслать на мой счет некоторую сумму денег в Токио на основании написанного здесь клочка бумаги — чека! Спрашивается: разве эта духовная сила употреблена в целях духовного

прогресса? Тот, кто прямо смотрит на вещи, скажет: «Да! Вы сооружаете железные дороги, но перевозите на них лишь то, что нужно вам для вашего желудка; а если перевозите что-либо другое, то только то, что связано с удовлетворением ваших потребностей». Подумайте, не безразлично ли для духовной науки, размалывает ли человек свое зерно между двух камней или издалека доставляет его при помощи телеграфа и парохода и т.д.? Невероятные усилия идут на достижение узко личных целей. В чем же заключается смысл всего того, чего при этом достигает человек? Конечно, не в Теософии, т.е. в духовных истинах. В применении телеграфа и пароходов речь идет, прежде всего, о том количестве хлопка, которое желают перевезти из Америки в Европу, и т.д., таким образом, — о личных потребностях. Люди низошли до самой глубины в деле удовлетворения материальных личных потребностей. Но такое преобладание эгоистического утилитаризма должно было некогда наступить для того, чтобы в общем ходе своего развития человечество могло бы тем лучше подняться впоследствии. Но что должно было произойти, чтобы человек придал такое значение личности, почему ощущает он столь сильно свою отдельную личность? Что в прошлом могло подготовить такое состояние человека, в котором он столь сильно ощущает себя отъединенным от духовных миров, замкнутым в пределе между рождением и смертью? Главная причина этого лежит в стремлении третьей культурной эпохи сохранить форму физического тела человека и после его смерти, в виде *мумии*, набальзамированного трупа, не допустить разрушения формы. Это желание — во что бы то ни стало сохранить отдельную личность — так внедряется в человека, что нынче при перевоплощении оно обнаруживается в крайнем напряжении сознания своей личности. *Усиление последнего в настоящее время есть прямое последствие бальзамирования трупов в Египетскую эпоху.* Таким образом, в человеческом развитии все связывается одно с другим. *Египтяне бальзамируют тела своих умерших для того, чтобы люди пятой подрасы могли достичь наиболее сильного сознания своей личности.* Глубокие мистерии кроются в развитии человечества. Итак, вы видите, как люди все более и более опускаются в Майю и пронизывают материю своими достижениями. В четвертую культурную эпоху, *греко-латинскую*, человек впервые переносит во внешний мир свое собственное внутреннее существо. В Греции вы впервые видите, как во внешней форме, в материи, человек объективирует самого себя. Человек вкладывает свою собственную форму в образы греческих Богов. В трагедиях Эсхила мы находим еще этот отзвук стремления человека к оценке своей индивидуальности. Человек сам выступает на физический план и создает свое собственное отображение. В культуре римского государства человек творит свое отображение в государственных учреждениях. Только поверхностный дилетантизм может искать начало того, что называется юриспруденцией в более раннюю эпоху, чем Римская. Все, что было до того, по своему понятию есть нечто совершенно иное, чем римское право. Ибо до тех пор еще не существовало понятия человека как внешней личности, не было правового понятия человека. Государственной формой древней Греции была «полис» — малый город. И человек ощущал себя как бы органической частью этого маленького городка-государства. Современному человеку очень трудно представить себе это правосознание древнего грека. Римская культура настолько уже подвинулась в завоевании физического мира, что отдельная человеческая личность могла выступить в ней в качестве римского гражданина, правового субъекта. Так постепенно совершается развитие, и дальше мы сможем проследить все большее выступление личности и завоевание ею физического мира. Человек все глубже погружается в материю.

Наша *пятая* послеплатоническая культура непосредственно примыкает к греко-латинской. За ней последуют еще шестая и седьмая. Четвертая греко-латинская была, таким образом, срединной, и во время этой срединной послеплатонической культуры на земле появляется Иисус Христос. Явление это подготавливается уже в третью культурную эпоху послеплатонического времени. Ибо все в мире должно быть подготовлено в прошлом. В третью культурную эпоху подготавливается величайшее событие всей Земли, долженствовавшее осуществиться в четвертую послеплатоническую эпоху, когда люди уже настолько развили чувство собственной личности, что изображали себя во внешнем мире и своих Богов уподобили самим себе. В греческую эпоху человек в своем искусстве создает себе мир Богов по своему собственному подобию. Затем в государстве он создает повторение его. Человек в своем нисхождении дошел до постижения материи, до полного сочетания материи и духа. В этот момент он достиг всей полноты личного сознания. Вы поймете, что именно в это время человек мог понять Бога, явленного как личность, когда принадлежащий к Земле Дух развился до личности. И мы видим, как в середине послеплатонических культур Бог Сам появляется среди людей в образе человека. Мы

посмотрим, как в греческом искусстве человек творил отображение самого себя. И не кажется ли нам, когда от греческой культуры мы переходим к римской и смотрим на образы великого Рима, что эти изваяния греческих Богов сошли со своих пьедесталов и облеклись в свою тогу! ***Так шел человек от прежнего непосредственного сознания себя частью Божества до ощущения себя как отдельной, самостоятельной личности. Теперь он мог понять и само Божество, как личность, сошедшую на Землю и воплощенную во плоти — живущую среди людей.***

Все сказанное должно объяснить нам, почему Иисус Христос явился именно в этот момент человеческого развития. О дальнейшем развитии мистерии, о ее пророческом свете в прежние времена человечества и об ее пророческом действии для времен грядущих мы будем говорить в следующий раз.

Девятая Лекция

Гамбург, 29 мая 1908 г.

Вы видели из предыдущих лекций, как мы относимся к Евангелию от Иоанна, если станем на точку зрения духоведения или теософии. Вы видели, что здесь речь идет не о том, чтобы извлечь из этого памятника какие-либо истины о духовных мирах, а о том, чтобы показать, что возможно проникнуть в духовный мир независимо от всех человеческих или каких-либо иных памятников, — точно так же, как в наше время можно приняться за изучение математики, независимо от книги, в которой впервые в ходе человеческого развития сообщались сведения по тому или иному отделу математики. Что знают те, которые теперь начинают проходить в школах элементарную геометрию, о Евклидовой геометрии? Но изучившие геометрию саму по себе — сумеют тем более впоследствии оценить по достоинству эту первую книгу. Это все более убеждает нас в том, что из самой духовной жизни можно черпать истины, которые касаются этой жизни. И когда, познав их, мы снова обращаемся к историческим документам, то в них мы вновь находим то, что нам уже известно. Так приходим мы к правильной оценке этих документов по достоинству. Мы видели из предыдущих лекций, что Евангелие от Иоанна не теряет ничего в своей ценности для того, кто стоит на точке зрения науки о духе. Такой человек относится к этим документам с таким же уважением, как и те, кто с самого начала основывается на этом документе. Мы видели даже, что глубочайшие учения о христианстве, которые также можно назвать общими учениями мудрости, раскрываются нам вновь в Евангелии от Иоанна. И мы видели, что если мы постигнем этот глубокий смысл христианского учения, то лишь тогда мы поймем, почему Христос должен был появиться на Земле в совершенно определенное время — в начале нашего летоисчисления. Мы видели, как мало-помалу развивалось человечество в послепалеолитическую эпоху. Мы показали, как после атлантического потопа зародилась первая великая послепалеолитическая культурная эпоха — древнеиндийская. Далее мы указали, как на характерную черту этой древней индийской культуры, на то, что в то время душами людей владели тоска и воспоминание, которые мы охарактеризовали в предыдущих лекциях. Воспоминания заключались в том, что сохранились живые предания из предшествовавшего атлантическому потоку периода человеческого развития. В то время человек находился еще в состоянии смутного ясновидения, благодаря которому ему был открыт духовный мир. Поэтому духовный мир был ему известен через переживания, через опыт точно так же, как современному человеку знакомы четыре царства природы — минеральное, растительное, животное и человеческое. Мы видели, что до атлантического потопа еще не существовало такой резкой границы между дневным и ночным состоянием сознания. Внутренние переживания человека того периода во время его сна не бывали так бессознательны и неопределенны, как в наше время. Когда ночью от него уплывали образы дневной жизни, то ему открывались образы духовного мира, и он находился среди вещей духовного мира. А когда он утром снова входил в свое физическое тело, то переживание и истины божественно-духовного мира погружались как во мрак и вокруг него восставали образы современной действительности — нынешнего минерального, животного и растительного царства. Резкая граница между ночной бессознательностью и дневным сознанием появилась только после атлантического потопа, в нашу послепалеолитическую эпоху. Тогда человек

чувствовал себя как бы отрезанным в смысле непосредственного восприятия и перемещенным из духовной реальности в чисто физическую. У него осталось лишь воспоминание о том, что существует другой мир духовных сущностей и явлений, и к этому воспоминанию присоединилась тоска душ и стремление вернуться при помощи какого-нибудь исключительного состояния в эти миры, из которых спустился человек. Эти исключительные состояния были присущи только немногим избранным — посвященным, внутренние чувства которых раскрывались в центрах мистерий, так что они тогда начинали видеть духовный мир. И они могли возвещать и свидетельствовать перед теми, кто не был в состоянии видеть в духовных мирах, что эти миры суть реальности. Процесс, посредством которого можно было погрузиться в прежнее состояние смутного ясновидения, назывался в древнеиндийской культуре **Йога**. Те избранные, которых посвящали, становились, тем самым, руководителями человечества и свидетелями духовного мира.

Под влиянием этой тоски и воспоминания создалось в эпоху древней индийской (доведической) культуры то настроение, которое во внешней действительности видело иллюзию или Майю. Люди говорили: «Подлинная действительность — это духовный мир. В него мы можем вернуться только через исключительное состояние — через Йогу. Только этот мир духовных существ и явлений действителен. То, что человек видит своими физическими глазами, — нереально, это иллюзия, Майя». Это было первое, основное религиозное чувство послееатлантической эпохи, а Йога — первая форма посвящения этой эпохи. Тогда не было еще и зачатков понимания собственной задачи послееатлантического периода, ибо миссия человечества заключалась не в том, чтобы на действительность, называемую нами чувственным миром, взирать как на **«Майю»**, на иллюзию, бежать от нее и стать чуждым этому миру. У человечества послееатлантической эпохи была иная **миссия: все больше и больше покорять физический мир и стать господином над миром физических явлений**. Но вполне понятно, что человечество, впервые вступив на физический план, должно было воспринимать как иллюзию, как Майю то, что раньше едва лишь всплывало из духовной действительности, а теперь являлось единственным восприятием. Но это отношение к физической действительности, конечно, не могло оставаться, воззрение на физическую действительность как на иллюзию не могло оставаться жизненным нервом послееатлантической эпохи. И мы видели, как человечество послееатлантического периода, в течение различных культурных эпох, постепенно усваивает себе иное отношение к физической действительности. Во время той культуры, которую мы можем назвать древнеперсидской, ибо то, что известно в истории под именем персидской культуры, есть только последний отголосок того, о чем говорили мы здесь, — мы видели, как в эту вторую эпоху люди сделали первый шаг к тому, чтобы отрешиться от древнеиндийского взгляда и завоевать физическую действительность. Мы здесь еще не встречаемся ни с изучением этой действительности, ни со стремлением погрузиться в нее, ни с любовным к ней отношением. Но все-таки здесь уже сделан в этом направлении шаг вперед, по сравнению с древней индийской эпохой. Даже и то, что осталось до позднейшего времени от древнеиндийской культуры, приносит нам еще отголоски отношения к физическому миру, как к иллюзии. Поэтому-то наша современная культура никогда не могла родиться из индийской. В индийской культуре вся мудрость отворачивалась от физической действительности и направлялась в духовный мир, который остался как воспоминание. Изучение и обработка физической действительности казались ненужными. Поэтому **принцип индийской мудрости никогда не мог создать науки, применимой к нашим земным условиям**. Никогда бы он не мог дать той власти над законами природы, которая теперь составляет основу нашей культуры. Никогда бы не могло все это родиться из древней Индии, ибо «к чему изучать силы мира, если он лишь кажущийся?» Если в позднейший период этот взгляд изменился, то причины этого лежат не в индийской культуре, а во влиянии более позднего периода. **Древнеперсидской** культуре внешний физический мир, прежде всего, представлялся как бы пашней. На него смотрят как на проявление враждебного божества. Но уже зародилась надежда на то, что можно проникнуть это поле материальной действительности при помощи светлого божества и преобразовать его, пронизав его духовными силами и добрыми божествами. В такой форме ощущалась действительность физического мира современником персидской культуры. Правда, он представляется ему еще сферой темного божества, но он надеется, что сумеет внедрить в него силы светлых божеств.

Потом человечество вступает в культуру, нашедшую свое историческое выражение в **вавилонно-ассиро-халдео-египетской культуре**, и мы видели, как звездное небо стало для человека уже не

Майей, а чем-то, чьи письмена можно было читать. Пути и блеск звезд были Майей для индуса. Люди же третьей культурной эпохи видят в них выражение предначертаний и намерений божественно-духовных сущностей. Постепенно создается убеждение, что **внешняя действительность есть не обман, но откровение, проявление божественно-духовных сущностей**. И во времена египетской культуры начинают применять к размежеванию земли то, что удастся прочесть по небесным знакам. Почему египтяне стали первыми учителями геометрии? Потому, что они верили, что посредством той же мысли, которой им удалось размежевать землю, они смогут овладеть и материей, и что можно преобразовать материю, которую может постичь человеческий дух. Так, мало-помалу, позднейшее человечество пронизывало духом тот материальный мир, в котором оно видело прежде только Майю, тем духом, который все больше и больше раскрывался внутри человека. Мы видели, что лишь в конце атлантического периода люди были в состоянии почувствовать свое «Я» или «Я есмь». Ибо до тех пор, пока люди могли видеть образы из духовного мира, они ясно сознавали, что сами принадлежат этому миру, что они сами — образы среди образов. Тогда наступило постижение Духа внутри себя. Посмотрим теперь, в дополнение к тому, что мы сегодня повторили, как шло развитие внутреннего мира человека.

Пока в атлантическую эпоху человек смотрел на внешний мир в своего рода смутном состоянии ясновидения, до тех пор он, собственно, не обращал внимания на свой внутренний мир. В то время внутренний мир, охватываемый человеческими «Я» или «Я есмь» не был еще намечен в резких границах. Но, по мере того, как исчезал духовный мир, человек начал сознавать свою собственную духовность. В эпоху древней индийской культуры было странное ощущение в отношении к собственной духовности. Люди говорили себе: **«Если мы хотим вступить в духовный мир, подняться над миром иллюзий, то мы сами должны потеряться в этом мире, погасить по возможности свое «Я есмь» и раствориться во всеобъемлющем духе, в Брахмане»**. Древнее посвящение особенно обуславливало исчезновение личного начала. **Безличное растворение себя в духовном мире было характерной чертой древнейшей формы посвящения**. В третью культурную эпоху этого уже не было, так как ко времени 3-ей культурной эпохи человеческое самосознание развивалось все больше и больше. Все больше сознавал человек внутри себя свое «Я». По мере того, как развивалась любовь к окружающей материи, по мере того, как люди углублялись в законы природы, раскрываемые человеческим духом уже в состоянии смутного ясновидения, все больше развивалось сознание своего собственного «Я», пока в древнем Египте это сознание собственной личности не достигло известной высоты. Но в этом было еще нечто такое, что заставляло относиться к этому сознанию личности, как к чему-то низшему, как к чему-то связанному и долженствующему раствориться во внешнем мире и не имеющему возможности вновь соединиться с тем, откуда родился человек. Мы должны представить себе два основных настроения, господствовавших в развитии человечества, если хотим понять весь ход этого развития.

Мы должны припомнить, как люди атлантического и древнеиндийского периода стремились к уничтожению своей личности. Атланты могли этого достигнуть, ибо они каждую ночь отделялись от своей личности и переходили в духовный мир. Индусы могли этого достигнуть, ибо их посвящение вводило их через Йогу в безличный мир; покоиться во всеобщем божественном лоне — таково было тогдашнее желание. Слияние с изначальным (общим) сохранялось в последующей ветви человечества — в сознании принадлежности к предыдущим поколениям, в сознании своей принадлежности к одному общему роду в своей кровной связи через поколение с прародителями.

Таково было настроение, развившееся из прежнего, из сознания своей духовной слиянности с духовно-божественным началом. Таким образом, люди третьего культурного периода, шедшие путем нормального развития, начали ощущать себя отдельными (независимыми) личностями. Но в то же время они знали, что принадлежат к одному целому, к божественно-духовному, что через кровное родство они примыкают ко всей линии предков и что их Бог живет в крови, текущей в жилах этих поколений. Мы видели, как это настроение достигло известной степени совершенства в том народе, который явился представителем Ветхого Завета. «Я и отец Авраам — одно», т.е. каждый отдельный человек чувствовал свою слиянность со всей цепью предыдущих поколений до праотца Авраама. Таково было приблизительно господствующее настроение всех нормально развившихся народов третьего культурного периода. Но только исповедывающим Ветхий Завет было пророчески возвещено, что существует нечто более глубоко духовное, чем божественное кровное родство поколения. И мы

указали на тот великий момент эволюции человечества, в который это было пророчески возведено. Когда Моисей услышал слова: *«Когда ты будешь возвещать Мое Имя, скажи — тебе это сказал «Я есмь», — тогда в первый раз зазвучала весть и откровение Логоса-Христа.* Тогда в первый раз пророчески было возведено тем, которые могли понять это, что в Боге живет не только то, что есть в кровном родстве, но что в нем живет и чисто духовное начало. И как пророчество проходило это в Ветхом Завете.

Теперь мы подробнее остановимся на этом вопросе — кто же был Тот, Который тогда впервые возвестил Моисею свое Имя в пророчестве? Здесь мы снова наталкиваемся на одно место текста, которое совершенно поверхностно объясняется толкователями Евангелия от Иоанна, не желающими понять, что этот памятник требует самого основательного изучения. Кто был Тот, Кто пророчески возвестил свое Имя, кому следует дать имя «Я есмь»? Кто это был?

Мы узнаем это, если серьезно и глубоко займемся разбором одного места из Евангелия от Иоанна, а именно, начиная с 37-го стиха 12-ой главы. Там Иисус Христос указывает на осуществление одного изречения пророка Исайи: на предсказание с указанием того, что Иудеи не хотят верить в Иисуса Христа. Сам Христос указывает при этом на Исаию: «Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исайя, когда увидел славу Его и говорил с Ним».

Исайя говорил с Ним! На это мы находим ответ в том месте (Исайя 6,1), где говорится: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли храм весь». Кого видел Исайя? На это нам дан ясный ответ в Евангелии от Иоанна: «Он видал Христа». В духовном мире Он постоянно был виден и вам теперь не покажется непонятным, если тайноведение вам скажет, что Тот, кого видел Моисей, кто возвестил Моисею, что имя его «Я есмь», что это та же сущность, которая потом явилась на Землю во Христе. *«Дух Божий» древних времен — это, собственно, не кто иной, как Христос.* Мы здесь остановились на таком месте текста, которое будет трудно понять тому, кто не займется им серьезно. Это место необходимо себе вполне уяснить, потому что слова «Отец», «Сын», «Святой Дух» были впоследствии самым странным образом перемешаны. Всегда бывало так, что эти слова употреблялись в экзотерических выражениях самым многообразным образом именно для того, чтобы скрыть их действительный эзотерический смысл. Когда говорили об «Отце» в смысле иудейском, то, прежде всего, подразумевали того отца, который протекал в крови всех поколений, т.е. в материальном смысле. Когда же говорили так, как здесь Исайя говорил о Господе, который раскрывался духовно, то подразумевали Логоса, как мы это видели в Евангелии от Иоанна. И написавший Евангелие и хотел только сказать: «Тот, который был всегда видим в духовном мире, стал плотью и жил среди нас». Если мы, таким образом, уясним себе, что и в Ветхом Завете в известном отношении говорится о Христе, то поймем, какое место в нашем развитии следует отнести иудеям. Их важнейшие источники идут из египетского периода. Там иудейский народ отделяется от египетского. Затем мы видим, что нормальное развитие народов идет так, как мы это описали вчера. Первая культура послеплатонического периода — это древнеиндийская, вторая — древнеперсидская, третья — вавилоно-ассиро-халдео-египетская, затем следует четвертая — греко-латинская, а пятая — наша нынешняя культурная эпоха. Перед началом четвертой эпохи, подобно таинственной ветви, выходит тот народ со своими преданиями, который уступает место христианству. Когда мы теперь соединим все то, что узнали из этих лекций, то нам станет еще более ясно, что Христос должен был явиться на Землю именно в четвертую культурную эпоху.

Мы уже указали на то, что в 4-ю эпоху человек настолько развился, что сумел объективировать свою духовность, свое «Я» и внести их в мир. Мы видели, как постепенно человек пронизывает материю своим собственным духом, духом своего «Я». Мы видим произведения греческих скульпторов, драматургов, в которых человек воплощает свой духовный мир. Мы видим далее, как в Риме человек начинает сознавать то, что он есть, и запечатлевает это для внешнего мира, в праве. Для более глубокого знатока юриспруденции вполне ясно то, что, собственно, право, рассматривающее человека, как правового субъекта, могло родиться только в эту четвертую культурную эпоху. Тогда человек настолько сознавал свою собственную личность, что чувствовал себя *отдельным* гражданином. В Греции человек чувствовал себя еще только *членом* целого города-государства. Для него было важнее быть семьянином, чем отдельным человеком. Совершенно различен смысл в словах: «Я римлянин» и «Я афинянин». Когда говорится «Я римлянин», то этим указывается на то, что

отдельный человек имеет значение, имеет свою волю, как гражданин государства. Можно было бы доказать, что, например, понятие «*завещание*» могло возникнуть только в эту эпоху, ибо это есть чисто римское понятие. Лишь тогда человек сделал свою волю настолько личной, настолько индивидуализированной, что хотел действовать в своей воле и после смерти. Факты, сообщаемые наукой о духе, до мелочей соответствуют фактам действительности.

Так человек дошел до все большего внедрения своего духа в материю. Но впоследствии это развивается все больше и больше. В четвертую эпоху человек целиком воплощает в материю то, что он постигает своим духом. Вы видите, как в египетской пирамиде борются дух с материей, как постигнутое духом еще не вполне выявляется в материи. В греческом храме выражен весь поворотный момент послеплатонического периода. Для знатока не существует более значительной, более законченной архитектуры, чем греческая, которая есть чистейшее выражение внутренних законов пространства. Колонна задумана всецело как «опора», а то, что лежит на колонне, воспринимается как то, что должно опираться, должно давить. Здесь, в греческом храме, проведен главный принцип закона пространства, проведен во всей своей чистоте и последовательности. Впоследствии редко кому дано было в такой форме чувствовать этот принцип. Такие люди, правда, были, но они чувствовали его в живописи. Исследуйте пространство в Сикстинской часовне. Станьте у задней стены, на которой находится большая картина суда, и взгляните вверх. Вы увидите, что задняя стена косо поднимается кверху. Это потому, что художник чувствовал закон пространства и мыслил не так абстрактно, как другие люди. Поэтому-то эта стена образует такой (удивительный) угол. Здесь ощущение закона пространства не греческое, а живописное. Существует художественное чувство, воспринимающее скрытые в пространстве массы. Воспринимать архитектурно — значит воспринимать не глазом, а чем-то иным. В наше время люди легко думают: справа то же, что и слева, вверху то же, что и внизу, а спереди то же, что и сзади. Представим себе следующее; на некоторых картинах мы видим изображение трех, четырех или пяти носящихся в вышине ангелов. Иногда их пишут так, что можно подумать — вот-вот они упадут. Но если их напишет художник, развивший в себе подлинное ощущение пространства, то нам такая мысль не придет. Они не могут упасть, ибо взаимно поддерживают друг друга. Когда художник писал их, то он видел перед собой в красках динамические соотношения пространства. Грек видел их архитектурно. Он не только ощущал горизонтальную линию, как линию, но воспринимал ее и как силу тяжести. Он не только ощущал колонну как столб, но чувствовал ее опорную силу. Чувствовать же все это в линиях пространства — значит чувствовать живой дух, заключая его в геометрические линии. Это именно подразумевал Платон, когда говорил: «Бог непрерывно геометризует». *Эти линии существуют в пространстве, и по этим линиям грек строил свой храм.* Это совсем иное, чем наша нынешняя церковь, являющаяся местом для проповедей. В греческом храме *жил* сам Бог. Люди бывали там только случайно, когда они хотели быть у Бога. Кто понимает формы греческого храма, тот чувствует таинственную связь с обитающим в храме Богом. Тот видит в колоннах и во всем там находящемся не фантазию человека, а нечто такое, что сделал бы сам Бог, если бы он хотел создать для себя обитель. Это было самое высокое в смысле проникновения материи духом.

Сравните греческий храм с готической церковью. Мы отнюдь ничего не имеем против готики, ибо во многих отношениях она стоит на еще большей высоте. Вы видите, как то, что выражено в линиях готической церкви, не может быть ни мыслимо, ни прочувствовано без благоговейной толпы. В сводах готического храма заключено для того, кто это может воспринимать нечто такое, что нельзя почувствовать иначе, как сказав себе: «Если в этом храме не будет благоговейной толпы с руками, сложенными подобно этим сводам, то в нем не будет цельности». Готический храм есть не только обитель Бога, но в то же время и сборное место молящейся Богу толпы. Таким образом, человек делает еще шаг в своем развитии. Мы видим, как то, что люди в греческом чувстве пространства чувствовали так удивительно в линиях пространства, в колоннах (и архитраве), впоследствии приходит в упадок. Колонна, не поддерживающая тяжести и являющаяся лишь декоративным мотивом, перестает быть колонной для грека. Все это вполне соответствует эволюции человечества. Греческая культура была самым дивным слиянием раскрывшегося в себе сознания человечества и того, что вовне, в пространстве, было ощущаемо как божественное начало. В этот культурный период человек совершенно сросся с чувственным физическим миром. Совершенно бессмысленно, когда современные ученые хотят затемнить то, что чувствовали люди прежних времен. С точки зрения

науки о духе, четвертая эпоха послееатлантического периода является для нас такой эпохой, в которой человек находится в полной гармонии с окружающим его миром. Эта эпоха, в которую человек почувствовал себя как бы сросшимся с внешней действительностью, была больше всех других приспособлена к тому, чтобы понять, что божественное начало может быть выявлено в отдельном человеке. Люди более раннего периода могли бы все иное понять скорее, чем это. До этого они считали, что божественное начало слишком возвышено для того, чтобы проявиться в физическом человеческом образе. Люди хотели оградить божественное начало как раз от проявления в физическом образе: «Не сотвори себе кумира» — эти слова должны были быть сказаны именно тому народу, который хотел постигнуть идею Бога в его духовном образе. Из таких воззрений развился этот народ, и из его недр выросла *идея Христа — идея, заключающаяся в том, что духовное должно явиться во плоти. К этому был предназначен этот народ. И явление Христа должно было произойти именно здесь, в эту четвертую эпоху послееатлантического периода.*

Поэтому для христианского сознания все становление человечества распадается на до- и послехристианскую эпоху. *Богочеловек мог быть постигнут человеком только в определенную эпоху.* И таким образом мы видим, как Евангелие от Иоанна, в полном смысле этого слова, примыкает сознанием и направлением мысли к тому, что, выражаясь грубо, было современно, к тому, что непосредственно вытекает из сознания того времени. Поэтому вполне понятно, так сказать, из внутреннего родства проистекает то, что мыслиеобразы, посредством которых автор Евангелия от Иоанна хотел постичь величайшее событие мировой истории, явились ему выраженными лучше всего в греческих формах мысли. И мало-помалу все христианское восприятие вросло в эти формы мысли. Мы увидим, как вместе с дальнейшим развитием должна была зародиться готика, ибо христианство было, несомненно, призвано к тому, чтобы вновь поднять дух над материей.

Но христианство могло возникнуть только тогда, когда люди еще не дошли до чрезмерной оценки материи, не погрузились в нее еще так глубоко, как в наше время, — но могли проодухотворить и постичь ее.

Таким образом, мы видим, что появление христианства необходимо вытекает из всего духовного развития человечества. Если же мы хотим понять, какую форму должно было мало-помалу принять христианство, какую форму ему пророчески предсказывает такая индивидуальность, как автор Евангелия от Иоанна, то мы должны будем в следующей лекции остановиться на некоторых существенных и важных понятиях. Было уже указано на то, что текст писания необходимо понимать точно и буквально, но для этого надо действительно понимать букву. *Не безразлично, что нигде не встречается имя «Иоанн», а говорится об ученике, «которого любил Господь».* Мы видели, какая тайна за этим скрыта, и что это имеет глубокое значение. Теперь обратим внимание еще на одно выражение, посредством которого мы сумеем непосредственно связаться с последующими периодами развития христианства.

Обыкновенно не замечают, как в Евангелии от Иоанна говорится о «*Матери Христа*». Если спросить любого среднего христианина: «Кто мать Иисуса?», он ответит: «Мария». А некоторые даже будут того мнения, что в Евангелии от Иоанна написано, что мать Иисуса называется Марией. *Но нигде в Евангелии от Иоанна нет ни слова, что мать Иисуса зовется Марией.* Всюду, где об этом идет речь, там с совершенно определенной целью, значение которой мы узнаем впоследствии, написано только: «*Мать Иисуса*». В главе о браке в Кане Галилейской написано: «И Мать Иисуса была там», а далее говорится: «Мать его сказала слугам». Нигде не упоминается имени Мария. И в том месте, где Она снова появляется, где говорится о Спасителе, распятом на кресте, мы читаем в Евангелии от Иоанна:

«При кресте стояла Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова и Мария Магдалина». (19.25. Иоанн).

Итак, здесь ясно сказано, кто стоял у креста: Мать Его, затем ее сестра, жена Клеопа по имени Мария и Мария Магдалина. Если немного над этим призадуматься, то явится мысль: «Странно, что обеих сестер зовут Марией. Этого теперь не бывает». Но и в те времена этого не бывало. И так как автор Евангелия от Иоанна называет сестру Марией, то ясно, что имя Матери Иисуса не могло быть Мария. В греческом тексте ясно написано: «Внизу стояла Мать Иисуса, сестра Его Матери — жена Клеопа Мария и Мария Магдалина». Если мы захотим глубже понять эти слова, у нас возникнет вопрос: «Кто же мать Иисуса?» И здесь мы подходим к одному из величайших вопросов Евангелия от

Иоанна: *«Кто, собственно, Отец Иисуса? Кто Его Мать?»*

Кто Отец? Возможен ли вообще такой вопрос? Он возможен не только в смысле Евангелия от Иоанна, но и в смысле Евангелия от Луки, так как требуется исключительное отсутствие мысли, чтобы не заметить, как при благовещении было сказано: «Дух Святой найдет на Тебя и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим». Даже в Евангелии от Луки указывается на то, что *Отец Иисуса — Святой Дух*. Это надо понимать буквально, а теологи, которые этого не признают, не умеют читать Евангелия. Итак, мы должны поставить важный вопрос: как согласовать со всем тем, что мы слышали, слова: «Я и Отец — одно», «Я и Авраам — одно» и «Прежде, нежели Авраам был, — Я есмь»? Как согласовать со всем этим несомненный факт, что Евангелия видят в Святом Духе отцовское начало? Что мы должны думать о материнском начале, придерживаясь Евангелия от Иоанна? Чтобы завтра вы могли бы вполне подготовленными прийти к формулировке этого вопроса, укажем еще здесь на то, что в Евангелии от Луки дается в некотором роде родословная, что там говорится, что Иисус был крещен Иоанном, что Он начал учить на 30 году, и сказано, что Он был «Сын Иосифов, Илиев» и т.д. И затем следует перечисление всех поколений. Проследите их и вы увидите, что оно идет до Адама. Далее следует нечто замечательное — в конце стоят слова: «Сын Адамов, Божий». (3.38 Лука).

Точно так же, как указывается от Сына к Отцу, так в Евангелии от Луки указывается от Адама к Богу. К этому месту текста мы должны особенно серьезно относиться. Тогда и у нас будут собраны почти все вопросы, которые нас завтра введут в самую сущность Евангелия от Иоанна.

Десятая Лекция

Гамбург, 30 мая 1908 г.

Нас занимал общий закон развития человечества в послеплатоническую эпоху, и мы старались понять, почему основание христианства падает на совершенно определенный момент этого послеплатонического развития. В конце прошлой лекции мы упомянули о том, что понимание важнейших вопросов Евангелия от Иоанна и христианства вообще зависит от внимательного отношения к законам эволюции в их христианско-эзотерическом смысле. Лишь таким путем можно достичь полного понятия — «Святой Дух», «Отец», «Мать Иисуса». Прежде всего мы должны помнить то, что выяснилось нам из последних лекций, что послеплатоническое человечество, к которому мы принадлежим в собственном смысле этого слова, т.е. человечество, развивавшееся после атлантического потопа, что это человечество распадается на семь подразделений. Я намеренно избегаю понятия «подрасы», ибо понятие «раса» не вполне покрывает собой то, что под этим подразумевается. Дело идет о культурных периодах развития, а то, что современное человечество переживает, как расовый закон, является, собственно говоря, лишь отзвуком атлантического развития. Человеческое развитие, предшествовавшее великому атлантическому потопу и происходившее на континенте, который лежал между нынешней Европой и Америкой, в древней Атлантиде, это развитие человечества мы тоже делим на семь сменяющихся периодов. И для этих семи периодов вполне подходит термин «расового развития». Ибо семь ступеней атлантического человечества телесно были еще весьма различны друг от друга, причем, к внешней телесности относится также и внутренняя конфигурация мозга, крови и других соков. *Первые же люди послеплатонической эпохи, древние индусы, настолько сходны с нами, что здесь не может быть и речи о «расовом» различии.* Нужно всегда иметь в виду теософическую последовательность и потому, конечно, часто является необходимым применять старое понятие «расы». Но словом «раса» слишком легко пробуждаются неверные представления, ибо не нужно забывать, что наше время требует уже значительно более внутреннего признака деления человечества, чем то, которое связано с выражением «расы». К тому же, что сменит собою нашу седьмую культуру, это выражение «раса» больше уже совсем не применимо, ибо тогда изменяются все основные законы человеческого подразделения.

И вот, исходя из такого взгляда, мы должны принимать деление послеплатонического человечества на эпохи: 1) древнеиндийскую, 2) древнеперсидскую, 3) вавилоно-ассиро-халдео-египетскую, 4)

греческо-латинскую, 5) нашу эпоху, в которой мы живем; она, в свою очередь, будет сменена шестой и седьмой эпохой развития. Итак, мы находимся в пятой послееатлантической эпохе и говорим себе: христианство, в своем полном значении и глубине, пришло в четвертую эпоху развития человечества; оно действовало на человечество пятой эпохи, поскольку оно оказалось способным воспринимать его, и мы увидим, поскольку возможно, исходя из данных духовной науки, провидеть будущее, как оно будет развиваться в дальнейшем. Вчера мы упомянули, однако, что миссия христианства уже готовилась в третью эпоху. К этому времени относится культура египетская, из недр которой вышла еврейская культура Ветхого Завета, направлявшаяся таким образом, что из лоно этой 3-ей культурной эпохи родилось то христианство, которое в четвертой эпохе явилось в мир с Христом Иисусом. Следовательно, мы можем сказать так: послееатлантическое человечество пережило некий духовный импульс в третью культурную эпоху; этот импульс был перенесен в четвертую, сконцентрировался там во Христе Иисусе, затем действует дальше в нашу пятую культуру и перейдет в следующую, шестую эпоху, которая будет следовать за нашей. Теперь нам предстоит хорошенько понять, каким образом происходит это действие.

Вспомним, что в каждую эпоху человеческого развития развивается та или иная определенная основная часть человеческого существа. Вспомним, что совершалось в конце Атлантиды. Мы говорили о том, что эфирная часть головы погрузилась в тело физическое и что человек получил тогда впервые возможность сказать себе: «Я есмь». При наступлении атлантического потопа физическое тело человека было уже проникнуто силой «Я есмь», т.е. человек развился настолько, чтобы подготовить физическое орудие для «Я»-сознания или самосознания. Усвоим себе хорошенько, что если бы мы вернулись в середину атлантической эпохи, то ни один человек не был бы в состоянии (тогда) развить такое самосознание, чтобы из себя самого произнести «Я есмь Я» или «Я есмь». Это могло наступить лишь вследствие того, что та часть эфирной головы, о которой мы говорим, связалась с физической частью головы. Тогда перед гибелью Атлантиды от атлантического потопа человек выработал то первое, что было необходимо для того, чтобы стать носителем самосознания. Он выработал зачатки физического мозга и остальные телесные образования. Так, ко времени Атлантического потопа, физическое тело созрело для того, чтобы стать носителем «Я». И мы можем спросить себя, какова же была миссия Атлантиды? Миссия Атлантиды была в том, чтобы внедрить в человека его «Я», и миссия эта переходит через великий потоп в нашу эпоху. Но еще нечто новое должно совершиться в нашу послееатлантическую культурную эпоху: в человека должен постепенно войти Манас или «Самодух». И в послееатлантическую эпоху на человека начинается влияние Манас. И мы знаем, что пройдя различные воплощения в наши шестую и седьмую культуры, мы будем до известной степени осеяны Манасом или «Самодухом». Но человеку нужна долгая подготовка, чтобы стать подходящим орудием для Манаса. До того, хотя дело идет здесь о тысячелетиях, человек должен был стать носителем «Я» в точном смысле этого слова. Не только свое физическое тело должен был он подготовить для принятия «Я», но и другие части своего существа.

В первую культуру послееатлантической эпохи человек сделал сперва свое эфирное тело носителем «Я», подобно тому, как раньше он сделал носителем «Я» свое физическое тело. Это была культура древнеиндийская. Сущность ее именно в том, что человек приобретает способность не только к обладанию физическим орудием своего «Я», но и приспособленным к тому эфирным телом. Поэтому на нашей таблице (см. стр.136) первая эпоха — древнеиндийская культура — обозначена «эфирным телом». Если теперь мы хотим проследить дальнейшее развитие человека по культурным эпохам, то не следует поверхностно понимать под душой астральное тело, но надо идти глубже и взять основанием то расчленение человека, которое вы имеете в моей книге «Теософия». Из нее вам известно, что мы делим человека не только на семь главных составных частей, но что средняя часть человеческого существа, в свою очередь, распадается на тело ощущений, на душу ощущающую, на душу рассудочную и на душу сознательную, а уже за этим следует Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Обычно различают только семь частей. Из них четвертая, которую определяют словом «Я», должна, согласно человеческому развитию, иметь дальнейшие подразделения. ***То, что образуется в течение древнеперсидской культуры и является, собственно, астральным телом или «телом ощущений». Оно есть носитель собственно деятельных сил человека*** и потому переход от индуизма к Персии и заключается в переходе к обрабатыванию материи. Деятельной подвижностью рук и тем, что связано с ними, переходом к работе характеризуется эта культурная эпоха. Более чем это принято думать, была

склонна древняя Индия к бездействию рук, к созерцательному поднятию в высшие миры над миром материальным. Желая вспомнить свои прежние состояния, нужно было глубоко погрузиться в себя самого.

Физическое тело	Атлантида	Самодух
Эфирное	1-я культ. эпоха	
Тело ощущений	2-я культ. эпоха	
Душа ощущающая	3-я культ. эпоха	1 День
Душа рассудочная	4-я культ. эпоха	2 День
Душа сознательная	5-я культ. эпоха	3 День
Самодух	6-я культ эпоха	Жизнедух
Жизнедух	7-я культ эпоха	

Поэтому, говоря вообще, сущность индуcской Йоги заключается в тренировке и развитии эфирного тела.

Теперь пойдем дальше. Культура древней Персии состоит в том, что “Я” погружается в «тело ощущений». Культура Ассирии, Вавилона, Халдеи и Египта заключается в том, что “Я” достигает «души ощущающей». Что такое «душа ощущающая»? Это сила, которая у ощущающего человека обращается по преимуществу наружу, посредством которой он пользуется своими глазами и другими органами чувств и воспринимает в природе, вовне, проникающий Вселенную Дух. Поэтому в эту эпоху глаз человека направлен на материальные вещи, расположенные в пространстве, на звезды и их пути. Здесь действует на душу ощущающую то, что внешним образом наполняет пространство. В египетско-халдео-ассиро-вавилонскую эпоху человек лишь в малой степени обладает тем, что может быть названо внутренней культурой личности и рассудка, и современный человек плохо представляет себе, в чем, собственно, состояла мудрость той эпохи? Эта мудрость не была, в сущности, мышлением или спекуляцией рассудка, как у позднейшего человечества, но когда человек той эпохи обращал свой взор на внешние предметы, то он воспринимал их законы, читая их вовне при помощи внешних чувств. **Это было чтение законов, а не наука, основанная на понятиях.** Это была наука воззрения, впечатления. Если бы наши ученые дали себе труд подумать об этом, то неминуемо натолкнулись бы на вышесказанное. Ибо, раз в эту эпоху еще не существовало внутренних сил рассудка, то, следовательно, и не могло быть никакой науки, основанной на понятиях, науки собственно логической. Ее и не было. История называет первым основателем логики Аристотеля. Если бы до того существовала Логика, — наука, основанная на понятиях, — то люди уже сумели бы изложить ее в письменной форме. **Логика, как мышление в своем “Я”, связь и разделение в нем понятий, логическое суждение, а не зрительное считывание с вещей, — все это проявляется лишь в четвертую культурную эпоху.** Поэтому мы называем эту четвертую эпоху эпохой «души рассудочной». Мы же сами принадлежим к эпохе (человечество вступило в эту эпоху приблизительно в середине средних веков, начиная с X, XI, XII веков) к эпохе проникновения “Я” в «душу сознательную». Столь поздно это совершилось. Лишь в половине средневековья “Я” вошло в душу сознательную. И это положение легко можно подтвердить исторически, и если бы было время осветить все подробности и указать на многое, касающееся данного вопроса. В то время в человеке внедрилось совершенно определенное понятие **индивидуальной свободы, индивидуальной ценности.** Рассматривая первую половину средних веков, вы еще найдете там повсюду, что значение человека в известной мере зависит от его положения в обществе. Социальное положение, звание и достоинство наследуются от отца и родственников, и человек действует и работает в мире сообразно с этими безличными условиями, не связанными с его сознательным “Я”. Лишь позднее, со времени развития торговли и изобретений и открытий новой истории, начинает расширяться “Я”-сознание, и мы видим по всей Европе образование городских коммун и городских конституций вполне определенного характера, как внешнее отражение этой души сознательной. Например, из истории Гамбурга можно было бы легко доказать ход подобного развития. То, что в средние века называлось «вольным городом», есть именно внешний отпечаток этого веяния души сознательной в человечестве. Обращая теперь взгляд наш в будущее, мы можем сказать: мы сейчас находимся на ступени развития этого личного сознания в душе сознательной, и все требования нового времени суть не что иное, как бессознательные выявления требований «души сознательной» человека. Проникая нашим духовным взором еще дальше, в будущее, мы можем увидеть в духе еще следующее: Человек в следующую

культурную эпоху поднимается до «Манаса» или «Самодуха». Это будет время, когда люди в гораздо большей степени, чем сейчас, будут обладать общей мудростью, будут как бы погружены в общую мудрость. Люди всегда начнут чувствовать, что глубочайшая сущность человека является одновременно и общим критерием человечества. То, что сейчас зовут индивидуальным достоянием человека, не есть еще индивидуальное достояние на его высшей ступени. В наши дни с индивидуальностью, с личностью человека еще в значительной мере связана вражда и различие мнений. Люди склонны утверждать: «Тот, кто не имеет собственных мнений, не может считаться самостоятельным человеком». Именно из желания стать самостоятельными людьми, люди должны прийти к различным мнениям. Но ценность такого воззрения второстепенна. Величайшие мир и гармония будут достигнуты людьми при наибольшей их индивидуализации. ***Различие мнений существует до тех пор, пока люди не вполне еще осенены Манасом.*** Эти мнения еще не восприняты истинной внутренней сущностью человека. Сейчас имеются лишь некоторые предвестники внутренне воспринятых истин. Таковы истины математические и геометрические. О них спорить нельзя. Хотя бы миллион людей говорил вам, что дважды два — пять, а вы (сами) внутри себя знаете, что это 4, то вы останетесь при своем убеждении, зная, что другие заблуждаются; как не верили бы утверждению, что сумма трех углов треугольника не равна 180 градусам. Это и есть культура Манаса, когда сильная индивидуальность, личность человека будет все более и более ощущать источники истины, и когда одновременно с этим высшие истины будут одинаково признаваться всеми людьми, как математические истины. Математические истины, будучи наиболее обычными, равно признаются сейчас всеми. Относительно же других истин люди спорят, не потому, что по одному и тому же вопросу могут существовать два различных и одинаково верных мнения, но лишь потому, что люди еще не пришли к осознанию и преодолению разделяющих их личных симпатий и антипатий. Если бы в простых истинах математики принималось в расчет еще и личное мнение, то, возможно, что многие хозяйки стояли бы за то, что дважды два — пять, а не четыре. Для того, кто глубже смотрит в природу вещей, невозможен спор об ее высшей сущности, есть только возможность все большего познания ее. ***И тогда истина, найденная одной душой, будет вполне совпадать с истиной другой души, и не будет места для спора. И в этом залог истинного мира и истинного братства, ибо истина едина и истина эта действительно имеет отношение к духовному Солнцу.*** Подумайте о том, как правильно растет отдельное растение, каждое растение растет навстречу солнцу, и оно одно. И в шестой культуре, когда Манас войдет в людей, будет существовать действительно единое духовное солнце, признаваемое всеми людьми и объединяющее их всех. Такова великая перспектива будущего нашей шестой эпохи. В седьмую же эпоху в наше развитие войдет до известной степени Жизнедух или Будхи. Но это весьма отдаленное будущее, которое мы можем лишь предчувствовать. Теперь же нам ясно только то, что шестая культурная эпоха будет очень значительной, ибо принесет нам через всеобщую мудрость мир и братство. Мир и братство тем, что не только в отдельных избранных, но и во всех нормально развитых людей спустится высшее “Я”, сначала в своей низшей форме, как Самодух или Манас. И постепенно вырабатывающиеся человеческие “Я” соединятся с высшим, с объединяющим “Я”. ***Мы можем назвать это (соединение) духовным браком, и в христианском эзотеризме так и называлась связь человеческого “Я” с Манасом.*** Но все вещи мира находятся между собой в глубоком соотношении, и недостаточно человеку протянуть руку, чтобы ухватить этот Манас. Для этого ему предстоит подняться на еще гораздо более высокую ступень развития, чтобы быть в состоянии самому себе помочь в этом. Вообще человечеству в его развитии нужна была помощь для того, чтобы в послееатлантическую эпоху человек мог соединиться с высшим “Я”. Для каждого достижения необходимо приготовление. Если ребенок должен стать чем-нибудь в 15 лет, то над этим нужно работать уже с его 6-, 7-летнего возраста. Каждое развитие требует приготовления своих импульсов. То, что должно произойти с человечеством в 6-ую эпоху, требовало длительной подготовки. Для осуществления судеб человечества шестой эпохи должна была прийти мощь и сила извне. Первый подготовительный импульс действовал еще вполне извне, из мира духовного, не спускаясь еще в мир физический. На это указывает нам великая миссия еврейского народа. Когда Моисей, бывший посвященным в египетские мистерии, получил от духовного водительства миром то повеление, которое мы могли характеризовать словами: «Скажи Сынам Израилевым, когда они будут спрашивать тебя об имени Моем, что «Я есмь — Я есмь» послал меня к вам», то этим ему было сказано:

подготавливай их, указывая им на безобразного, но невидимого Бога; учил их, говоря, что в то время как в крови их еще действует Бог-Отец, для тех, кто может это вместить, уже подготавливается то «Я есмь», которое потом спустится вплоть до физического плана. Это было, так сказать, заложено в третью культурную эпоху. И из еврейского народа вытекает миссия сообщить человечеству Бога, того Бога, который впоследствии спускается глубже, является во плоти. Сначала только возвещается о Нем, потом и для физических очей Он является во плоти, и тогда то, что было некогда заложено Моисеем, находит свое истинное выражение. Представим себе хорошенько этот момент: духовное провозвестие Моисея и заключение этого провозвестия, — явление возвещенного Мессии во Христе. С этого момента, который мы обозначили, как первую часть истории христианства, развитию человечества дается реальный импульс к тому единению и братству, которое должно прийти в шестую эпоху. Как некая сила спускается и действует во времени, дабы постепенно созрел плод, так действовала эта сила вплоть до нашего времени, когда, как мы указали, человечество совершенно погрузилось в материю со своими интеллектуальными и духовными силами. Могут спросить: **«Почему же христианство должно было прийти в мир, как непосредственный предтеча эпохи глубочайшего материализма?»** Представьте себе, что человечество вошло бы в эту материалистическую эпоху без христианства; тогда для него было бы невозможно вновь найти устремление ввысь. Представьте себе, что у человечества нет Импульса, данного ему Христом: **все человечество пришло бы к упадку, должно было бы навеки связать себя с материей; оно было бы, как говорится, в оккультизме, «охвачено тяжестью материи» и выброшено из развития.** Итак, мы должны представить себе, что в послеплатоническую эпоху человечество ступенью глубже спускается в материю, но прежде чем им была достигнута глубочайшая ступень, человечеству был дан другой импульс, который снова движет его ввысь в противоположном направлении. Это был Импульс Христа. **Если бы Импульс Христа подействовал раньше, то человечество вообще не пришло бы к материальному развитию.** Если бы он пришел в древне-индусскую культурную эпоху, то человечество, конечно, прониклось бы духовным элементом христианства, но не смогло бы спуститься достаточно глубоко для того, чтобы создать все то, что мы называем сейчас внешней физической культурой. **Может показаться странным, когда говорят, что без христианства не было бы железных дорог, пароходов и проч., но для понимающего соотношение вещей это так.** Результаты нашей культуры никогда бы не могли вырасти из древнеиндусской эпохи. Существует таинственная связь между христианством и всем тем, что ныне составляет так называемую гордость человечества. Христианство, выждав должный момент, сделало возможной внешнюю культуру, а тем, что оно появилось своевременно, оно дало возможность людям, связавшим себя с его принципом, снова подняться из материи. **Но само христианство, будучи не понято при восприятии, претерпело сильную материализацию.** Непонимание шло так далеко, что оно само было воспринято материалистически и известным образом в течение всей только что нами рассмотренной эпохи, которую мы можем обозначить как вторую часть его истории, христианство, вплоть до наших дней, является в сильно искаженном материализованном образе. Так, например, вместо того, чтобы понять высшую духовную идею Тайной Вечери, ее стали представлять себе материалистически, как грубое превращение вещества. И мы могли бы привести сотни примеров, которые показывают непонимание христианства как духовного явления. В наши дни мы уже достигли приблизительно конца этой второй эпохи христианства: перед человечеством все более встает необходимость коснуться действительной духовной сущности христианства, того, что действительно должно быть христианством, чтобы выявить свое истинное духовное содержание. И это должно произойти, благодаря теософскому углублению христианства. Применяя теософию к христианству, мы следуем мировой исторической необходимости подготовить третью эпоху христианства, которая идет навстречу принятию в себя Манаса — шестую культуру. Это будет, так сказать, третья глава. Первая глава обнимает собой время провозвестия христианства до явления Христа Иисуса и немного дальше. Вторая глава есть глубочайшее погружение человеческого духа в материю и материализация самого христианства; третья же глава должна стать духовным пониманием христианства путем теософского углубления. Тот факт, что памятник, подобный Евангелию от Иоанна, оставался непонятным вплоть до нашего времени, находится в связи с общим ходом материалистического развития. Материалистическая культура в том виде, как она постепенно образовалась, не могла вполне понять Евангелие от Иоанна. Культура духовная, которая должна начаться с теософского движения, придет к пониманию именно этого памятника в его истинном духовном значении, и подготовит переход в

шестую культурную эпоху. Нечто особенное выявляется для ищущего христианского или розенкрейцерского посвящения, а также для всякого, ищущего посвящения вообще. Для него все вещи приобретают двойное значение: с одной стороны, он видит то, что разыгрывается вовне, в мире физическом, с другой стороны, он видит в этих вещах, разыгрывающихся в физическом мире, указание на великие всеобъемлющие события. Итак, вы меня поймете, если я теперь попытаюсь описать то впечатление, которое имел писавший Евангелие от Иоанна при одном определенном обстоятельстве.

В жизни Христа Иисуса было некое особенное событие, случившееся на физическом плане. Но автор Евангелия от Иоанна повествует и о нем, как посвященный. Это событие является для него в то же время изображением переживаний и восприятий в акте посвящения. Представьте же себе заключительный акт в процессе посвящения.

Три с половиной срока, представляющие в древности три с половиной дня, посвящаемый пребывал в летаргическом сне, как мы уже говорили об этом. Каждый день он переживал нечто новое в духовных мирах. В первый день он имел определенные переживания, которые воспринимал как в духовных мирах; на второй день — другие, на третий — опять другие.

И тому, о ком здесь идет речь, в соответствующем месте явилось то, что всегда является духовному взору ясновидящего: *будущее человечества*. Зная импульсы будущего, мы можем их влить в настоящее, и этим вести настоящее навстречу будущему. Представьте себе ясновидящего того времени, он переживал духовное значение первой из вышеупомянутых глав, с того момента, как раздался голос: «Скажи твоему народу «Я есмь — Я есмь», и до пришествия Мессии. Как вторую главу он переживал сошествие Христа в материю. И как третью главу он переживал подготовку человечества к принятию духа или Манаса в шестую эпоху. И это он переживал в астральном предвидении. **Он переживал брак между человечеством и духом.** Это важное переживание; но человечество может достигнуть его внешнего выражения лишь потому, что в известное время Христос явился в истории. До тех пор человечество не жило в таком братстве, которое создано внутренним рождением духа в человеке, где царит мир между людьми. До тех пор существовала лишь такая любовь, которая готовилась материально в кровном родстве. Постепенно эта любовь развивается в любовь духовную, и эта духовная любовь спускается вниз. И как бы в заключение третьей главы посвящения, говорим мы поэтому: человечество празднует свой брак с Манасом или Самодухом. Но это может совершиться только когда наступит время, только когда приспел срок для полного осуществления импульса Христа. Пока же это время не настало, должно считаться с отношениями, лежащими в основе кровного родства, до тех пор любовь еще не духовна. Всюду, где в древних источниках говорится о числах, говорится о тайнах чисел. И, читая слова: **«На третий день был брак в Кане Галилейской»**, каждый посвященный знает, что под этим «третьим» днем подразумевается нечто особенное. Что таится здесь? Написавший Евангелие от Иоанна этим указывает, что здесь дело идет не только о действительном переживании, но что здесь одновременно кроется великое могучее пророчество. Этот брак изображает собой великий брак человечества, являвшийся в посвящении на третий день. В первый день показывается то, что происходит в первую эпоху, при переходе из третьей культурной эпохи в четвертую; на второй день — то, что происходит при переходе из четвертой культурной эпохи в пятую, и на третий день — то, что должно совершиться, когда человечество перейдет из пятой культурной эпохи в шестую. Это три дня посвящения. И импульс Христа должен был ждать до третьего момента. До тех пор он не может действовать. В Евангелии от Иоанна указано на особое соотношение между «мне и тебе», на соотношение «нас обоих». Когда Мать Христа побуждает Его сотворить знамение, Он говорит: «Еще не пришел час Мой» — час действовать на брак, т.е. на духовное сочетание людей. Этот час еще впереди. Ныне еще продолжается, и будет продолжаться то действие, которое основано на кровной связи; отсюда указание на отношении Матери и Сына на браке. Когда мы таким образом рассматриваем этот памятник, то все чисто внешнее отделяется от своего полного значения духовного фона. И мы заглядываем в глубинные пропасти духовной жизни, постигая, что дал человечеству такой посвященный, как автор Евангелия от Иоанна, и понимаем, что этой возможностью он обязан импульсу Христа, вложенному в развитие человечества.

Итак, мы видели, что не пустой аллегорией или символической, но из астральной действительности, которую переживает посвященный, должны объясняться подобные вещи. Здесь дело не только в

символическом изложении, но в повествовании о переживаниях посвященного. Если не установить этого, то *стоящие вовне* с полным правом могут сказать: «Теософия не дает ничего, кроме аллегорических изображений». Но если мы применяем в данном месте теософский способ изложения в том виде, как мы его поняли, то узнаем, как развивается в человечестве Импульс Христа, через три мировых дня, из третьей культурной эпохи в четвертую, из четвертой — в пятую, и из пятой — в шестую. И, наблюдая это развитие в смысле Евангелия от Иоанна, мы говорим себе: *«Столь велик был Импульс Христа, что современное человечество восприняло его пока лишь в самой незначительной доле, вполне же он будет понят только в будущем».*

Одиннадцатая Лекция

Гамбург, 30 мая 1908 г.

Если мы хотим все наше рассмотрение сосредоточить на более глубоком понимании в Евангелии от Иоанна слов «Отец и Мать Иисуса» и благодаря этому вообще понять сущность христианства в смысле Евангелия от Иоанна, то для этого нам, прежде всего, необходимо иметь материал для определения понятий «Отца» и «Матери» в их духовном значении, подразумеваемом в Евангелии от Иоанна, и, в то же время, в их действительном значении. Ибо здесь дело идет не о аллегорических или символических толкованиях.

И здесь, прежде всего вам нужно понять, что значит соединиться с высшим миром, стать готовым к принятию высших миров. Для этого нужно рассмотреть сущность посвящения, особенно по отношению к Евангелию от Иоанна. Что значит «посвященный»? Во времена послееатлантического развития посвященным назывался тот, кто мог подниматься в духовные миры, над внешним, физическим, чувственным миром и иметь в них собственные переживания и восприятия в духовных мирах, который, следовательно, переживал духовный мир таким же образом, как человек воспринимает вещи физического мира своими глазами, ушами и т.д. Подобный посвященный становится свидетелем о духовных мирах и их истине. Это одна сторона. К этому приводило еще нечто, существенно отличное от первого, и что каждый посвященный получал во время посвящения, как некое особое свойство, а именно — он поднимался также над теми чувствами и ощущениями, которые, хотя и правомерны и даже глубоко необходимы в мире физическом, но не могут существовать в том же виде в мире духовном. Не поймите это ложно, что будто бы тот, кто как посвященный, в состоянии кроме физического мира переживать еще и мир духовный, должен отвыкнуть от всех человеческих чувств и ощущений, имеющих ценность здесь, в физическом мире, и применять их на высшие миры. Это не так, он не обменивает одно на другое, но к одному присоединяет другое. *Если с одной стороны человек должен одухотворить свои чувства, то с другой стороны он должен тем сильнее укрепить те чувства, которые делают его способным для работы на физическом плане.* В этом смысле надо принимать слова, применяемые к посвященному: *«Он должен стать безродным».* Это не значит, что он должен хотя бы в малейшей степени отдалиться от Родины и семьи, пока живет в физическом мире; слова эти главным образом указывают на то, что через усвоение соответствующих чувств в духовном мире чувства физического мира становятся тоньше и лучше. Что значит «безродный человек»? Без этой предпосылки никто не может достигнуть посвящения в истинном смысле этого слова; *быть «человеком безродным» значит, что человек не должен создавать себе никаких особых симпатий в духовном мире, которые походили бы на особые симпатии, развиваемые человеком здесь, для отдельных, особых стран и связей.*

В мире физическом отдельный человек принадлежит к тому или иному народу, к той или иной семье, к тому или иному сословию. Все это так и должно быть. Он не должен порывать с этим, здесь он нуждается в этом. Но если бы он захотел применить эти чувства в мире духовном, то этим он внес бы в духовный мир очень опасное добавление. Там должно не развивать какую-либо симпатию к чему-нибудь, но предоставлять всему действовать на себя объективно, согласно заключенной в объекте ценности. Можно также сказать, если бы все могли правильно понять это, что *именно*

посвященный должен быть человеком объективным в полном смысле этого слова.

В своем развитии человечество появилось на нашей Земле из предыдущего состояния «безродности», связанного с древним смутным ясновидением. Мы видели, как человечество спустилось в мир физический из духовных сфер. В первоначальных духовных сферах не существовало ничего подобного патриотизму и т.п. Когда люди спустились из духовных сфер, то одна часть их поселилась в одном месте, другая — в другом, и отдельные человеческие группы в отдельных странах сделались отпечатками этих стран. Не думайте, что негр черен лишь в силу внутренних оснований, он стал черным и благодаря приспособлению к условиям своей страны, и с белым дело обстоит так же. **И так же, как крупные различия по цветам и кастам, так и более мелкие индивидуальные различия народов возникли оттого, что человек воспринимает нечто из окружающей его обстановки.** Но это, в свою очередь, находится в связи со специализацией любви. Любовь развилась сперва в малых общинах благодаря тому, что люди стали различны между собой. И лишь постепенно смогут развиваться люди, исходя из малых общин, до великой общины любви, которая разовьется конкретно вследствие насаждения Самодуха. Итак, посвященный должен был бы как бы предвидеть стремление человечества — преодолеть все преграды, создать великий мир, великую гармонию и братство. Посвященный, становясь безродным, должен был уже заранее принимать в себя однородные ростки великой братской любви. На это символически указывалось в древние времена рассказами о странствованиях, совершенных посвященными. Так рассказывалось о странствованиях Пифагора. Какова их цель? Стать объективным относительно всего, в своих чувствах, которые развились в недрах тесной общины. Задача христианства дает всему человечеству импульс к этому, всему человечеству то, что до тех пор было импульсом лишь для посвященного. Осознаем хорошенько глубочайшую идею христианства, что **Христос есть Дух Земли, а Земля — тело и одежда Христа.** Примем это в буквальном смысле слова, ибо мы уже сказали, что отдельные слова такого памятника, как Евангелие от Иоанна, мы должны ценить на вес золота. Что знаем мы относительно «одежды» Земли, окидывая взглядом ее развитие? Прежде всего, что эта одежда Земли, т.е. твердые части Земли, разделена (между людьми), — одна часть захвачена одним, другая — другим, в свое обладание. Эта принадлежит тому, другая — этому. Обладание — расширение личности путем присвоения собственности — есть то, что в ходе времени в известном смысле разделило одежду, носимую Христом, Духом Земли. Только одно не могло быть разделено и принадлежит всем — это воздушный покров, окружающий Землю. И из этого воздушного покрова, как в мифе о рае, было вдуто в человека дыхание жизни, и здесь мы имеем первые зачатки «Я» в теле физическом. Воздух нельзя поделить. Посмотрим, указывает ли где-нибудь на это тот, кто в Евангелии от Иоанна дал нам глубочайшую сущность христианства? «Войны разделили одежды Его между собой, хитон же не разодрали». Эти слова раскрывают нам тайну о том, что Земля, как нечто целое вместе с окружающей ее воздушной атмосферой, является одеждой и хитоном Христа. На континенты и страны разделена одежда, но не хитон Его. Воздух не разделен, он равно принадлежит всем. И он является внешним, материальным символом той любви, которая обволакивает земной шар и которая реализуется впоследствии. И во многих других отношениях христианство должно привести людей к принятию всем человечеством кое-чего от духовного принципа посвящения.

Желая понять это, мы должны охарактеризовать само посвящение. Для этого достаточно представить себе в существенном три главных типа посвящения: **древнее посвящение йога, собственно христианское посвящение и то, которое совершенно подходит к современному человеку, — христианско-розенкрейцерское посвящение.** И теперь покажем, как в основном протекает посвящение для всех этих трех форм, чем оно является, и что оно из себя представляет. Чем приобретает человек способность видеть в духовных мирах? Подумайте, чем получили вы способность воспринимать физический мир? Физическое тело обладает для этого органами чувств. Проследив развитие человечества в его далеком прошлом, вы увидите, что человек еще не обладал глазами для видения, ушами для слышания в физическом мире, но что все это находится в состоянии еще «недифференцированных безразличных органов», как выражается Гете. Как доказательство, вспомните о некоторых низших животных, еще сохранивших донныне подобные безразличные органы. Так, у некоторых вместо глаз — точки, которыми они различают только свет и мрак. И из этих безразличных органов лишь постепенно образовались органы зрения и слуха. Они были, так сказать, врезаны в пластическую субстанцию физического тела. И параллельно с образованием наших глаз для

вас возник физический мир красок; параллельно с образованием уха возник физический мир звуков. Никто не имеет права сомневаться в существовании какого-либо мира, он может только сказать: «Я знаю только этот или тот мир», но нельзя сказать: «Я не допускаю возможности существования мира, познаваемого другим», ибо говорящий так требует, чтобы и другие воспринимали не иначе, чем он; он авторитетно требует, чтобы существовало лишь то, что он видит. Если кто-либо нынче скажет нам: «Все это теософские бредни, ничего из того, что утверждают теософы, не существует», то этим он только доказывает, что ни он, ни ему подобные не воспринимают духовных миров. Мы становимся на точку зрения, признающую существование вещей. Но тот, кто допускает существование лишь того, что он воспринимает, требует от нас не только признания того, что он знает, но права авторитетно судить о том, чего он не знает. Нет худшей нетерпимости, чем нетерпимость официальной науки относительно науки о духе, и в будущем эта нетерпимость примет еще небывалые дотоле размеры. Она выступает в самых различных формах. Люди совершенно не сознают, что они часто говорят вещи, которых не должно говорить. На многих правоверных христианских собраниях можно услышать: «Теософы говорят о каких-то тайных учениях христианства; но христианство вовсе не нуждается в этом, ибо допустимо лишь то, что может быть принято к восприятию простым обыкновенным умом». **Конечно, это значит не что иное, как то, что он, этот говорящий, может сам понимать и воспринимать.** Непогрешимость папы справедливо отрицается многими христианскими общинами, но личная непогрешимость имеет в настоящее время место в самых широких кругах, также и среди христиан. Теософия оспаривается с папистской точки зрения, причем, каждый провозглашает себя в своем роде маленьким папой. Если мы хорошо задумаемся в тот факт, что фактически чувственный мир существует для нас благодаря образованию отдельных органов физического тела, то нам уже не покажется удивительным, что восприятие высшего мира зависит от образования высших органов в высших членах существа человека, в его эфирном и астральном теле. Физическое тело в этом отношении уже вооружено теперь своими органами, эфирное и астральное тело еще нет, — их еще нужно выработать там, а когда они имеются, то наступает то, что мы зовем восприятием высших миров.

Поговорим теперь о том, как строятся эти органы в эфирном и астральном теле. Мы сказали, что высшие органы развиваются у стремящегося к посвящению и получающего его. Как достигается это? Прежде всего, нужно взять астральное тело человека там, где оно является в своей чистоте. Пока астральное тело во время бодрствования погружено в тело физическое, то силы этого последнего действуют на астральное тело. Оно тогда не свободно. Оно следует желаниям тела физического, и тут с ним, так сказать, ничего нельзя поделать. Начать работать над ним, преобразовывать его можно лишь во время сна, когда астральное тело выходит из физического. Высшие органы восприятия могут быть образованы в астральном теле человека лишь путем выработки их в то время, когда оно само находится вне физического тела, — во сне, но нельзя работать над спящим человеком. Для современного человека было бы невозможно воспринять происходящее с ним при этом. Находясь в бессознательном состоянии, он не может воспринять этого. Здесь кроется кажущееся противоречие, но во время сна астральное тело не сознает своей связи с физическим. **Нужно действовать на астральное тело косвенным образом, именно так регулировать дневные впечатления физического тела, чтобы ночью они оставались, как отпечатки, в теле астральном.** Для этого нужны особые приемы, и работа над жизнью и впечатлениями физического тела. У ученика день его должен проходить иначе, чем у человека, стоящего в обыденной жизни. Согласно предписанным методам, он должен постепенно овладевать своей внутренней жизнью. Для этого нужны упражнения, медитации, концентрации или созерцания. Эти упражнения также строго предписываются в соответствующих школах, как, например, микроскопические исследования в лабораториях. Если ученик выполняет эти упражнения, то их действие столь интенсивное, что его астральное тело пластически преобразовывается, когда выходит во время сна. Совершенно так же, как губка, пока я держу ее в руке, приспособляется к форме руки, так и астральное тело изменяет свою форму, следуя астральным силам, заложенным в него. Средством для этого служат те духовные упражнения, которые ученик предпринимает в течение дня, и при помощи которых астральное тело ночью так видоизменяется, что в нем образуются органы восприятия высших миров.

Медитацию можно производить трояким образом: или обращать наибольшее внимание на **мышление** человека, на так называемый чистый элемент мудрости мысли — это путь **«йога»**, которая

главным образом работает над этой мыслительной стороной, над созерцанием. Затем можно действовать больше на элемент *чувства* путем особой выработки его: это собственно *христианское* направление. И, наконец, можно сочетать работу над *чувством и волей*, и тогда это *христианско-розенкрейцерское* направление. Рассмотрение сейчас посвящения йога завело бы нас слишком далеко, да оно и не имеет никакого отношения к Евангелию от Иоанна. Из рассмотрения посвящения чисто христианского мы поймем, в чем состоит посвящение вообще. Для человека современных кругов общества такое христианское посвящение почти невозможно. Оно требует временного затворничества. ***В розенкрейцерском же посвящении человек может достигнуть высших миров, не жертвуя своими обязанностями.*** Но общий принцип посвящения мы можем вполне уяснить себе и из христианского посвящения. Чисто христианское посвящение работает исключительно на чувстве, и я укажу вам на семь переживаний, как на семь ступеней чувства, переживание которых действует на астральное тело таким образом, что оно развивает в себе ночью высшие органы восприятия. Уясним же себе, как должен жить христианский ученик, чтобы пройти эти ступени.

Первая ступень называется «омовением ног». Здесь учитель говорит ученику: «Взгляни на растение. Его корни находятся в почве, и эта минеральная почва есть нечто низшее, чем само растение. Если бы растение могло сознавать себя, то оно должно было бы сказать земле: хотя я и высшее существо, но без тебя я не смогло бы жить, ибо наибольшее количество питания я получаю от тебя». И если бы растение могло обратить это в чувство, то оно должно было бы склониться к камню, говоря: «Хотя ты и низшее существо, камень, но я склоняюсь перед тобой, ибо тебе я обязано своим бытием». Если мы поднимемся к животному, то увидим, что оно подобным же образом должно было бы относиться к растениям, говоря: «Хотя я и выше, чем растение, но низшему царству природы обязано я своим существованием». И если, следуя таким образом, мы поднимемся до человека, то поймем, что каждый стоящий несколько выше на общественной лестнице должен склониться к низшей ступени со словами: «Низшей ступени я обязан своим существованием». И это восходит, таким образом, вплоть до Иисуса Христа. Двенадцать окружающих Его находятся ступенью ниже, чем Он, но подобно тому, как растение развивается из камня, так Христос Иисус вырастает из двенадцати. Он склоняется перед двенадцатью и говорит: «Вам обязан Я своим бытием». Объяснив это ученику, Учитель говорит ему: «В продолжение недель должен ты предаваться космическому чувству того, как высшее должно склониться к низшему, и когда ты вполне разовьешь это в себе, то переживешь некий внутренний и внешний симптом». Последние не существенны, но лишь показывают, что ученик достаточно упражнялся. Когда физическое тело в достаточной мере испытывало на себе подобное влияние души, то для ученика это выражается во внешнем симптоме, в ощущении, как если бы его ***ноги обмывались водой***; ощущение это вполне реальное. И как другое реальное чувство перед ним на астральном плане встает как яркое видение омовение ног, склонение Высшего Духа к низшему. Тогда человек переживает астрально то, что в Евангелии мы находим как изображение исторического события.

Вторая ступень состоит в том, что ученику говорят: «Теперь другое чувство должны мы развить в тебе. Ты должен представить себе, как вся боль, все страдания мира обрушиваются на тебя, почувствовать, что ты стоишь беззащитным от напастей, всевозможных бед, и ты должен в своем чувстве оставаться твердым, хотя бы тебя охватила вся скорбь мира». И тогда, когда ученик достаточно упражнялся, вновь появляются два симптома. Один, как если бы ученика со всех сторон ***бичевали***, а другой — астральное видение «бичевания». Я рассказываю нечто такое, что было пережито сотнями людей и что сделало их способными подняться в духовные миры.

В ***третьей ступени*** ученик должен представить себе, что все наиболее для него священное, на чем держится все его существо, клеймится насмешкой и презрением. Здесь он должен сказать себе: «Что бы ни случилось, я буду стойким и буду бороться за то, что для меня священно». Вживаясь в подобное представление, он ощутит как бы уколы в голове и переживает астральное видение — ***возложение тернового венка***. Я опять повторяю, что суть здесь не в симптомах, но что они появляются как следствие упражнений. Причем, принимаются меры, чтобы не могло быть и речи о внушении или самовнушении.

Четвертая ступень — ученик начинает чувствовать свое тело столь же чуждым себе, как какой-нибудь внешний предмет, например, как кусок дерева, так что он не говорит уже своему телу «Я». И это чувство должно до такой степени овладеть им, что он говорит себе: «Я ношу с собой свое тело, как

ношу свое платье». Он не связывает больше свое «Я» со своим телом. Тогда он переживает то, что называют *испытанием крови*. Являясь во многих других случаях болезненным состоянием, здесь, где все болезненное должно быть удвоено, — оно есть следствие медитации. На ногах, на руках и на правой стороне груди выступают так называемые *стигматы*, а как внутренний симптом учения видит в астральном видении «распятие».

Лишь вкратце можем мы коснуться пятой, шестой и седьмой ступени чувств (в христианском посвящении). *Пятая ступень* состоит в том, что называют «*мистической смертью*». На этой ступени ученику дают пережить чувство, как если бы в одно мгновение перед всем физически видимым упала черная завеса и как если бы все физически видимое исчезло. Этот момент посвящения сопровождается еще одним, крайне важным, переживанием, которое необходимо пережить каждому, стремящемуся к христианскому посвящению в истинном смысле этого слова. Ученик как бы погружается в бездны зла, боли, греха, во все, что как злое живет в человеческой душе, испытывает он погружение в ад. Это есть «*нисхождение в ад*». Раз это пережито, то черная завеса разрывается и раскрывается духовный мир.

Шестое называется «положением во гроб и воскресением». На этой ступени ученик чувствует себя единым со всем земным телом, как бы вложенным в него, объединенным со всем земным шаром. Его жизнь расширилась до пределов планетарной Земли.

Седьмое чувство невозможно описать словами: описать его мог бы только человек, мыслящий без посредства физического мозга, а для этого нет языка, ибо наш язык заключает обозначения, приложимые только к физическому плану. Поэтому возможно только указание на эту ступень. Она превосходит всяческое представление человека. Ее называют «*вознесением*» или полным вхождением в духовный мир.

Здесь замыкается лестница тех чувств, в которые должен погрузиться ученик в состоянии дневного бодрствования при полном внутреннем сосредоточении. И если ученик отдался этим переживаниям, то они действуют столь сильно на его астральное тело, что ночью в нем пластически образуют внутренние органы восприятия.

В посвящении розенкрейцерства не проходятся эти семь ступеней чувства, хотя действие аналогично только что описанному. Всякое посвящение требует, прежде всего, переработки астрального тела путем дневных переживаний таким образом, чтобы ночью в своем свободном состоянии оно само себе создало новую пластическую форму. И когда таким образом человек сам придал своему астральному существу пластическую форму, тогда астральное тело становится собственно новой частью человеческого существа. Оно совершенно пронизывается Манасом или Самодухом. И когда астральное тело таким образом расчленено, то следует эти его пластические образования перенести в тело эфирное. Как, нажимая печатью на сургуч, вы получаете изображение не только на самой печати, но и на сургуче, так и астральное тело должно погрузиться в тело эфирное, дабы оттиснуть в нем добытое им. Первая фаза — переработка астрального тела — одинакова во всех методах посвящения. Различие же касается лишь перенесения достигнутого в тело эфирное.

Об этом мы скажем завтра, выяснив различие трех главных видов посвящения, ставших глубочайшими импульсами развития в послеплатоническое время, и укажем на значение посвящения для развития человечества вообще. И тогда нам станут ясными и те страницы Евангелия от Иоанна, о которых мы еще не говорили.

Двенадцатая Лекция

Гамбург, 31 мая 1908 г.

Мы обсуждали вчера то изменение, которое происходит в астральном теле человека вследствие медитации, концентрации и иных упражнений, даваемых в различных методах посвящения. Мы видели, что астральное тело перерабатывается этими упражнениями и в нем образуются органы для восприятия высших миров. И мы сказали также, что до этого момента, — хотя *упражнения вполне должны согласоваться с требованиями данного культурного периода*, — что до этого момента

принцип посвящения общий повсюду. Великое основное различие начинается лишь в следующий момент. Для того чтобы человек действительно мог видеть в высших мирах, необходимо, чтобы выработанные им астральные органы отпечатались в теле эфирном. Древние называли эту переработку астрального тела путем медитации и концентрации — «*катарсис*» — *очищение*. Этот катарсис или очищение стремится к тому, чтобы удалить из астрального тела все, что мешает его гармонической и правильной организации и достижению высших органов, к зачаткам которых оно предрасположено и нужно только, так сказать, выявить заложенные в нем силы. Мы уже сказали, что для катарсиса можно применять самые различные методы. Можно, например, очень далеко подвинуться в этом катарсисе, усвоив и внутренне пережив то, что написано в моей «Философии свободы». Тогда можно сказать себе: «Книга эта была моим побудителем, но теперь я в состоянии уже сам из себя произвести находящиеся в ней мысли». И кто относится к этой книге, например, так, ибо так и написана эта книга, как виртуоз-пианист относится к композитору пьесы, воспроизведя все из себя самого, конечно, соответствующим образом, тот сможет достигнуть высокой степени катарсиса, следуя строгой последовательности мыслей этой книги. Ибо книга эта рассчитана именно на такое действие. Ибо в этой книге все мысли расположены так, что воздействуют определенным образом. Множество современных книг написаны так, что в них легко можно, изменив слегка систему, об одном сказать раньше, о другом — позже, подменить одно положение другим. Это невозможно в «Философии свободы». Здесь также невозможно поместить стр. 150 ранее стр. 50, как у собаки заменить задние ноги передними. Ибо книга эта является внутренним организмом, и переработка содержания этой книги есть нечто, подобное внутренней тренировке.

В дохристианском посвящении, после того, как ученик проделал необходимые подготовительные упражнения, длившиеся часто много лет, ему говорили: «Теперь твое астральное тело приобрело высшие органы познания, нужно, чтобы они отпечатались в теле эфирном». И затем ученика подвергали процессу, который в наши дни не только не необходим, но и не может быть строго выполнен. Ученика погружали в летаргическое состояние на трое с половиной суток. В этот срок с ним происходило не только то, что в каждую ночь во сне происходит с человеком, — выход астрального тела из тела эфирного и физического, — но из него извлекалось до известной степени и его эфирное тело, причем, заботились о том, чтобы не разрушилось оставшееся физическое тело, и чтобы ученик не умер. Таким образом, эфирное тело освобождалось от сил физического тела, действующих на него. Оно становилось, так сказать, эластичным и пластическим и теперь, погружая в него органы восприятия, приобретенные раньше астральным телом, получали в эфирном теле отпечатки всего астрального тела. И когда затем ученик приводился иерофантом в нормальное состояние, т.о., когда его астральное тело и «Я» вновь соединялись с телами эфирным и физическим (этот акт производился посвящающим иерофантом), то им был достигнут не только катарсис, но и то, что называют «*просветлением*» — «*фотисмос*». Отныне ученик мог воспринимать в окружающем его мире не только физически чувственные предметы, но, применяя свои духовные органы восприятия, воспринимать и видеть духовное. ***В этих-то двух процессах — в очищении и просветлении — и заключалась сущность посвящения.***

Но в течение исторического развития для человека наступила такая фаза, что мало-помалу сделалось невозможным без серьезного нарушения всех функций организма извлекать эфирное тело из физического, ибо все постлеатлантическое развитие и состояло в том, чтобы эфирное тело все больше и больше укреплялось в теле физическом. Поэтому явилась необходимость прибегнуть к другим методам, которые давали бы возможность астральному телу, достаточно развитому и прошедшему катарсис, не разлучая физического тела с эфирным, и не взирая на препятствия физического тела, тем не менее, сообщить эфирному телу отпечатки своих органов восприятия, когда астральное тело само по себе входит снова в физическое и эфирное тела. В медитации и концентрации должны были развиться большие силы, дабы дать астральному телу сильнейшие импульсы для преодоления сопротивления физического тела. И, прежде всего, появилось собственно христианское посвящение, требовавшее прохождения семи ступеней, которые мы описали вчера. Пройдя через эти чувства и ощущения, человек столь интенсивно перерабатывает свое астральное тело, что в нем, быть может, лишь через несколько лет, но рано или поздно, образуются органы восприятия и запечатлеваются затем в эфирном теле, дабы человек стал просветленным. Этот вид чисто христианского посвящения для подробного своего описания потребовал бы не несколько дней, но двух

недель ежедневных лекций. Сейчас это невозможно. Вчера были сообщены вам лишь некоторые частности христианского посвящения. Мы ограничимся лишь знакомством с его основами. Этим путем человек мог получить посвящение без трехдневного летаргического сна: именно *если христианский ученик непрестанно медитирует над стихами Евангелия от Иоанна. Если он ежедневно дает воздействовать на себя первым стихам этого Евангелия от слов: «В начале было Слово ...» и до «полное благодати и истины», то это является сильнейшей медитацией, они таят в себе эту силу. Ибо Евангелие от Иоанна в своем целом существует не только для того, чтобы читать и понимать его интеллектом, но и для того, чтобы пережить и перечувствовать его внутренне, тогда оно само становится силой, приходящей на помощь к посвящению и работающей для него.* И тогда «омовение ног», «бичевание» и др. события становятся астральными видениями, переживаемыми в полном соответствии с их описанием в Евангелии от Иоанна, начиная с 13-ой главы.

Розенкрейцеровское посвящение, хотя и стоит вполне на христианской почве, работает с иными символическими представлениями, вызывающими катарсис, именно с *имагинативными образами*. Это изменение методов было обусловлено дальнейшим человеческим развитием, которому они должны соответствовать.

Мы должны понять, что после посвящения человек в своей основе становится совершенно иным, чем до того. В то время как прежде он воспринимал в окружающем его мире лишь физические предметы, теперь он достигает возможности также воспринимать события и существа мира духовного. Тем самым человек достигает познания в гораздо более реальном смысле, чем то отвлеченное рассудочное прозаическое знание, о котором обычно говорят. Здесь познавательный процесс приобретает нечто совершенно новое для достигшего духовного познания. Он становится полным осуществлением прекрасного изречения: «познай самого себя». Но крайне опасным в области познания является ложное понимание этого изречения и, к сожалению, в наше время это случается слишком часто. Многие понимают его таким образом, что не нужно больше всматриваться в окружающий мир, а лишь в свою собственную внутреннюю сущность и все духовное искать в ней. *Такое понимание совсем ложно, ибо оно означает совсем иное.* Человек должен отдавать себе отчет в том, что истинное высшее познание есть тоже развитие и тот, кто заключается только в себе самом, не познает ничего нового. *Все то, чего он достигает, — это познание, в собственном смысле этого слова, своего собственного низшего “Я”.* Но это лишь часть того, что должно быть познано, и к этому должна присоединиться и другая часть, без этих двух частей невозможно развитие. Внутри себя человек может развить органы познания, но столь же мало, как глаз, — этот высший орган чувств, смотря сам в себя, может познать солнце, но должен для этого смотреть во внешний мир, так и внутренний познавательный орган должен обратиться наружу, т.е. к окружающему нас духовному миру, чтобы прийти к действительному познанию. Понятие «познание» имело в прежние времена, когда духовные вещи воспринимались еще более реально, гораздо более реальный смысл, чем теперь. Прочитайте в Библии слова: «Авраам познал жену свою», или что тот или иной из патриархов «познал жену свою». Не нужно далеко идти, чтобы понять, что здесь мыслится оплодотворение и известное изречение: «познай самого себя» не означает: «устреми свой взор в самого себя», но *«оплодотвори себя токами, притекающими к тебе из духовного мира».* *Познай самого себя — не значит: смотри внутрь себя, а оплодотвори себя самого содержанием духовного мира.* Для этого требуется двойная подготовка — через катарсис и просветление, после чего душа свободно открывается духовному миру. В подобном процессе познания *внутреннюю сущность человека мы можем уподобить женскому началу, а внешнее — началу мужскому.* Внутреннее существо человека должно быть подготовлено к восприятию его высшей «самости». Раз оно готово к восприятию — тогда высшая человеческая самость (высшее “Я”) струится в человека. Ибо где же находится эта высшая «самость». Находится ли она внутри отдельного человека? Нет, на Сатурне, Солнце и Луне высшая самость была излита во весь космос. Тогда космическое “Я” было излито в человека и человек должен отдаться воздействию на себя этого “Я”. Он должен отдаться влиянию этого “Я” на свою предварительно приготовленную душу. *Внутреннее существо человека, другими словами — его астральное тело — должно очиститься, облагородиться, пройти через катарсис, и лишь тогда оно может ожидать, что на него сойдет и просветит его космический дух.* Это возможно только тогда, когда человек путем очищения своего астрального тела разовьет в себе внутренние органы

познавания. *Тогда астральное тело развилось во всех отношениях настолько, что при погружении его в эфирное и физическое тела, наступает просветление, фотисмос.* В действительности, при этом астральное тело отпечатлевает свои органы в теле эфирном, вследствие чего человек начинает воспринимать вокруг себя духовный мир, т.е. его внутреннее существо, его астральное тело воспринимает то, что предлагает ему тело эфирное, что оно вбирает в себя из всего космоса, из космического “Я”.

Это очищенное астральное тело, свободное в тот момент, когда оно получало просветление от каких бы то ни было нечистых впечатлений физического мира и содержащее лишь духовные органы познания — это астральное тело христианская эзотерика называла *«чистой, целомудренной, мудрой девой Софией»*. Всем тем, что во время катарсиса воспринимает в себя человек, он претворяет свое астральное тело в деву Софию. И к деве Софии нисходит космическое “Я”, мировое “Я”, сообщающее ей просветление, окружающее человека светом, духовным светом, и этот второй момент христианская эзотерика называла и называет еще и поныне *«Святым Духом»*, так что в духе христианского эзотеризма совершенно верно выражается христианский ученик, говоря, что его *астральное тело, очищаясь в процессе посвящения, становится «Девой Софией» и затем просветляется, или, если хотите, «осеняется» Святым Духом, космическим мировым “Я”*. И теперь такой просветленный, принявший в себя, по выражению христианской эзотерики, «Духа Святого», говорит совершенно иначе, чем другие. Как же говорит он? Говоря о Сатурне, Солнце, Луне, о различных частях человеческого существа, о событиях мирового развития, он не высказывает обо всем этом своих мнений. Его взгляды не имеют при этом ровно никакого значения. Отныне, когда он говорит о Сатурне, то это Сатурн говорит из него; когда он говорит о Солнце, то это духовная сущность Солнца говорит из него. Он стал орудием: *его “Я” исчезло, в такие моменты его “Я” становится безличным, из него говорит, им пользуется, как орудием, космическое мировое “Я”*. Поэтому в учении истинного христианского эзотеризма нельзя говорить о взглядах и мнениях. Это было бы в полнейшем смысле слова неверным. Их там нет. Говорящий в правильном духе в смысле христианской эзотерики о мире, говорит себе: «Дело не в том, что, рассказывая людям о двух лошадях, я скажу, что одна мне нравится меньше и кажется мне ленивой, а все дело в том, чтобы я описал людям этих лошадей и их поступки». *Речь идет о свободном от какого бы то ни было личного взгляда, повествований о том, что наблюдается в духовном мире.* В каждой теософской системе учения должны просто излагаться результаты фактических событий, которые не должны иметь ничего общего с личными взглядами повествователя.

Итак, мы узнали теперь духовное значение двух понятий. Мы узнали сущность Девы Софии, являющейся очищенным астральным телом и мы познали сущность «Святого Духа» — космического мирового “Я”, воспринимаемого Девой Софией и затем говорящего из соответствующего астрального тела. Но нечто иное должно быть достигнуто на еще более высокой ступени — возможность помощи, возможность сообщить ему импульс для достижения вышеописанного. Люди настоящей эпохи развития могут принять в себя вышеописанным образом Деву Софию (очищенное астральное тело) и Духа Святого (просветление), но чтобы это стало возможным на Земле, для этого должен был прийти Христос Иисус. В духовную атмосферу Земли он вложил силы, которые сделали возможным христианское посвящение. Как возникло оно?

Чтобы понять это, нам нужно усвоить себе две вещи: прежде всего, мы должны ознакомиться с тем, как давали наименования в эпоху, когда были написаны Евангелия. Способ давать названия был тогда совершенно отличен от нашего. Современные толкователи Евангелий не понимают тогдашнего принципа наименований и потому их толкования неверны. Принцип этот разъяснить очень трудно, но мы можем все же разъяснить его, отдав здесь только некоторые указания. Представьте себе, что при встрече с тем или иным человеком мы бы не удовлетворились его именем, именем абстрактным и случайным, как они даются в наши дни, но представьте себе, что мы стали бы присматриваться и обращать внимание на его выдающиеся свойства, на наиболее резкие черты его характера и затем мы были бы в состоянии ясновидчески исследовать более глубокую основу его существа и дали бы ему имя, согласно главнейшим свойствам, которые по нашему мнению ему присущи. Следуя такому порядку дачи имен, мы приблизительно, хотя и в более низкой и элементарной степени, поступили бы в смысле автора Евангелия от Иоанна, когда он давал те или иные имена. Чтобы еще более пояснить, как при даче имен действовал автор Евангелия от Иоанна, — я должен сказать следующее: автор

Евангелия от Иоанна, созерцая историческую Матерь Иисуса и ее выдающиеся свойства, и говорил себе: где бы мне найти для нее имя, которое наисовершеннейшим образом выражало бы ее сущность? И так как, пройдя через свои прежние воплощения, она стояла на той духовной высоте, которой достигла, и во внешнем своем облике она являлась отображением и откровением того, что в христианском эзотеризме называли Девой Софией, то *он и назвал Матерь Иисуса «Дева София»*. И так называлась она повсюду в эзотерических христианских школах. Эзотерически он вообще оставлял ее без имени, в противоположность другим, избравшим для нее внешнее имя Мария. Иоанн же не смел взять имени внешнего, ибо должен был в имени дать выражение мировому историческому развитию. И он делает это, намекая на то, что она не могла называться Марией, называя ее просто «Матерь Иисуса» и ставя возле нее сестру ее — Марию, жену Клеопову. Этим он указывает на то, что не может открыто произнести ее имени. В кругах же эзотерических ее всегда называли Девой Софией. Она была внешним историческим олицетворением Девы Софии.

Если мы желаем еще дальше проникнуть в сущность христианства и его Основателя, то должны коснуться еще другой мистерии. Мы должны научиться различать между тем, кого христианская эзотерика называет «Иисусом из Назарета» и Тем, кому она дает название «Христа Иисуса», Христа в Иисусе из Назарета. Что это значит? Это значит следующее: прежде всего в исторической личности Иисуса из Назарета мы имеем дело с высокоразвитым человеком, который прошел через много-много воплощений и достиг такой высокой ступени, что в новом воплощении смог войти в Матерь, столь чистую, что Иоанн смел называть ее Девой Софией. (Это человек Иисус из Назарета, стоящий на высокой ступени духовности). Остальные Евангелисты, кроме автора Евангелия от Иоанна, просветлены менее, чем Евангелист Иоанн. Им более явлен чувственный мир действительности, в котором они видят своего Учителя и Мессию, как Иисуса из Назарета. Но зато таинственные духовные соотношения на той высоте, куда обращен взор Иоанна, закрыты для них. Поэтому совершенно особую ценность они придают тому, что в Иисусе из Назарета выявилось то, что всегда жило в еврействе, что всегда продолжалось в еврействе: Бог, живший через ряды поколений в еврейском народе, Бог-Отец. Поэтому они говорят: «Проследивая происхождение Иисуса из Назарета через ряды поколений, мы можем доказать, что в Нем действительно струится кровь этих поколений. Они дают нам поэтому Его родословную, и дают ее опять-таки согласно различным ступеням своего развития. Так евангелист Матфей прежде всего желает показать следующее: «В Иисусе из Назарета перед нами человек, в котором жив отец Авраам, в котором струится кровь отца Авраама». Поэтому он ведет свою родословную до Авраама. Он стоит на более материальной точке зрения, чем автор евангелия от Луки. Этот последний стремится показать не только то, что в Иисусе жил Бог, живший уже в Аврааме, но что происхождение Иисуса и кровную преемственность можно проследить еще далее, вплоть до Адама, Адам же был сыном самого Божества, т.е. он принадлежал к той эпохе, когда люди впервые перешли из духовности в телесность. И у Матфея, и у Луки речь идет о том, чтобы показать, что в этом временном Иисусе из Назарета заключено лишь то, что исходит из божественной силы Отца, — насколько глубоко человек Иисус из Назарета был включен в божественный поток Отчей силы. Автор Евангелия от Иоанна, смотрящий в духовные миры, заботился не об этом, он не заботился о выражении: «Я и отец Авраам — едино», но он хотел показать следующее: «В каждое мгновение в человеке есть нечто вечное, что уже до отца Авраама было в нем. В начале всего сущего был Логос, имя которому — «Я есмь». Прежде, нежели создались все внешние предметы и существа — Он был, — Он был изначально. Для тех, кто хотел больше показать Иисуса из Назарета и кто мог показать только Его, важно было показать, как текла кровь его предков через поколения, и что она текла в Иосифе, — отце Иисуса Назорея. Если бы мы могли говорить здесь вполне эзотерически, то естественно, что мы должны были бы коснуться понятия «непорочно зачатия». Однако, об этом можно говорить лишь в наиболее тесном кругу. Вопрос этот принадлежит к числу наиболее глубоких мистерий и все недоразумения, возникающие вокруг этого понятия, основываются здесь вообще на неведении людьми смысла.

Люди думают, что это означает отсутствие отцовства. Но это не так, — здесь кроется гораздо более глубокая и таинственная основа, и с тем, что за этим скрывается, вполне совместимо то, что хотят показать другие евангелисты, что Иосиф — отец Иисуса. Все, что они говорят, совершенно утратило бы всякий смысл при отрицании этого факта. Они хотят показать, что в Иисусе из Назарета живет древний Бог, и особенно ясно хочет показать это евангелист Лука. Поэтому всю родословную он

возводит к Адаму и затем — к Богу. *Он не привел бы всей этой родословной, если бы Иосиф здесь был совершенно ни при чем, ибо было бы странно придавать такое значение личности Иосифа, чтобы затем выбросить его совершенно из хода событий.* Но в палестинском событии мы имеем дело не только с этой высокоразвитой личностью Иисуса из Назарета, прошедшей через множество инкарнаций и дошедшей до высоты, которая требовала столь поразительной Матери, но мы имеем здесь дело еще со второй мистерией. Когда Иисус Назарей достиг 30-летнего возраста, в силу того, что Он еще пережил в тогдашнем воплощении, он стал способен к некоему переживанию, имеющему место в исключительных случаях. Мы знаем, что человек состоит из тел физического, эфирного, астрального и “Я”. Этот четырехслойный человек и есть тот человек, что живет среди нас. Достигнув известной высоты развития, человек в состоянии в определенный момент извлечь свое “Я” из трех тел, оставив их неразрушенными и вполне здоровыми. Само “Я” уходит в духовный мир, оставляя три тела внизу. В мировом развитии мы иногда встречаемся с подобным процессом. Иногда, в момент высшего экстаза, который при известных обстоятельствах может длиться довольно долго, “Я” выходит из человека в духовный мир, и так как его три тела достаточно высоко развиты деятельностью бывшего в них “Я”, то они становятся пригодным оружием для еще более высокого существа, которое вселяется в них. *На 30-ом году жизни Иисуса Назарей в его физическое, эфирное и астральное тело вселяется существо, которое мы называем Христом.* Существо Христа не могло воплотиться в обыкновенное тело ребенка, но лишь в такое, которое было подготовлено для этого деятельностью высокоразвитого “Я”. Ибо до тех пор никогда в мире не была воплощена эта сущность Христа в теле физическом. Итак, с 30-летнего года жизни в Иисусе из Назарета мы имеем дело с Христом. Что же там произошло в действительности? *В действительности телесность Иисуса из Назарета, оставленная им, была настолько зрелой и совершенной, что в нее мог проникнуть солнечный Логос, — сущность шести Элохимов, которых мы описали, как духовную сущность Солнца. На три года мог солнечный Логос воплотиться в этом теле, стать плотью, сам солнечный Логос. Осеняющий человека в просветлении сам Святой Дух, само мировое космическое “Я” входит в тело Иисуса и отныне из этого тела и говорит в течение трех лет Солнечный Логос.* Но это событие передается в Евангелии от Иоанна, а также и в остальных Евангелиях, сошествием голубя — Духа Святого — на Иисуса из Назарета. В эзотерическом христианстве об этом говорили так, что в этот момент “Я” Иисуса из Назарета покинуло Его тело и что отныне в нем пребывает, из него говорит, поучает и действует дух Христа. Это первое событие, о котором повествует Евангелие от Иоанна. Итак, мы имеем Христа в астральном, эфирном и физическом теле Иисуса из Назарета. Мы описали его действия вплоть до Мистерии Голгофы. Что происходит на Голгофе? На Голгофе совершается следующее: представим себе наиболее важный момент Голгофы, когда кровь струится из ран Распятого. Я дам здесь некоторое сравнение, чтобы вы лучше поняли меня.

Представьте себе чашу с водой, в которой растворили соль настолько, что вода осталась достаточно прозрачной. Соль растворится, если вы согреете воду; затем охладите воду и вы получите на дне осадок затвердевшей соли. Физическому глазу виден лишь этот процесс, но для взора духовного здесь происходит еще нечто иное. В то время, *когда соль затвердевает на дне, дух соли стремится кверху, пронизывает и наполняет собою воду.* И только благодаря тому, что дух соли покидает ее и распространяется в воде, только благодаря этому соль может затвердеть. Сведущему в этих вещах известно, что *всегда, когда происходит уплотнение, совершается одновременно и одухотворение.* Итак, оплотневающее внизу имеет свой противоположный образ наверху, в духовном, — совершенно также, как при осаждении и отвердении внизу этой соли. Дух соли стремится ввысь и распространяется там.

Итак, в тот момент, когда кровь текла из ран Спасителя, совершался не только физический процесс, но это истечение крови в действительности сопровождалось духовным процессом и этот духовный процесс заключается в том, что *Дух Святой, принятый в момент Крещения Иисусом, соединился теперь с Землей, что Христос сам явился в земную субстанцию.* С этого момента Земля изменилась, и если бы (как я уже говорил вам об этом в прошлых лекциях), кто-нибудь в это время смотрел с какой-либо отдаленной звезды на Землю, то он увидел бы, как весь вид Земли изменился с события Голгофы. Земле сообщил солнечный Логос, заключил с ней союз, сам стал Духом Земли. Он совершил это тем, что вошел в тело Иисуса из Назарета на 30-ом году его жизни, действовал в нем в продолжение трех лет и затем был сохранен для Земли. Каждый истинный христианин должен был отныне на самом себе испытывать действие этого события, в силу которого он получил возможность в

христианском смысле очистить свое астральное тело, постепенно уподобить его Деве Софии, чтобы затем принять в себя Духа Святого, который до того мог распространиться над Землей, но которого не мог принять в себя тот, чье астральное уподоблено Деве Софии. Но для такой возможности превращения человеческого астрального тела в Деву Софию нужна была особая сила. Где же эта сила? Эта сила заключается в том, что **Христос передал своему любимому Ученику, т.е. автору Евангелия от Иоанна, миссию: основываясь на своем просветлении, истинно и точно записать палестинские события, чтобы люди могли испытывать на себе их действия. Если только человек в достаточной степени испытывает на себе влияние того, что записано в Евангелии от Иоанна, то его астральное тело уже на пути к тому, чтобы превратиться в Деву Софию и принять затем в себя Святого Духа.** Силой тех импульсов, которые исходят из Евангелия от Иоанна, он делается постепенно восприимчивее для духовного чувства и познания. Такую миссию, такое поручение дал Христос автору Евангелия от Иоанна. Раскройте и прочтите Евангелие: «При кресте Иисуса стояла Матерь его ... (Дева София в эзотерическом смысле христианства). Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит ему: «Се Матерь твоя». И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. Это значит: «Ту силу, которая была в моем астральном теле и дала ему возможность стать носителем Духа Святого, эту силу передаю Я тебе, и ты должен записать все, чего это астральное тело смогло достигнуть в своем развитии». И ученик взял ее к себе, т.е. он написал Евангелие от Иоанна и заключил в нем силы, нужные для развития Девы Софии. С креста была дана ему миссия — принять ее к себе как мать, стать истинным, подлинным интерпретатором Мессии. Собственно это значит: **«Вживитесь вполне в смысл Евангелия от Иоанна, познайте его духовно, и вы найдете в нем силу, которая приведет вас к христианскому катарсису, силу, которая сделает вас Девой Софией, а тогда соединенный с Землей Святой Дух сообщит Вам просветление, в христианском смысле».** Наиболее интимные ученики Христа столь сильно пережили палестинские события, что получили возможность духовного зрения. Для того, чтобы в христианском смысле видеть духовно, ближайшим ученикам, силой палестинских событий преобразившим свое астральное тело, не нужны были внешние, физически чувственные события. Ученики Христа видели в духовном мире. Это были Его ближайшие ученики. Такую могучую силу духовного видения получила из палестинских событий умастившая Христа в Вифании, и она одна из тех, кто первыми узнают, что то, что жило в Иисусе, сохранилось и после смерти, что это воскресло. Она могла это. Откуда у нее эта возможность? Потому что у нее открылись внутренние органы восприятия. Разве об этом сказано нам? Да. Нам сообщается, что Мария Магдалина приведена ко гробу, что тела нет в нем, а что она видит в гробнице два духовных образа. **Эти два духовных образа всегда видимы около тела через некоторое время после смерти. С одной стороны умершего находится астральное тело, а с другой стороны видимо тело эфирное, которое мало-помалу растворяется и переходит в мировой эфир.** Эти два духовных образа существуют помимо физического тела и принадлежат духовному миру.

«Ученики опять возвратились к себе, а Мария стояла у гроба и плакала; и когда плакала, наклонилась во гроб и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих...» (20.19 Иоанн)

Она увидела, что должна была увидеть, так как силой и властью палестинского события сделалась ясновидящей. Но она увидела нечто еще большее — она увидела самого Воскресшего. Но разве для этого нужно было ясновидение? Можете ли вы представить себе, что вы бы не узнали человека, которого видели за несколько дней перед тем в его физическом образе? Представляете ли вы это себе?

... «Сказавши себе, обратилась назад и увидела Иисуса стоявшего, но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: «Жена, что ты плачешь? Кого ищешь?» Она, думая, что это садовник...» (20.14-15 Иоанн).

И для большей точности не раз, а также и при описании следующего явления Воскресшего на берегу моря Тивериадского:

... «Когда же настало утро, Иисус стоял на берегу, но ученики не знали, что это Иисус».

Его находят эзотерические ученики и те из них, которые приняли в себя полную силу палестинского события, и которые были в состоянии ориентироваться и увидеть, что это был воскресший Иисус, видимый духовно. Но в то время, как ученики эти и Мария Магдалина видели Его, среди них были и такие, которые были несколько менее способны к развитию в себе силы ясновидения. К ним принадлежал например, Фома. Нам сказано и Фоме, что его не было в первый раз,

когда ученики увидели Господа, и он говорил, что ему нужно раньше, чем уверовать, вложить руки свои в раны Его, прикоснуться к Воскресшему телесно. Что же происходит здесь? Ему оказывается помощь для открытия духовного зрения. Таков смысл следующих слов: «... После восьми дней опять были в доме ученики Его и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: «Мир вам». (20.26 Иоанн).

Потом говорит Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в ребра Мои: и не будь неверующим, но верующим». (20.27 Иоанн).

И тогда ты увидишь нечто, если положиться не только на внешнее зрение, но и проникнешься внутренней силой. Эту внутреннюю силу, исходящую из Палестинского события зовут «верою». Это не есть обычная, но внутренняя сила ясновидения. «Проникнись этой внутренней силой, и тогда тебе не нужно будет считать действительностью только то, что ты видишь внешним образом: ибо блаженны могущие знать о том, чего не видят внешне».

Так показано, что мы имеем дело с абсолютной реальностью и истиной воскресения, и что постигнуть и признать ее может лишь тот, кто своей внутренней силой получит способность видения в духовном мире. Это объяснит Вам последнюю главу Евангелия от Иоанна, где все более и более указывается на тот факт, что самые близкие ученики Иисуса, благодаря совершившимся перед ними событиями, дошли до степени Девы Софии. Однако когда им в первый раз пришлось созерцать действительно духовное событие, они были еще ослеплены и должны были сперва освоиться, ибо они не знали, что перед ними стоял Бывший с ними прежде. Здесь дано нечто, к чему может подойти лишь тонкий разум; и грубо материалистический человек сказал бы здесь: «Итак, значит, воскресение представляется сомнительным». Нет, чудо воскресения должно принимать буквально, как и слова Христа: «И се Я с вами во все дни до скончания века». Он существует и теперь, и придёт вновь, хотя и не в телесном виде, но в таком, что Его смогут увидеть люди, которые до тех пор разовьются силой Евангелия от Иоанна, которые смогут действительно воспринимать Его. Они не будут больше неверующими, но воистину будут обладать духовной силой, чтобы видеть Его. Таковую миссию имеет теософское движение: подготовить для второго пришествия Христа ту часть человечества, которая желает приготовления. Таково мировое историческое значение теософской миссии, подготовить человечество и раскрыть ему глаза к тому, чтобы, когда в шестую культурную эпоху среди людей снова появится и будет действовать Христос, чтобы для большей части человечества стало возможным указанное нами в браке в Кане Галилейской.

Таким образом, теософское мировоззрение являет собою как бы завещательный акт христианства. Чтобы прийти к истинному христианству, человек будущего должен будет воспринимать те духовные учения, которые может дать теософское мировоззрение. Пусть говорят сейчас многие люди: «Ах, Теософия противоречит истинному христианству». Но это маленькие папы, делающие догмат из того, чего не знают. Эта нетерпимость будет все возрастать в будущем и **наиболее сильную опасность христианство переживет со стороны именно тех людей, которые в настоящее время считают себя правоверными христианами**. От этих христиан по имени, христианство теософии испытывает тяжелые гонения. Ибо все понятия должны будут измениться для истинного духовного понимания христианства. Прежде всего, наследие написавшего Евангелие от Иоанна — великая школа «Девы Софии», — так же, как и само Евангелие от Иоанна, будут все больше вливаться в людские души и усваиваться ими. Но лишь Теософия в состоянии глубже ввести в Евангелие от Иоанна. В наших лекциях была сделана только попытка к тому, как может Теософия ввести в Евангелие от Иоанна, так как объяснить все Евангелие от Иоанна невозможно. Даже и в самом Евангелии сказано:

«Многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг».

И как само Евангелие от Иоанна не может подробно рассказать о всех частностях о событиях в Палестине, столь же мало и самый длинный цикл лекций смог бы передать вам всю полноту духовного содержания Евангелия от Иоанна. Поэтому ограничимся лишь указаниями, которые могли быть даны на этот раз. Удовлетворимся же однако в том смысле, что такими указаниями выполняется действительный завет христианства в ходе человеческого развития. И пусть все сказанное сообщит нам силу твердо стоять на почве познания, полученного нами из Евангелия от Иоанна, когда явятся люди, говорящие нам: «Вы даете нам столько сложных понятий, которые необходимо усвоить, чтобы понять Евангелие: между тем Евангелие существует для простых и наивных душ, которым нельзя

давать сложных понятий и представлений». Сейчас многие говорят так. И часто они опираются на другое изречение: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Но в данном случае опираться на это изречение можно только не понимая его. Ибо в действительности оно значит: «Блаженны просящие о Духе, ибо сами через себя достигнут Царства Небесного». Это означает, что те, которые как нищие просят о Духе, которые все больше и больше жаждут принять в себя Духа, те обретут в себе Царство Небесное.

В наши дни слишком склонны предполагать, что все относящееся к религии тождественно с простым и примитивным. Люди говорят: мы признаем за наукой право обладания многими сложными понятиями, но мы не признаем этого права за верою и религией. Вера и религия — так говорят многие «христиане» — должны быть простыми и наивными. Вот чего они требуют, и некоторые из них ссылаются на воззрение, которое, хотя и редко, называется, но, тем не менее, овладевает умами и которое некогда было формулировано Вольтером — одним из великих учителей материализма. «Тот, кто хочет быть пророком, должен искать веры, ибо нужна вера в то, что он говорит, а лишь простое, что вновь и вновь повторяется в своей простоте, находит веру». Подобное бывает часто в наши дни со многими пророками истинными или ложными, они пытаются высказать нечто, и повторяют это все снова и снова, и именно в силу этого повторения люди научаются верить им. Теософ не должен давать и не хочет быть таким пророком. Да он и не хочет быть пророком вообще. Ему могут сказать: «Ты ведь не только повторяешь вещи, но все снова и снова освещаешь их с других сторон, все по-разному обсуждаешь их». И это верно. *Пророк хочет веры в себя, теософ хочет привести не к вере, а к познанию.* Поэтому возьмем изречение Вольтера в ином значении. «Простому верят» — говорит пророк, «многообразное познают» — говорит Теософия. Мы должны приучить себя к мысли, что Теософия есть нечто многообразное; не исповедание какой-либо веры, но путь к познанию, откуда и ее многообразие. Поэтому не будем бояться давать много-много нового для понимания важнейшего источника христианства — Евангелия от Иоанна. Мы сделали попытку собрать наиболее разнообразные материалы, которые помогли бы нам еще больше постичь глубокие истины Евангелия от Иоанна. Понять, каким образом телесная Матерь Иисуса была внешним проявлением, отображением Девы Софии, чем была Дева София духовно для ученика мистерии, которого любил Иисус, затем чем для других евангелистов, занятых физическим происхождением Иисуса; чем является плотский отец Его, который имеет значение там, где дело идет о внешнем выявлении понятия Бога в крови; что далее для Иоанна означает «Святой Дух», через которого в Иисусе был явлен в течение трех дней Христос, Дух, на которого символически нам указывается в сошествии голубя при Крещении Иоанновом. И если только мы научимся называть Отцом Христа Иисуса того Святого Духа, который в трех телах Иисуса родил Христа, то мы легко поймем, постигнув эту вещь со всех сторон, также и то, что ученики, не достигшие той высокой степени посвящения, на которой стоял ученик, любимый Господом, не могли дать нам столь глубокого изображения события в Палестине, как он.

А когда в наше время люди говорят о синоптиках, как об единственной критерии, то это показывает только, что люди не хотят подняться до понимания истинного образа Евангелия от Иоанна. Ибо *каждый уподобляется тому духу, которого постигает.* Если мы попробуем перелить в свои чувства и ощущения то, что благодаря Теософии мы могли познать в Евангелии от Иоанна, то мы увидим, что Евангелие от Иоанна не есть только поучительная книга, но что это сила, которая может подействовать на нашу душу. Цель этих лекций будет верно понята вами, если вы почувствовали, что кроме сказанного здесь, Евангелие от Иоанна в своих словах содержит силу,двигающую душу вперед. Ибо эти лекции не только стремились к тому, чтобы дать что-либо рассудку, интеллектуальной способности восприятия, но к тому, чтобы содержание их, пройдя через рассудок и интеллект, уплотнилось бы до чувства и ощущений, являющихся следствиями всего того, что здесь было сказано. Когда это будет понято действительно правильным образом, тогда вам станет понятна также и *миссия теософического движения — возвысить христианство до мудрости, через посредство духовной мудрости, — понять истинную сущность христианства.*

Вы поймете, что христианство еще стоит лишь на пороге своего действия, и что истинная миссия его будет завершена лишь тогда, когда оно будет понято в своем истинном, т.е. духовном образе. И чем более эти лекции будут пониматься в этом смысле, тем более будут они поняты в своем истинном первоначальном значении.